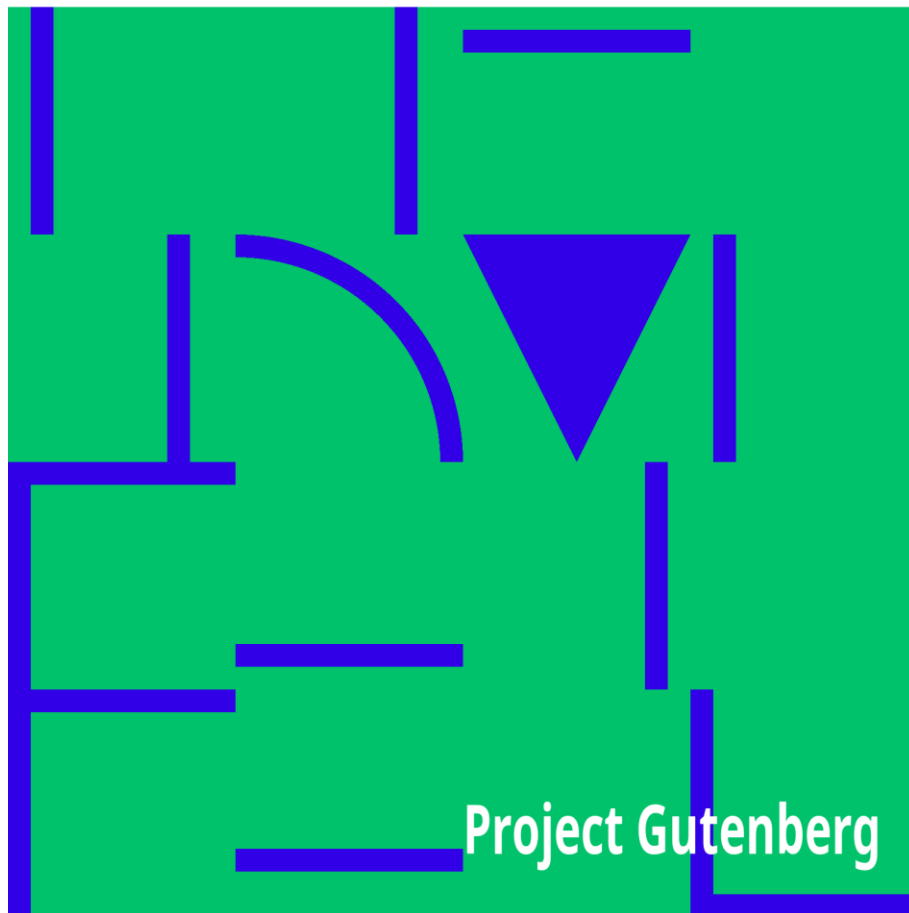

История Лондона

Уолтер Безант

The History of London

Walter Besant

The Project Gutenberg eBook of The History of London.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, вам придется ознакомиться с законодательством страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: История Лондона

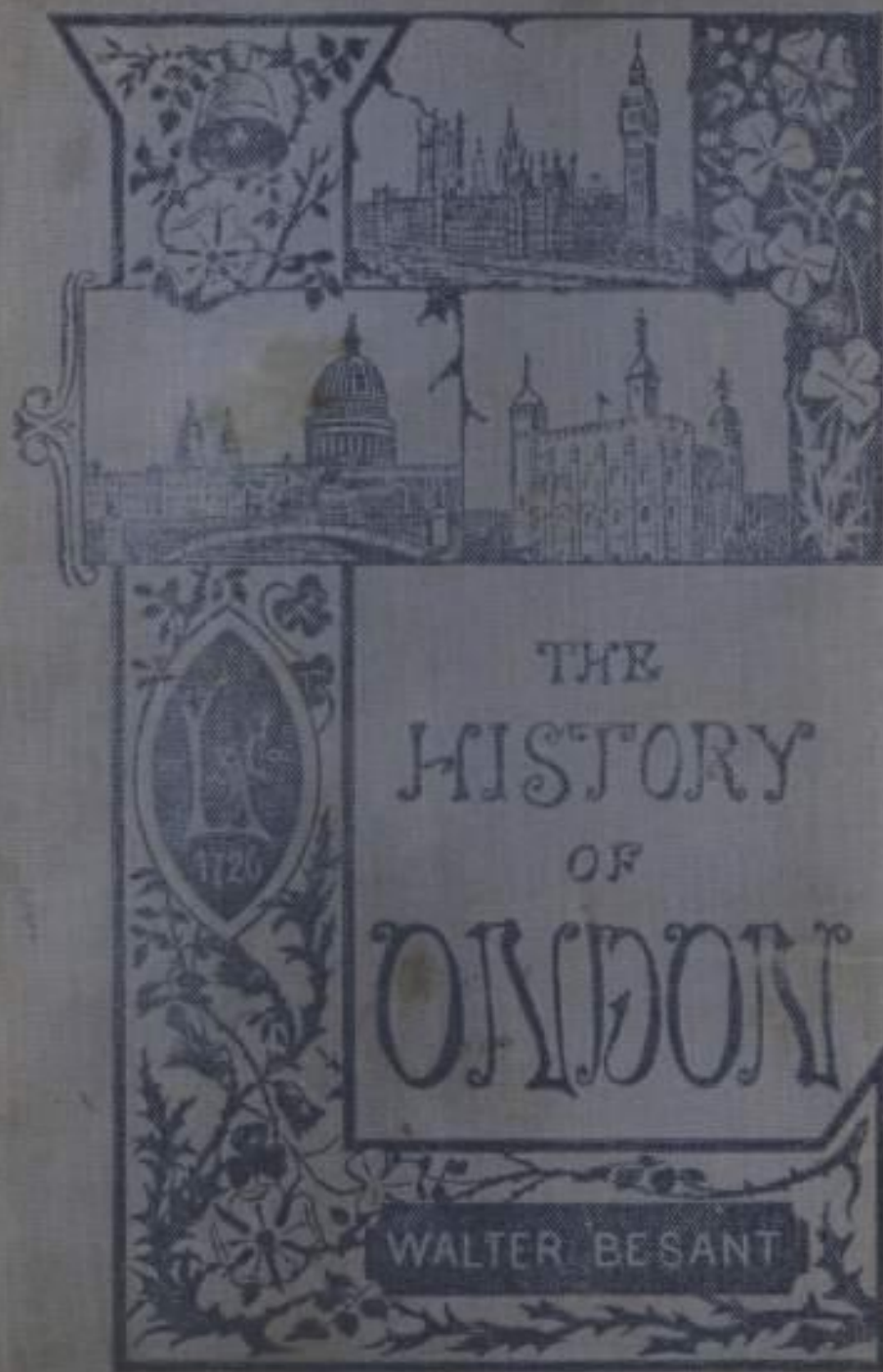
Автор: Уолтер Безант

Дата выхода: 4 февраля 2009 [eBook #27995]

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Сьюзен Скиннер и командой Online Distributed Proofreading Team at <http://www.pgdp.net>

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK THE HISTORY OF LONDON ***

НОВЫЕ ПАЛАТЫ ПАРЛАМЕНТА: СПРОЕКТИРОВАНО БАРРИ, ОТКРЫТО В 1852 ГОДУ.

ИСТОРИЯ ЛОНДОНА

УОЛТЕР БЕЗАНТ

АВТОРА "ЛОНДОНА", "ДЕТЕЙ ГИБЕОНА" И ДР.

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ

ЛОНДОН

LONGMANS, GREEN, AND CO.

1894

Все права защищены

СОДЕРЖАНИЕ.

УРОК	СТРАНИЦА
1. Основание Лондона (I)	7
2. Основание Лондона (II)	10
3. Римский Лондон (I)	13
4. Римский Лондон (II)	16
5. После римлян (I)	19
6. После римлян (II)	23
7. После римлян (III)	26

8.	Первое саксонское поселение	29
9.	Второе саксонское поселение	32
10.	Англосаксонский гражданин	34
11.	Лондонская стена	38
12.	Нормандский Лондон	42
13.	Рассказ Фицстефена о городе (I)	45
14.	Рассказ Фицстефена о городе (II)	50
15.	Лондонский мост (I)	54
16.	Лондонский мост (II)	57
17.	Лондонский Тауэр (I)	60
18.	Лондонский Тауэр (II)	63
19.	Пилигримы	67
20.	Госпиталь Святого Варфоломея	70
21.	Ужас проказы	74
22.	Ужас голода	78
23.	Собор Святого Павла (I)	82
24.	Собор Святого Павла (II)	86
25.	Церковный двор Павла	91
26.	Религиозные дома	95
27.	Монахи, монахини и монахини	100
28.	Лондонские церкви	103
29.	Улицы	106
30.	Уиттингтон (I)	110
31.	Уиттингтон (II)	115
32.	Уиттингтон (III)	118
33.	Дары и завещания	121
34.	Дворцы и великие дома	124
35.	Увеселения	127
36.	Вестминстерское аббатство	131
37.	Суд в Вестминстере	134
38.	Правосудие и наказания	137
39.	Политическая власть Лондона	140
40.	Елизаветинский Лондон (I)	144
41.	Елизаветинский Лондон (II)	147
42.	Елизаветинский Лондон (III)	151
43.	Торговля (I)	155
44.	Торговля (II)	158
45.	Торговля (III)	164
46.	Пьесы и представления (I)	168

47. Пьесы и представления (II)	170
48. Пьесы и представления (III)	173
49. Пьесы и представления (IV)	177
50. Ужас чумы (I)	180
51. Ужас чумы (II)	183
52. Ужас огня (I)	187
53. Огненный ужас (II)	192
54. Жулики и бродяги	197
55. При Георге Втором (I)	201
56. При Георге Втором (II)	206
57. При Георге Втором (III)	210
58. При Георге Втором (IV)	214
59. При Георге Втором (V)	218
60. Правительство города (I)	222
61. Правительство города (II)	226
62. Правительство города (III)	228
63. Лондон	230
Заметки	235

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ.

	СТРАНИЦА
1. Новые палаты парламента: по проекту Барри, открыты в 1852 году	<i>Фронтиспис</i>
2. Ранняя британская керамика	9
3. Римский Лондон	15
4. Остатки корабля викингов из каирна в Гокстаде	22
5. Мученическая смерть святого Эдмунда от рук датчан	31
6. Саксонские всадники	33
7. Саксонская церковь в Брэдфорде-на-Эйвоне, Уилтс	36
8. Городские ворота	39
9. Остатки стены	40
10. Часть римской стены в Лестере	41
11. Башня в более раннем стиле. Церковь в Эрлс-Бартоне	44
12. Норманнский корабль	46
13. Строительство церкви в позднем стиле	47
14. Светские костюмы в двенадцатом веке	50
15. Костюм пастухов в двенадцатом веке	51
16. Церковный костюм в двенадцатом веке	52
17. Королевские гербы Англии от Ричарда I до Эдуарда III.	54
18. Старый Лондонский мост	57

19. Лондонский Тауэр	61, 64
20. Кровать в царствование Генриха III.	67
21. Интерьер зала в Пенсхерсте, Кент	71
22. Верхняя палата или Солар в усадьбе Саттон-Куртений	73
23. Прокаженные, просящие милостыню	77
24. Лондон до того, как был сожжен шпиль собора Святого Павла; показаны мост, Тауэр, судоходство и т. д.	83
25. Старый собор Святого Павла с востока	85
26. Старый Сент-Полс в огне	87
27. Западный фасад соборной церкви Святого Павла. (Построен сэром Кристофером Реном)	89
28. Крест Павла	92
29. Аббатство Бермондси	96
30. Руины ворот аббатства Бермондси	97
31. Госпиталь Христа	99
32. Чепе в пятнадцатом веке	108
33. Большие корабли и лодки пятнадцатого века	111
34. Морской бой	113
35. Дома Дарема, Солсбери и Вустера	125
36. Приманка для медведя	128
37. Стрельба по окуркам из длинноствольного лука	129
38. Гробница Эдуарда III в Вестминстерском аббатстве	132
39. Высадка Генриха VIII из Дувра, 1520 год	141
40. Кареты в царствование Елизаветы	148
41. Город из Саутварка	150
42. Юго-восточная часть Лондона в XV веке, с изображением Тауэра и стены	153
43. Король Эдуард VI.	159
44. Сэр Томас Грешем	161
45. Первая королевская биржа	162
46. Судоходство на Темзе, около 1660 года	166
47. Сэр Фрэнсис Дрейк на сорок третьем году жизни	167
48. Театр "Глобус"	179
49. Гражданский костюм около 1620 года	181
50. Костюм юриста	181
Обычный гражданский костюм; <i>временщик</i> . Карл I:	
51. Сельский житель	185
52. Селянка	185
53. Гражданин	187
54. Жена горожанина	187
55. Джентльмен	189

56. Джентльмен	189
57. Луд-гейт в огне	190
58. Дом Пола Пиндара	191
59. Лондон, восстановленный после пожара	193
60. Кареты второй половины семнадцатого века	195
61. Повозка второй половины семнадцатого века	195
62. Обычная одежда джентльменов в 1675 году	197
63. Платье знатных дам	199
64. Обычная одежда женщин низших сословий	199
65. Группа, демонстрирующая костюмы и кресло-седан, около 1720 года	202
66. Темпл-бар, Лондон	203
67. Флит-стрит и Темпл-бар	205
68. Карета середины семнадцатого века	207
69. Вид школы, связанной с Домом собраний Буньяна	209
70. Гренадер во время Пенинсульской войны	211
71. Форма моряков, около 1790 года	213
72. Костюмы джентльменов, около 1784 года	215
73. Суда, разгружающиеся у таможни, начало восемнадцатого века	217
74. Старые здания парламента и Вестминстерское аббатство, 1803 год	221

ЛОНДОН

1. ОСНОВАНИЕ ЛОНДОНА.

ЧАСТЬ I.

В 1108 году до н. э. Брут, потомок Энея, сына Венеры, после взятия Трои прибыл со своими спутниками в Англию и основал город Тройновант, который теперь называется Лондоном. Через тысячу лет, в течение которых город сильно разросся и процветал, его королем стал некто Луд. Он построил стены и башни, а также знаменитые ворота, название которых до сих пор сохранилось на улице под названием Ладгейт. Короля Луда сменил его брат Кассивелаунус, во времена которого произошло вторжение римлян при Юлии Сезаре. Тогда Тройновант, или Лондон, стал римским городом. Он был заново укреплен Еленой, матерью Константина Великого".

Такова легенда, придуманная или скопированная Джеффри Монмутским и продолжающая копироваться, а возможно, и верить в нее, почти до наших дней. Отдав дань старой традиции, расскажем о подлинной ранней истории города, которую можно извлечь из сохранившихся документов, из находок, сделанных при раскопках, из фрагментов архитектуры, а также из лежащей земли. Свидетельство, полученное из земли, важнее, чем

любое другое, по нескольким причинам. Во-первых, исторический документ может быть ложным или неточным; например, выдумка о Бруте, сыне Энея, ложна и абсурдна с первого взгляда. Или же документ может быть неверно истолкован. Так, фрагмент архитектуры по незнанию может быть отнесен к римскому периоду, в то время как он относится к нормандскому - нужно быть глубоким знатоком архитектуры, чтобы высказывать ценное мнение о возрасте какого-либо памятника: или он может быть принят за нечто совершенно отличное от истины, как, например, бастион старого римского форта, обнаруженный на Корнхилле, должен быть принят за часть римской стены. Но ложь земли не может обмануть, а в компетентных руках не может быть понята неправильно. Если мы знаем русло ручьев, высоту и положение холмов, течение долин, местоположение болот, бывшую площадь лесов, безопасность гаваней, существование бродов, то в наших руках оказывается путеводитель по истории. Тогда мы сможем понять, почему города строились в определенных местах, почему возникла торговля, почему армии захватчиков высаживались в определенных местах, каким курсом шли армии и почему сражения проходили на определенных участках. Ведь все эти вещи не являются результатом случайности, они обусловлены географическим положением места и характером местности. Почему, например, Дувр - один из старейших городов страны? Потому что это ближайшая посадочная площадка для континента и потому что его холм образует естественную крепость для защиты этой посадочной площадки. Почему в Портсмуте была римская станция? Из-за большой и не имеющей выхода к морю гавани. Почему Дарем является древним городом? Потому что крутой холм делал его почти неприступным. Почему Честер так называется? Потому что с древнейших времен был фортом, или стационарным лагерем (*L. castra*), против диких валлийцев.

РАННЯЯ БРИТАНСКАЯ КЕРАМИКА.

Давайте рассмотрим этот вопрос применительно к Лондону. Посмотрите на карту "Римский Лондон" (стр. 15). На ней вы увидите два небольших ручья, впадающих в Темзу, один из которых называется Уолбрук, а другой - Флит Ривер. Вы увидите крутой склон или утес, обозначенный вдоль берега реки. В древности, до того как на берегу появились какие-либо

постройки, этот утес высотой около 30 футов возвышался над огромным болотом, которое покрывало всю землю на юге, востоке и западе. В этом месте утес отступал от реки на востоке и на западе: по обе стороны от Уолбрука он поднимался из болота у самого края реки во время прилива. Таким образом, здесь был двойной холм: на востоке - Уолбрук, на втором - Темза, на третьем - болото, а на западе - река Флит. Таким образом, он был ограничен с востока, юга и запада ручьями. На севере находилось дикое болото (отсюда и название Мурфилдс), а за болотом простирался обширный лес, впоследствии названный Мидлсекским. Этот лес покрывал, по сути, большую часть острова, за исключением тех мест, где простирались болота и застойные озера, ставшие прибежищем бесчисленных диких птиц. Части и фрагменты этого леса можно увидеть и сейчас; часть его лежит в Кен Вуд, Хэмпстед; часть - в последнем кусочке, оставшемся от Хайнолтского леса; часть - в Эппинге.

Через это болото протекала река Темза. Тогда она была гораздо шире, чем сейчас, потому что не было берегов или набережных, чтобы держать ее в пределах: во время прилива она переполняла все болото и превращалась в огромное озеро, ограниченное с севера вот этим низким глинистым утесом, а с юга - возвышенностью, которую мы теперь называем Суррейскими холмами, начинающимися между Кеннингтоном и Клэпхэмом, о чем свидетельствует название Клэпхэм-Райз. На этом болоте было несколько низких островков, всегда остававшихся над водой только во время сильных приливов. Память об этих островах сохранилась в названиях, оканчивающихся *на еа* или *еу*, например Chelsea, Battersea, Bermondsey. А Вестминстерское аббатство было построено на острове Торнса или Торни. Болото к югу от реки оставалось болотом, не осушенным и заброшенным на протяжении многих веков. Почти на памяти живых людей в Саутварке были застойные пруды, а Бермондси до сих пор затапливается, когда прилив выше обычного.

2. ОСНОВАНИЕ ЛОНДОНА.

ЧАСТЬ II.

На этих невысоких холмах, отмеченных на карте, и был впервые основан Лондон. У этого места было много преимуществ: оно возвышалось над зловредным болотом, с него открывался вид на реку, которая здесь была самой узкой, оно было защищено двумя другими потоками и крутизной скалы, и оно находилось над маленьким портом, образованным впадением одного потока в реку. Здесь, на западном холме, бритты основали свое первое поселение; на тихой реке, где они рыбачили, еще не было кораблей; не было ни паромов, ни моста, ни связи с внешним миром; лес снабжал первых лондонцев дичью и шкурами; река давала им рыбу; они жили в круглых хижинах из глины и веток с соломенными крышами. Если вы хотите понять, как бритты укрепляли себя, вы можете увидеть отличный пример недалеко от Лондона. Это место называется Холм Святого Георгия, недалеко от Вейбриджа. Им нужен был холм - чем круче сторона, тем лучше: они сделали его круче, укрепив его; иногда они окружали его высоким земляным валом, иногда - острогом: главное, чтобы атакующие силы были поставлены в невыгодное положение из-за необходимости карабкаться вверх. С трех сторон реки лондонский форт представлял собой перпендикулярную скалу, над которой возвышался острог, а с другой стороны, на которой находился лес, вероятно, была земляная насыпь, тоже над которой возвышался острог. Здесь не было никаких зданий и торговли; люди принадлежали к одному племени и должны были выходить и сражаться, когда шла война с другим племенем.

Форт назывался Ллин-дин - Озерный форт. Когда пришли римляне, они не смогли произнести слово Llyn-Thlin на британский манер и назвали его Lon - отсюда их слово Londinium. Вскоре отважные галльские купцы переправились в Дувр, проплыли вдоль побережья Кента мимо Сэндвича и через открытый канал, отделявший остров Танет от основной суши, вошли в широкую Темзу и, подплыв к приливу, бросили якорь у рыбацких деревень, расположенных вдоль реки, и начали торговать. Что они предлагали? То, что капитан Кук предлагал полинезийцам: оружие, одежду, украшения. Что они забирали? Сначала шкуры и рабов; шкуры и рабов, а также олово и железо, когда страна стала более известной и ее ресурсы стали понятны. Вкус к торговле, приобретенный однажды, быстро растет; это восхитительная вещь - обменять то, что тебе не нужно, на то, что тебе нужно, и очень легко расширить свои желания. Так что когда римляне впервые увидели Лондон, он уже был процветающим городом с огромным количеством торговцев.

Сколько времени прошло с момента основания Лондона до прихода римлян? Сколько времени прошло между основанием и зарождением торговли? Невозможно даже предположить. Когда Сезар высадился на берег, галлы и бельгийцы уже были здесь до него. Что касается самих бриттов, то они были кельтами, как и галлы, и бельгийцы, но так называемой британской ветви, представленной в речи валлийским, бретонским и корнуэльским языками (последний ныне вымер). Среди них также были выжившие семьи более ранней и покоренной расы, возможно, басков или финнов. Когда страна была завоевана кельтами, мы не знаем. Нет также никаких сведений о людях, которых они здесь нашли, если только пещеры, полные костей, которые они разгрызали и разрезали на две части, чтобы получить костный мозг, не были жилищем этих ранних обитателей.

Когда пришли римляне, они нашли город процветающим. Это все, что мы знаем. Каким был город, мы не знаем. Однако вполне вероятно, что потребности торговли уже потребовали создания набережной и какого-то вида причала; кроме того, если торговля велась давно, то непременно должны были появиться некоторые улучшения в хижинах, образе жизни, потребностях и одежде людей.

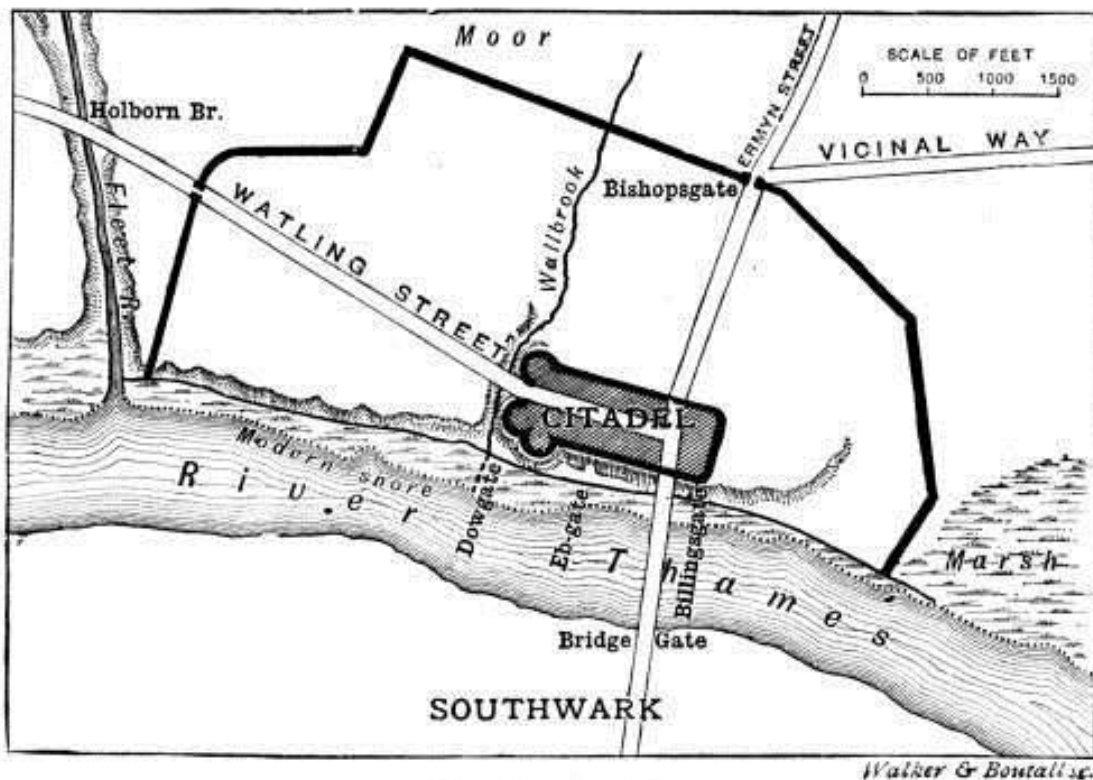
Таково было начало Лондона. Повторим еще раз.

Это была небольшая крепость, защищенная с трех сторон земляными валами, острогами, утесом или круто обрывающимся берегом и ручьями; с четвертой стороны - земляными валами, острогами и траншеями. Земля была слегка неровной, возвышалась от 30 до 60 футов. С севера его защищало открытое болото, полное трясины и прудов. На востоке, по другую сторону ручья, возвышался еще один невысокий холм. Протяженность британского форта Ллин-дин можно легко оценить. Расстояние от Уолбрука до Флота составляет почти 900 ярдов; если предположить, что глубина форта с юга на север составляла 500 ярдов, то площадь составит 450 000 квадратных ярдов, то есть около 100 акров занимал первый Лондон, крепость на озере. Каким был этот город в его поздние времена, когда его нашли римляне; какие здания стояли на его территории; как жили люди - мы знаем очень мало. А вот о том, что они выходили воевать, мы знаем очень много; и если вы посетите Хэмпстед-Хит, то сможете взглянуть на курган на вершине холма, в котором, вероятно, лежат кости тех жителей Лондона, которые пали в победе, одержанной ими над жителями Верулама, когда они сражались в долине под этим холмом.

3. РОМАНСКИЙ ЛОНДОН.

ЧАСТЬ I.

Римляне, решив обосноваться в Англии, обосновались на противоположном холме, на восточном берегу Вальбрука. Положение было не таким прочным, как у британского города, поскольку он был защищен скалой и рекой только с двух сторон, а не с трех. Но римляне больше полагались на свои стены и оружие, чем на положение своего города. По своей привычке они возвели здесь сильную крепость или стационарный лагерь, подобных которым в стране не сохранилось. Возможно, римское сооружение, которое больше всего напоминает форт, - это обнесенная стеной крепость под названием Порчестер, которая стоит в начале Портсмутской гавани. Он имеет прямоугольную форму и окружен высокой стеной, построенной из бутового камня и узкого кирпича, с круглыми полыми бастионами через определенные промежутки. Подобный стационарный лагерь можно увидеть также в Ричборо, близ Сэндвича; и в Певенси, в Сассексе; и в Силчестере, близ Рединга, но два последних не прямоугольные. Один конец этого форта находился на вершине берега Уолбрука, а другой, если посмотреть на карту, - на месте Минсинг-Лейн. Таким образом, длина форта составляет около 700 ярдов, а ширина - 350, что означает площадь около 50 акров. Это большая территория: она была одновременно казармой, арсеналом и казной станции; в ней находились резиденции офицеров, офисы станции, суд и трибуналы, тюрьмы; это была официальная резиденция. За пределами форта на севере находилось место захоронения. Если мы хотим узнать характер этих зданий, то можем убедиться в том, что они не были убогими или неблагородными, посетив римский город Силчестер. Здесь мы узнаем, что большой Зал правосудия был более просторным, чем Вестминстерский зал, хотя, несомненно, не таким возвышенным и не таким прекрасным. К нему примыкали другие, меньшие по размеру помещения для отправления правосудия; с одной стороны находился открытый двор с клуатром или коридором, идущим вокруг него, а сзади - лавки для продажи всякой всячины. Это был центр города: здесь проходили суды; здесь находилась биржа; здесь были бани; сюда по утрам стекался народ, чтобы послушать новости; сюда приходили жонглеры, менестрели и акробаты; это был самый центр жизни города - как Силчестер, так и Лондон.

РОМАНСКИЙ

ЛОНДОН.

За пределами Цитадели грубый британский город - если это был еще грубый город - быстро исчез. Безопасность этого места, укрепленного гарнизоном, распространение римских нравов, введение римских обычаев, одежды и предметов роскоши дали большой толчок развитию Сити. Маленьких портов на реках Уолбрук и Флит уже не хватало для судоходства, которое теперь шло вверх по реке; если еще не было набережных или причалов, их начинали возводить; за ними вырастали склады и пристани. Утес начали вырубать, на его месте появился крутой склон, и о его существовании забыли. То же самое произошло и в Брайтоне, где почти на памяти живых людей вдоль берега тянулся невысокий утес. Эта набережная простиралась на восток и запад - до реки Флит, где сейчас находится Блэкфрайарс, на западе, и до Тауэр-Хилла на востоке. Затем, когда торговля все еще росла, пояс земли за набережной заполнился плотным населением речников - лодочниками, моряками, строителями лодок, владельцами магазинов, баржевиками, стивидорами, носильщиками - всеми людьми, которые принадлежат к оживленному торговому порту. Что касается людей получше, то они жили вокруг Цитадели, защищенные ее присутствием, в виллах, остатки которых были найдены во многих местах.

Две вещи, которые в наибольшей степени отметили римскую оккупацию, - это Лондонская стена и мост. О последнем мы поговорим в другом месте. Стена была возведена в период между 350 и 369 гг. н. э. - очень близко к концу римской оккупации. Эта стена оставалась городской более тысячи лет; ее перестраивали, ремонтировали, восстанавливали; скудные остатки - несколько фрагментов то тут, то там - сохранили очень мало от первоначальной стены; но ход стены никогда не менялся, и мы точно знаем, как она проходила. Сначала вдоль северного берега была построена мощная речная стена. В ней было трое водных ворот и ворота Бридж; двое сухопутных ворот - в Ньюгейте и Бишопсгейте. Длина стены составляла 3 мили и 205 ярдов; площадь огороженной территории - 380 акров. Это говорит о том, что население, должно быть, уже было очень большим, ведь римляне не имели обыкновения возводить стены длиннее, чем они могли защитить.

4. РОМАНСКИЙ ЛОНДОН.

ЧАСТЬ II.

Мы должны думать о римском Лондоне как о небольшой крепости на невысоком холме, поднимающемся от реки. Это место с крепкими стенами, внутри которого находится гарнизон солдат; за стенами простираются сады и виллы, многие из которых богаты и красивы, наполнены дорогими вещами. Под фортом находится длинная речная стена или набережная, покрытая складами, тюками с товарами и множеством людей, занятых работой. Некоторые из них - рабы, возможно, все. Хотели бы вы знать, что представляла собой римская вилла? В плане это был небольшой квадратный двор, окруженный с трех сторон клуатром или коридором с колоннами, а за клуатром - комнаты дома; в средней части двора располагался сад, а впереди - еще один, более обширный сад. Дом был одноэтажным, количество и размер комнат варьировались в зависимости от размера дома. С одной стороны находились зимние помещения, с другой - летние. Первая часть поддерживалась в тепле с помощью печи, построенной под домом, которая питала трубы с горячим воздухом, идущие вверх по всем стенам. В задней части дома находились кухня, конюшни и спальные помещения для слуг. Дом украшали мозаичные тротуары, статуи, картины, резьба, висюльки, подушки и изящное стекло. В Лондоне не было того огромного богатства, которое позволяло некоторым римлянам жить во дворцах, но было сравнительное богатство - то, которое позволяет человеку приобрести для себя все, что он желает.

По мере роста процветания город был удостоен чести получить имя Августа. Он оставался в руках римлян почти четыреста лет. Цитадель, которая знаменует первое поселение римлян, была построена, вероятно, около 43 года нашей эры. Римляне ушли в 410 году н.э. За эти четыре столетия жители города полностью романизировались. К этому следует добавить, что они стали христианами. Августа была христианским городом; церкви, которые стоят - или стояли, потому что три, по крайней мере, были снесены - вдоль Темз-стрит, вероятно, занимали места более древних римских церквей. В этой части города народ был наиболее многочисленным; поэтому в этом квартале стояло большее количество церквей: тот факт, что они в основном посвящены апостолам, а не более поздним саксонским святым, говорит о том, что они стояли на местах римских церквей. Спрашивают, почему в Лондоне не было найдено ни одного языческого храма; ответ заключается в том, что Лондон при римлянах очень рано стал христианским; если бы там был храм Дианы или Аполлона, он был бы разрушен или превращен в церковь. Останки Августы, которые были найдены, незначительны: почти все они находятся в музее Гилдхолла, где их следует посетить и изучить.

История римского Лондона скудна. Через семнадцать лет после постройки цитадели, после восстания Боадицеи, римский полководец Суэтоний покинул это место, как неспособное его защитить. Все, кто остался, были истреблены повстанцами. После этого, насколько нам известно, ибо история умалчивает, в Лондоне на 200 лет воцарился мир. Затем некий Караузий, командовавший флотом, размещенным в Ла-Манше для подавления пиратства, принял титул императора. Несколько лет он оставался непоколебимым, его солдаты хранили ему верность из-за его богатства: он основал монетный двор в Лондоне и начеканил там большое количество денег. Он был убит одним из своих офицеров, Аллектом, который в свою очередь назвал себя императором и продолжал править в Британии в течение трех лет. Затем наступил конец и для него. Римский полководец, высадившийся с большим войском,

двинулся на Лондон, где лежал Аллект. В результате битвы, разыгравшейся на юге Лондона, узурпатор был свергнут и погиб. Его солдаты, воспользовавшись неразберихой, начали грабить и убивать в городе, но были остановлены и убиты победителями.

Константин, ставший императором в 306 году, был тогда в Британии, но его имя не связано с Лондоном, кроме монет с его именем.

Традиция связывает имя Елены, матери Константина, с Лондоном, но нет никаких доказательств того, что она вообще когда-либо была на острове.

В конце четвертого века на страну начали сыпаться беды. Пикты и шотландцы захватили северные районы и проникли к самым стенам Лондона. Полководец Феодосий, чей сын стал императором с таким именем, вытеснил их обратно. Примерно в это время была построена стена Лондона, причем не стена римского форта, а стена всего города. С 369 года, когда полководец Феодосий высадился в Британии, и до 609 года мы не видим ничего о Лондоне, кроме одного короткого взгляда на беглецов, спасающих свою жизнь через Лондонский мост. Об этом промежутке мы поговорим в следующей главе. Пока же достаточно сказать, что упадок римской державы привел к необходимости вывести легионы из отдаленных и труднодоступных частей империи. Британию пришлось оставить. Это все равно, как если бы Англия отказалась от Гонконга, Сингапура и Вест-Индии, потому что она больше не могла выделить корабли и полки для их защиты. Нация, которая отказывается от своих владений, недалеко от гибели. Вспомните, когда вы слушаете тех, кто выступает за отказ от наших колоний, пример Рима.

5. ПОСЛЕ РИМЛЯН.

ЧАСТЬ I.

Римляне покинули Лондон. Это было в начале пятого века; вероятно, в 410 году.

Двести лет спустя в Лондоне появились восточные саксы.

Что же произошло за этот долгий промежуток в семь поколений? За двести лет до нас не дошло ни слова о Лондоне, за исключением одного раза, когда после поражения англичан от саксов в Крейфорде в 457 году, мы читаем, что беглецы перешли через Лондонский мост, чтобы укрыться в стенах Сити. Что же произошло за эти двести лет?^[1]

^[1] Об этом см. книгу автора "*Лондон*" (Chatto & Windus).

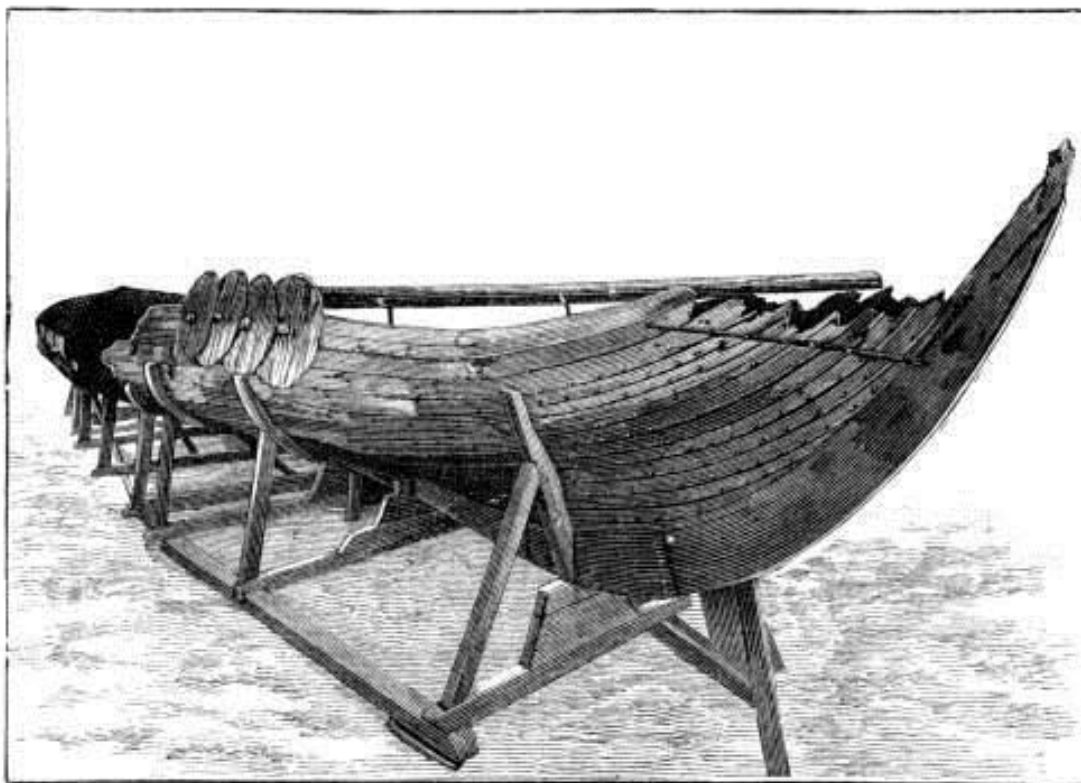
Мы знаем, что происходило с другими городами. Андериде, ныне называемая Певенси, была захвачена саксами, и все ее жители, мужчины, женщины и дети, были вырезаны, так что она превратилась в пустошь, пока норманны не построили замок в старых стенах. Кентербери, Силчестер, Порчестер, Колчестер - все они были взяты, их жители истреблены, стены оставлены, а улицы опустели. Ведь англичане - саксы - не любили городских стен. Поэтому можно с полным основанием предположить, что с Лондоном произошло то же самое. Но если летописец достойно отметил резню в Андериде, небольшом морском порту, то почему он должен опустить гораздо более важное взятие Августы?

Давайте послушаем, что нам расскажет история. На страну обрушились тяжелые времена. Задолго до ухода римлян пикты и шотландцы наводнили своими дикими ордами север и запад, иногда добираясь до юга, вплоть до Мидлсекского леса, убивая и разрушая. Уже в 368

году, за сорок лет до того, как они покинули страну, римляне отправили экспедицию на север, чтобы изгнать этих дикарей. Уже саксы, юты и англы отправляли пиратские экспедиции, чтобы нападать на побережье и даже создавать поселения. Рука римлян слабела, она не могла простираться так далеко: флоты римлян под командованием офицера, которого называли "графом саксонских берегов" - в его обязанности входила охрана восточного и южного побережья - были уничтожены, а их командир убит. Так что, имея врагов на восточном побережье, врагов в Ла-Манше, врагов на реке, врагов на севере и западе, можно с уверенностью сказать, что торговля Августы пришла в упадок задолго до того, как город был оставлен для самозащиты.

Какую защиту могли предложить люди? Почти четыреста лет они жили в мире, богатели и роскошествовали, а воевали за них наемники. Между взятием города Боадичеей и уходом римлян, а это триста пятьдесят лет, покой города был нарушен только беззаконием наемников Аллекта. Их попытка разграбить город была пресечена, что важно отметить, не горожанами, а римскими солдатами, которые вовремя вошли в город. Горожане были в основном купцами: они были христианами по имени и по форме вероисповедания, суеверными, роскошными, не склонными к войне. Многие из них были вовсе не бриттами, а иностранцами, поселившимися в городе для торговли. Кроме того, поскольку нельзя сказать, что весь британский народ стал непригоден к войне, восстание римских легионов в 407 году привлекло в их ряды большое количество молодых людей, и когда узурпатор Константин увел их в Галлию для последующих четырехлетних боев, страна лишилась своего лучшего боевого материала. В городе было много богатых купцов, местных и иностранных, много рабов, занятых в торговле, и мало, поскольку молодые люди ушли с Константином, тех, на кого можно было положиться в бою.

Еще один момент можно почерпнуть из истории. Поскольку Лондон был городом, который тогда, как и сейчас, жил исключительно за счет торговли и был центром экспортно-импортной торговли всей страны, купцы, как мы уже видели, должны были сильно пострадать задолго до ухода римлян. Итак, мы находимся в 410 году и сталкиваемся с ситуацией, полной угрозы. Пикты и шотландцы захватывают весь север, саксы преследуют восток и юго-восток, торговля умирает, спрос на импорт невелик, экспорт невелик, кораблям бесполезно ждать грузы, которые никогда не придут, кораблям бесполезно привозить грузы, на которые нет спроса.

ОСТАНКИ

КОРАБЛЯ ВИКИНГОВ ИЗ КАИРНА В ГОКСТАДЕ.
(Сейчас хранятся в университете в Кристиании).

Приходящий в упадок город, умирающая торговля, враги со всех сторон, недружелюбное население. Когда занавес опускается на сцену в 410 году, мы видим именно это.

6. ПОСЛЕ РИМЛЯН.

ЧАСТЬ II.

Рассмотрим еще раз положение Лондона. Как вы уже видели, изначально он стоял на двух невысоких холмах, возвышавшихся над рекой. Мощная стена, построенная вдоль всего берега от Блэкфрайарса (так он теперь называется) до нынешнего Тауэра, не давала реке затопить дома и пристани, которые возникали за этой стеной. Позднее, но всего лишь за пятьдесят лет до ухода римлян, стены Сити оградили большую территорию, покрытую улицами, узкими у реки и широкими дальше к северу, а также жилыми домами, складами, виллами и мастерскими. Население, вероятно, составляло 70 000 человек или даже больше. На западе, в направлении Вестминстера, городская стена выходила на огромное болото: на юге, за рекой, было еще более широкое и длинное болото: на востоке - еще одно огромное болото с морем, заливающим заливные луга во время каждого прилива: на севере - дикое болото, а за болотом - огромный лес. Четыре дороги, не считая речного пути, поддерживали связь Города с остальной частью острова. Самой важной из этих дорог была та, которую впоследствии называли Уотлинг-стрит, она проходила у Ньюгейта и вела через сердце страны в Честер и Уэльс, в Йорк и на север. Вторая, впоследствии названная Эрмин-стрит, выходила из Сити у Бишопсгейта и шла через Линкольн в Йорк, третья дорога, названная Вицинальным путем, шла в восточные графства, а через Лондонский мост Уотлинг-стрит была связана с Дувром.

Таким образом, Лондон, стоящий на болотах, не имел возможности обеспечить себя всем необходимым. Все продовольствие для его огромного населения было привозным. Его привозили на вьючных ослах по этим дорогам. По этим дорогам, крепким, широким и великолепным, не уступающим ни одной из тех, которые нам удалось создать с тех пор, доставлялось продовольствие с ферм и садов, расположенных в глубине страны. В мирные времена эти дороги были переполнены на всем пути из Честера, Линкольна и Дувра длинными поездами животных, груженых провизией для жителей Лондона, а также товарами для экспорта из Лондонского порта. Их встречали длинные поезда животных, груженных импортом, который везли к месту назначения. Темза точно так же была заполнена баржами, груженными провизией, а также товарами, идущими вниз по реке для жителей и лондонского порта. Ниже Бриджа река была заполнена торговыми судами, привозившими грузы вина, пряностей и дорогих вещей для обмена на шкуры, рабов и металлы. Давайте вспомним, что ежедневное пропитание 70 000 человек требует огромных усилий. Мы так привыкли находить все готовое к употреблению как в городах-миллионниках, так и в деревнях, насчитывающих сотни человек, что забываем о масштабах этой услуги. Ни один ум не может представить себе масштабы продовольственного снабжения современных Лондона, Парижа, Нью-Йорка или даже таких городов, как Портсмут, Плимут, Бристоль. И все же попробуйте понять, что значит ежедневно и без перерыва кормить всего лишь небольшой городок с населением 70 000 человек. Столько хлеба на каждый день, столько мяса, столько рыбы, столько вина, пива, медовухи или сидра - ведь в те времена люди не пили воду, если могли достать что-то другое, - столько молока, меда, масла, сыра, яиц, домашней птицы, гусей и уток, столько бобов, гороха, салата, фруктов. Все это нужно было привозить регулярно - ежедневно. Было засолено мясо на зиму, сушеная рыба, когда нельзя было достать свежую, запасы пшеницы на случай непредвиденных обстоятельств. Все остальное приходилось добывать изо дня в день.

Сначала восточные саксы, поселившись в Эссексе и охватив все графство, остановили поставки и торговлю во всех восточных графствах; затем юты, высадившись на острове Танет, остановили корабли, которые ходили вверх и вниз по реке; они также распространились по южной стране и остановили поставки, которые раньше шли через Лондонский мост. Затем пикты и шотландцы, за которыми последовали еще саксы, преследовали северную и среднюю части острова, и припасы больше не поступали по Уотлинг-стрит. И наконец, враг, наступая на север с южного берега, овладел средним течением Темзы, и больше припасы по реке не поступали.

Таким образом, Лондон лишился не только продовольствия, но и торговли.

Это произошло не внезапно, а постепенно. Сначала был перекрыт один источник снабжения, затем другой. Сначала торговля сократилась в одном квартале, а затем и вовсе прекратилась. Затем нападению подвергся другой квартал. Иностранцы купцы, поскольку торговли не осталось, садились на свои корабли и исчезали. Удалось ли им пройти через пиратские суда, заполонившие устье реки, неизвестно. Кости многих лежат на дне моря у берегов Нора. Они исчезли из незадачливой Августы; они больше не вернулись.

Кто же остался? Туземные купцы. В их сердцах поселилось отчаяние; голод грозил им даже среди изысканных убранных их роскошных вилл; что толку в мраморных ваннах, шелковых занавесках, мозаичных тротуарах, картинах, книгах и статуях, если нет еды, хоть продай за нее все картины в доме? Вместе с купцами здесь были священники, врачи, адвокаты, актеры и мимики, художники, учителя - все, кто служит религии, роскоши и культуре. Рядом находилась огромная масса народа, клерки и писцы, ремесленники, продавцы, лихтерщики, стивидоры, лодочники, зрители морских магазинов, изготовители корабельных снастей,

носильщики - в большинстве своем рабы - все, от высшего до низшего, ввергнутые в беспомощность. Куда им бежать в поисках убежища? К кому они могли обратиться за помощью?

7. ПОСЛЕ РИМЛЯН.

ЧАСТЬ III.

За границей Римская империя распадалась. Вся Европа была охвачена войной. Восстания покоренных племен, мятежи успешных полководцев, нашествия дикарей, убийства узурпаторов, разграбление городов. Сам Рим был разграблен Аларихом; завоевание одной страны за другой сделало этот период самым мрачным в истории мира. Из-за морей нет помощи, враг блокирует устье реки, все дороги закрыты, все фермы разрушены.

Наступил день, когда стало ясно, что больше никаких припасов в город не поступит. Тогда люди стали покидать его: лучше пробиваться через всю страну на запад, где бритты все еще держали свои позиции, чем оставаться и голодать. Мужчины взяли свое оружие - они несли с собой мало сокровищ, потому что сокровища негодились бы им в пути - своих жен и детей, дам, таких же нежных и беспомощных, как и все в наше время - детей, таких же неприспособленных к страданиям холода, голода и наготы - и они вышли за ворота Уотлинг-стрит, не все вместе, не все население, а небольшими компаниями, для большей безопасности. Они вышли из Сити через ворота; они не пошли по дороге, а для безопасности свернули в большой лес, и так, маршируя по болотам и топям, мимо сожженных усадеб, разрушенных деревень и поваленных хозяйственных построек, те из них, кто не погиб по дороге от меча врагов, или от малярийной лихорадки, или от голода, достигли Северна и границы гор, куда саксы не могли проникнуть.

После каждой резни или исхода всегда остаются остатки. Людей, оставшихся в Городе, было немного, и те были из самых низких слоев, защищенных своей убогостью и нищетой. Никто не станет убивать тех, кто не может защитить себя и не имеет сокровищ, а при новых хозяевах их положение будет ничуть не хуже. Они закрыли ворота и заперли их; они закрыли и заперли мост; они вынесли из домов все, что хотели - мягкие теплые мантии, шерстяную одежду, покрывала, подушки и вешалки, но поселились в своих лачугах на берегах реки; что касается произведений искусства, картин, статуй и мозаичных мостовых, то они оставили их там, где нашли, или уничтожили по собственной неосмотрительности. Они ловили рыбу в реке, чтобы прокормиться, охотились на болотах, где сейчас находятся Вестминстер, Баттерси и Ламбет: шли годы, и никто их не беспокоил: они по-прежнему ютились в своих хижинах, пока тонкая оболочка цивилизации постепенно теряла все искусства, которым они научились, и всю свою религию, кроме ужаса перед Неизвестным.

Тем временем крыши вилл и церквей провалились, стены обветшали, сады заросли. Августа - гордая и величественная Августа - превратилась в стену, окружающую груды развалин с несколькими дикарями, ютившимися в лачугах на берегу реки.

Восточные саксы захватили Эссекс, джуты - Кент и Суррей, южные саксы - Сассекс, западные саксы - Уэссекс. Вокруг, со всех сторон, Лондон был окружен Завоевателем земель. Почему же они не взяли Лондон? Потому что Лондон был заброшен; брать было нечего: Лондон был безмолвен. Ни один корабль, идущий вверх или вниз по реке, не напоминал саксам о Сити. Он лежал среди болот и топей, старые дороги заросли и заглохли;

он был забыт; он был тем, что саксы уже сделали из Кентербери и Андериды - "пустым Честером", то есть заброшенной крепостью.

Августа была забыта.

Такова история, которую мы узнаем из фактического местоположения Лондона - его расположения среди болот, условий, в которых только и могли существовать люди.

Как долго продолжалось это забвение? Никто не знает, когда оно началось и когда закончилось. Читая историю прошлого, я обнаружил день к концу шестого века, когда в пределах видимости от опустевших стен появилась компания восточных саксов. Они охотились: вооруженные копьями, они шли за погоней через большой лес, который впоследствии называли Мидлсекским, Эппингским, Хайнолтским, и через болота реки Ли, полные осоки, тростника и коварных трясин. И увидели они перед собой серые стены великого города, о котором никогда не слышали.

Они осторожно продвигались вперед: они оказались на твердой дороге, Вициальном пути, поросшем травой: они ожидали увидеть врага на стене, но его не было. Ворота были закрыты, бревна прогнили и рухнули от одного прикосновения: люди прорвались внутрь и оказались на улицах города, лежащего в руинах. Они бегали по улицам, кричали - никто не появлялся: город был пустынен.

Они ушли и рассказали о том, что нашли.

Но Августа погибла. Когда город появляется снова, он носит свое более древнее имя - это снова Лондон.

8. ПЕРВОЕ САКСОНСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ.

Между высадкой восточных саксов и их первым поселением в Сити прошло сто пятьдесят лет. Этот долгий период сильно изменил того свирепого дикаря, который последовал за штандартом Белого коня и высадился на побережье Эссекса. Он стал более миролюбивым: он спокойно переносил периоды безмятежности. Он овладел некоторыми искусствами и научился жить в городах, но при этом он не был христианином. Это означает, что влияние Рима с его религией, образованием и искусствами еще не коснулось его.

Но он начал жить в городах; и он жил в Лондоне.

Возможно, первыми из новых поселенцев были иностранные купцы, возвращавшиеся, как только позволяли более спокойные времена, со своими грузами. Лондон всегда был местом торговли. Если бы не торговля, никто бы в нем не поселился. Поэтому либо люди из Эссекса приглашали иностранных купцов вернуться, либо иностранные купцы возвращались и приглашали людей из Эссекса приходить в город и приносить с собой то, что у них есть для обмена.

В 597 году Августин, настоятель одного из римских монастырей, был послан папой Григорием Великим с сорока монахами для обращения англичан. Этельберт, король Кента и самый могущественный из английских королей, был женат на Берте, христианской принцессе. Она взяла с собой капеллана, и, вероятно, именно по ее приглашению или благодаря ее влиянию были посланы монахи. Они высадились в Танете. Они получили разрешение встретиться с королем под открытым небом. Они появились в своих одеяниях, неся распятие и распевая псалмы. Вероятно, обращение короля было организовано заранее, потому что без каких-

либо трудностей или задержек король и весь его двор, а также, следуя примеру короля, весь народ были крещены.

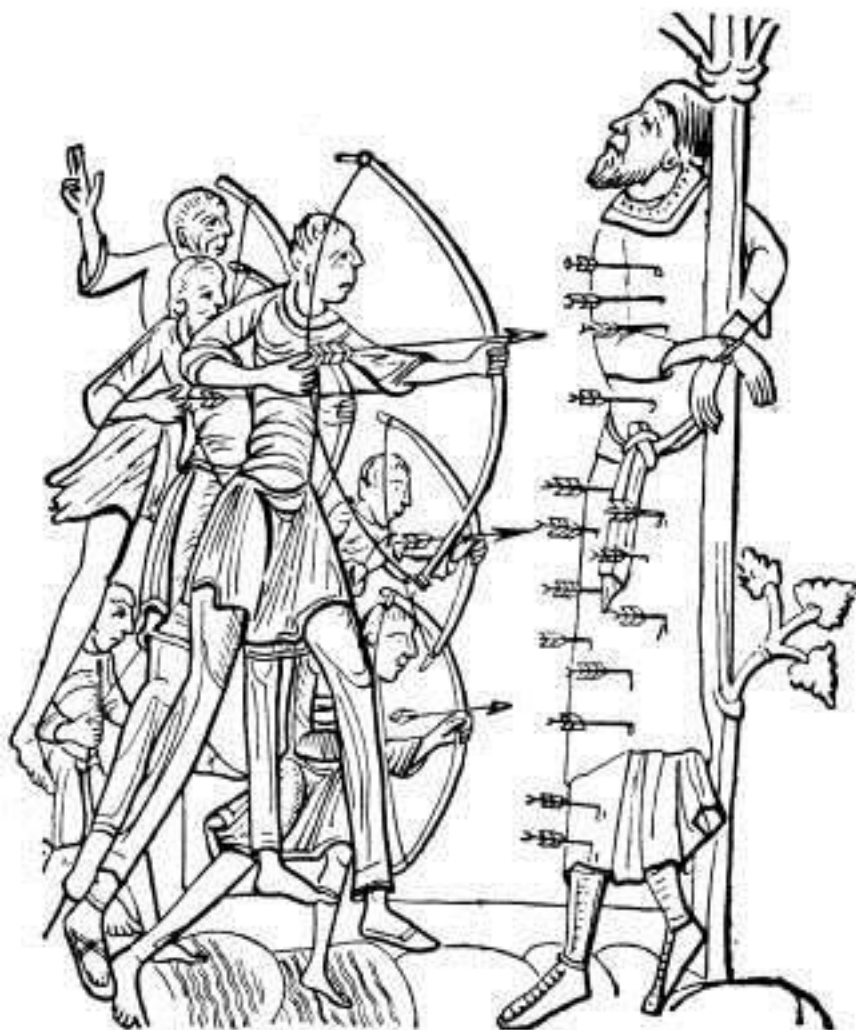
Августин вернулся в Рим, где был посвящен в архиепископы английской нации. В Кентербери была построена церковь, и работа по проповеди веры продолжилась. Восточные саксы крестились не медленнее, чем жители Кента. Этельберт, действительно, мог приказывать повиноваться; он был владыкой всех народов к югу от Хамбера. Именно он, согласно Беде, построил первую церковь Святого Павла в Лондоне, что доказывает его авторитет и влияние в Лондоне, а также его искреннее желание, чтобы восточные саксы стали христианами.

В какой-то мере они так и сделали. Но когда король Зиберт умер, они отступили и отправили своего епископа в изгнание.

Тогда - Беде говорит, что они были наказаны за этот грех - восточные саксы попали в беду. Они вступили в войну с людьми Уэссекса и потерпели от них поражение. После этого Лондон оказался в руках нортумбрийцев и мерсийцев, то есть эти народы один за другим завоевывали господство. В 616 году или около того епископ Меллит был вынужден покинуть свою епархию. Сорок лет спустя произошло еще одно обращение Лондона в христианство при епископе Кедде, освященном в Линдисфарне. Новая вера оказалась недостаточно сильной, чтобы противостоять чуме, и восточные саксы Лондона вновь вернулись к своим старым богам. Спустя еще тридцать лет, перед закрытием седьмого века, Лондон снова был обращен в христианство, и на этот раз навсегда.

В восьмом веке Лондон снова перешел из рук восточносаксонских королей в руки мерсийцев. Самый ранний из сохранившихся документов, касающихся Лондона, датируется 734 годом, в котором король Этельбальд разрешает епископу Рочестера отправлять одно судно без налога в лондонский порт или из него.

В 811 году в Лондоне состоялся витан - т.е. национальный совет. О нем говорят как о прославленном месте и королевском городе. Верховенство Мерсии перешло к Уэссексу, а вместе с ним и Лондон. В 833 году Эгберт, король Уэссекса, держал витан в Лондоне.

МУЧЕНИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ СВ.

ЭДМУНДА ОТ ДАТЧАН.

(По рисунку, принадлежащему Обществу антикваров).

Когда Эгберт умер, верховенство Уэссекса пало вместе с ним. Затем на страну обрушились датские беды. Когда Альфред стал преемником короны, датчане удерживали остров Танет, который выходил к реке; они завоевали северную часть страны от Твида до Хамбера; дважды - в 839 и 852 годах - они захватили все восточные графства: они разграбили Лондон, который впоследствии заняли, сделав его своей штаб-квартирой. С этой датской оккупацией закончилось первое саксонское поселение в Сити.

9. ВТОРОЕ САКСОНСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ.

Датчане удерживали город не менее двенадцати лет. Невозможно поверить, что эти свирепые воины, которые были точно такими же, как саксы и юты за четыреста лет до этого - свирепыми, грубыми, языческими, - позволили кому-либо из жителей, кроме рабов, остаться. Резня и грабежи - или страх перед тем и другим - изгнали всех жителей. Но город оставался штаб-квартирой датчан. Альфред вернул его в 884 году.

Он нашел его таким же, каким нашли его восточные саксы за триста лет до этого: город в руинах, стена разрушена, церкви уничтожены.

Король Альфред оставил после себя множество нетленных памятников своего правления. Один из величайших - перестроенный им Лондонский Сити. Один из недавних историков (Loftie, *Historic Towns*, "London") говорит, что вряд ли было бы неправильно написать: "Лондон был основан более тысячи лет назад королем Альфредом, который выбрал для своего города место, ранее укрепленное римлянами, но опустошенное последовательно саксами и датчанами".

Первое, что он сделал, - восстановил стену. Эта работа восстановила доверие горожан. Альфред поставил своего зятя Этельреда, впоследствии олддермена (то есть главного правителя) мерсийцев, командовать городом, который, похоже, сразу же наполнился людьми. Жители Лондона отправились вместе с Этельредом разбить датчан при Бенфлите, вместе с Альфредом - при устье реки Лии; вместе с Ательстаном они отправились сражаться при Брунанбурге. Лондон больше никогда не был взят датчанами. Дважды Свейн пытался взять город, но был отбит. Лондон открывал перед ним свои ворота только после того, как король покидал город. А когда датчане снова вошли в город, грабежей и резни уже не было; Лондон был слишком силен, чтобы подвергнуться грабежу или резне, и слишком богат, чтобы оставить его армии.

Король Этельред вернулся, умер и был похоронен в соборе Святого Павла; старый собор Святого Павла, построенный при короле Этельберте или епископе Кедде, был сожжен, и лондонцы стали строить новый собор.

Эдмунд Айронсайд был избран и коронован в стенах Сити. Затем последовала осада Лондона Канутом. Он прорыл канал через болота и перетащил по нему свои корабли из Редрифа в Ламбет. Но взять Сити ему не удалось. Но договор о разделе между Эдмундом и им самим был согласован, и датчанин вновь овладел Сити. После себя он оставил одно или два имени. Церковь святого Олава на Харт-стрит и церковь на Тули, или улице святого Олава, в Саутварке, а также церковь святого Магнуса свидетельствуют о суверенитете датчанина.

САКСОНСКИЕ ВСАДНИКИ.

(Harl. MS. 603.)

В это время двумя главными должностными лицами города были епископ и португал: также существовал "сталлер" или маршал. Главным органом управления была "Рыцарская гильдия", состоявшая в основном из городских олдерменов. Но эти олдермены не были, как в наши дни, выборным органом: они были наследственными: они были олдерменами по праву своих владений в городе. Какими полномочиями обладала гильдия рыцарей, определить нелегко. Кроме этой, городской аристократии, уже существовали торговые гильдии, для религиозных целей и для пиров, но пока без полномочий. У народа были свои народные моты, или общие собрания, свои приходские моты и свои еженедельные собрания. Мы не должны пытаться определить полномочия всех этих органов и корпораций. Они накладывались друг на друга: аристократическая партия постоянно вводила новшества, а народная партия постоянно сопротивлялась. Во многих отношениях то, что мы называем правительством города, еще не было понято. О том, что в городе существовал определенный порядок, свидетельствуют строгие правила, столь же строго соблюдаемые, в отношении пошлин и сборов с кораблей, прибывавших по реке в Лондонский порт.

10. АНГЛОСАКСОНСКИЙ ГОРОЖАНИН.

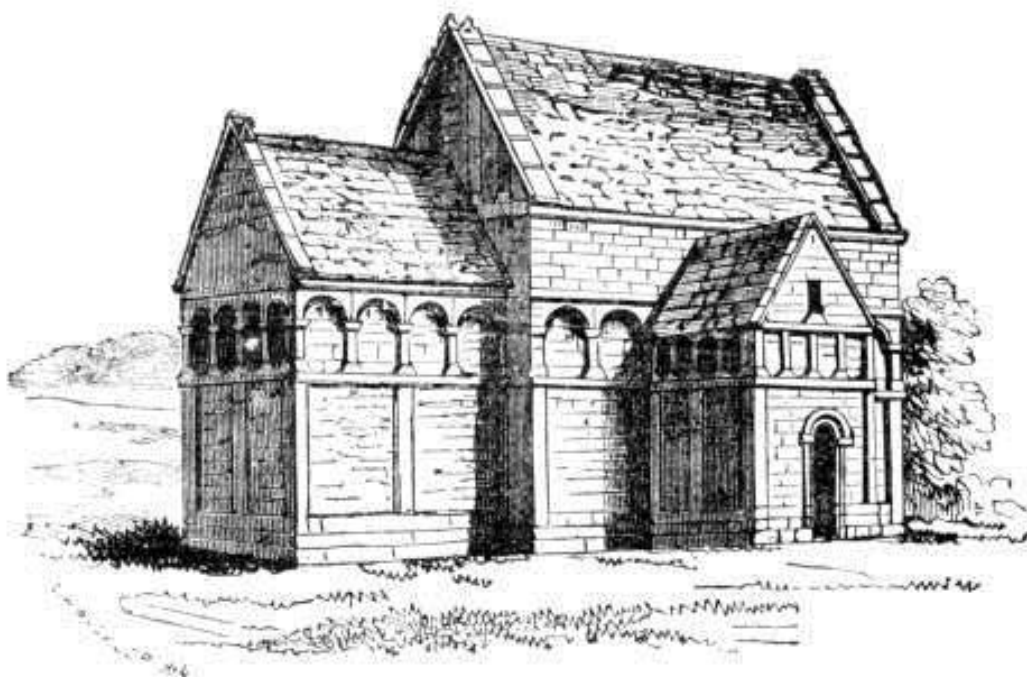
Лондонец Ательстана и Этельреда был англосаксом, по своему типу намного превосходившим своего свирепого предка, бороздившего узкие моря и терзавшего восточные берега. Он научился многим искусствам, стал христианином, хотел многих роскошеств. Но те прочные вещи, которые он унаследовал от своих грубых предков, он передал своим детям. И они остаются для нас наследством по сей день. Например, наша форма монархии, ограниченная во власти, досталась нам прямо от Альфреда и Ательстана. Наша аристократия - это выживание и развитие саксонских графов и танов; наши формы правосудия, суд присяжных, магистраты - все это от саксов; деление нашей страны - саксонское, наши муниципальные учреждения - саксонские, наши парламенты и советы - саксонские по происхождению. Своим языком мы обязаны англосаксонскому, небольшие дополнения были сделаны из латинского, французского и других источников, но основная часть нашего языка - саксонская. Три четверти из нас - англосаксы по происхождению. Все, что есть в английском характере - упорство, упрямство, терпение, промышленность, трезвость, любовь к свободе, - мы привыкли приписывать нашему англосаксонскому происхождению. В религии, искусстве, обучении, литературе, культуре мы почти ничем не обязаны англосаксам. Во всем этом мы обязаны Югу.

Давайте посмотрим, как жил англосаксонский житель Лондона.

Он был торговцем или ремесленником. Как торговец он получал из внутренних районов страны все, что она могла произвести. Рабы, которых выращивали на фермах, как скот, составляли большую часть экспорта; шкуры, шерсть, железо, олово - все это, и ничего больше, английский купец мог предложить иностранцу, который привозил в обмен вино, пряности, шелк, ладан, облачения и картины для церквей и монастырей, книги и другие предметы роскоши. Корабли поначалу принадлежали иностранным купцам: они торговали не только в Лондоне, но и в Бристоле, Кентербери, Дувре, Арунделе и других городах. Однако еще до Завоевания в торговлю вступили корабли английской постройки и английские флоты.

Торговец, уже разбогатевший, жил в большом комфорте. Он был абсолютным хозяином в своем доме, но хозяйством руководила или управляла его жена. Все делалось в доме: мука мололась, хлеб пекся, мясо и рыба солились; лен ткался, одежда шилась женой, дочерьми и женщинами слугами. Англосаксонские дамы отличались мастерством вышивки; они превосходили всех остальных женщин в этом прекрасном искусстве.

Англосаксонский дом развился из общего зала. Те, кто знаком с колледжами Оксфорда и Кембриджа, могут проследить развитие дома в любом из них. Сначала - общий зал. В этом помещении раньше жила и спала вся семья, включая слуг и женщин. В Хайам Феррарс, в Нортгемптоне, до сих пор существует такой зал, построенный как богадельня. Это длинное помещение: в восточном конце, приподнятом на фут, находится маленькая часовня; с южной стороны - длинная открытая печь; милостынники спали на полу на камышах, каждый завернувшись в свое одеяло.

САКСОНСКАЯ

ЦЕРКОВЬ В БРЭДФОРДЕ-НА-ЭЙВОНЕ, УИЛТС.

Все жили и спали в Общем зале. Весь день женщины работали за прядением, ткачеством, шитьем и вышиванием. Женщин определяли по этому виду работы - мы до сих пор говорим о пряжах. Раньше отношения через мать назывались "со стороны веретена", а после того, как мужчинам пришлось каждый день сражаться с мародерствующими племенами, отношения через отца стали называться "со стороны копья". Весь день мужчины работали на улице, в поле или на складе, на пристани или за своим ремеслом. Вечером они сидели у костра и слушали истории или песни под аккомпанемент арфы.

Первым усовершенствованием стало отделение кухни от зала: в Кембриджском колледже вы видите зал с одной стороны и кухню с другой, разделенные проходом. Вторым шагом стало строительство "солярия", или комнаты над кухней, которая стала спальней хозяина и хозяйки дома. Затем за Соларом построили комнату для дочерей и служанок; сыновья и мужская прислуга по-прежнему спали в зале. Предположительно, на этом этапе дом находился во времена короля Этельреда, незадолго до Нормандского завоевания. Затем последовала дамская "беседка", а после нее - спальни для мужчин.

Мебели, как мы понимаем, не было. Были скамьи и топчаны для столов, которые буквально накрывались при каждой трапезе: большое кресло для лорда и леди: гобелены защищали от сквозняков: оружие, музыкальные инструменты и другие вещи висели на стенах. Обед был в полдень, ужин - вечером, когда работа была закончена: они широко использовали овощи и имели почти все наши современные фрукты: они пили, как национальный напиток, пиво или медовуху.

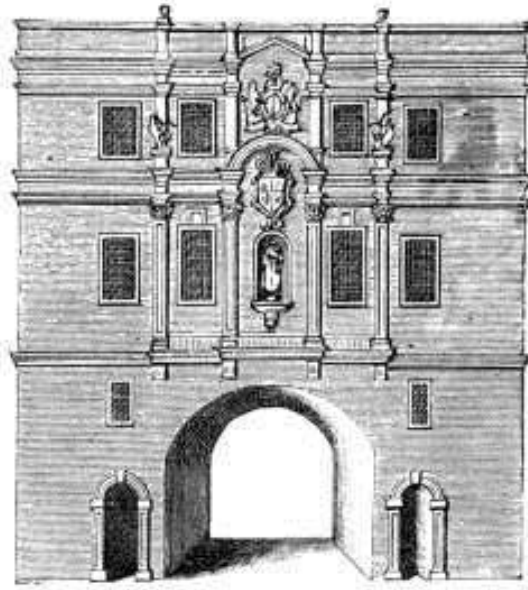
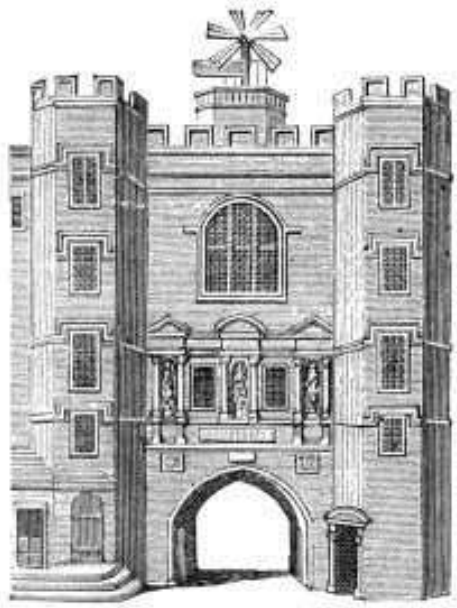
Но все не были богатыми купцами: большинство горожан были какими-то ремесленниками. Они жили в небольших деревянных домах из двух комнат, одна над другой: те, кто не мог позволить себе столько, спали в лачугах, состоявших из четырех стоек с "плетнем" по бокам, крышей из соломы, без окон и с костром посреди пола. Жили они очень грубо, терпели много лишений, но были народом сытым, беспокойным и независимым: их дома теснились в узких переулках - насколько узких, можно понять, прогулявшись по Темз-стрит; они постоянно находились под угрозой пожара - в 962, 1087, 1135 годах большая часть Сити была сожжена дотла. Они жили в достатке: работа находилась для всех: у них были свои народные депутаты - городской парламент - и свои приходские депутаты - которые существуют до сих пор: у них не было феодала, который бы их притеснял: что касается грязи и зловония узких городских улиц, то их это не волновало. Они были свободны, их хорошо кормили, они были веселы и довольны.

11. ЛОНДОНСКАЯ СТЕНА.

Давайте разберемся в истории и ходе строительства Лондонской стены, хотя бы ради того, что граница Сити на протяжении пятнадцати сотен лет определялась возведением этой стены; что в некоторых целях ход стены до сих пор влияет на управление Лондоном; и что она была снесена по кусочкам только в прошлом веке.

Обратившись к карте, вы увидите, как проходила Стена. Она начиналась с востока, где сейчас стоит Белая башня. Часть фундамента Тауэра представляет собой бастион римской стены. Она шла почти на север до Олдгейта. Затем она повернула в северо-западном направлении к северу от Камомил-стрит и Бевис Маркс до Бишопсгейт. Далее она шла почти на запад, к северу от улицы под названием Лондонская стена, поворачивая на юг у Монкуэлл-стрит. У Олдерсгейта она поворачивала на запад, пока не достигала Ньюгейта, где снова поворачивала почти на юг и так до реки, немного восточнее нынешнего моста Блэкфрайерс. Наконец, она шла вдоль берега реки, соединяясь с ее восточной оконечностью. Речная стена имела проемы или ворота в Даугейте и Бишопсгейте, и, вероятно, в Квин-Хите. Длина стены, не считая речной стороны, составляла 2 мили и 608 футов.

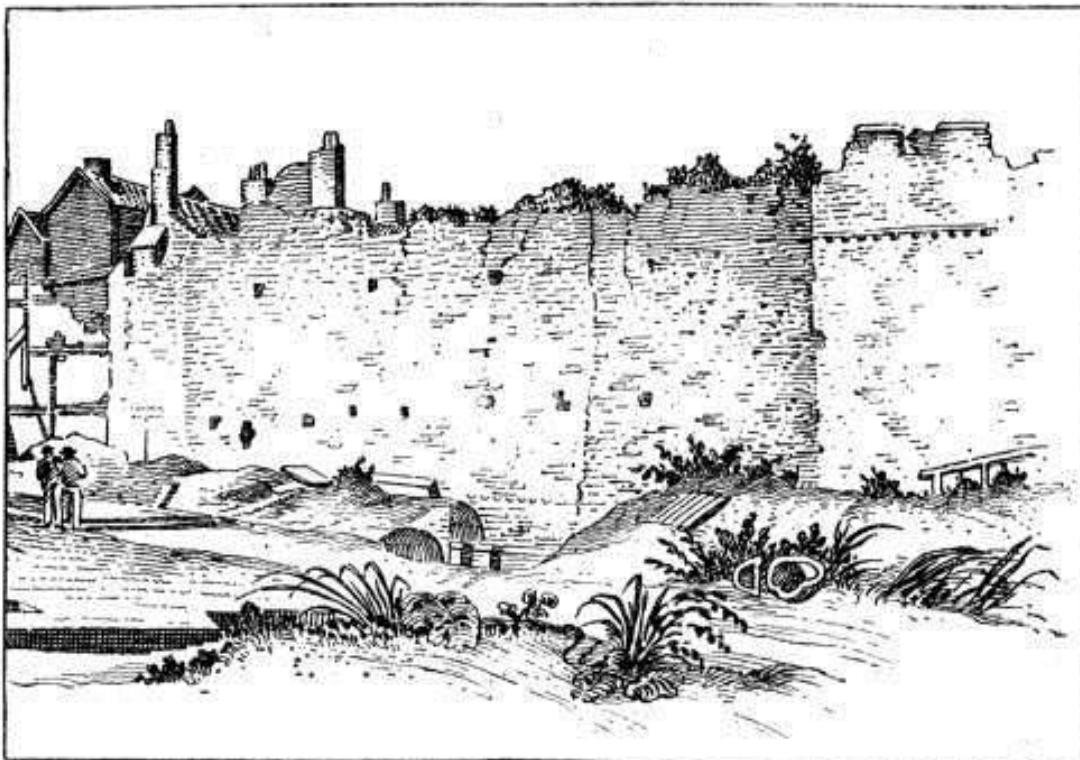
Первоначально эта грозная стена толщиной около 12 футов была сложена из щебня и раствора, последний был очень твердым, и облицована камнем. Римскую работу можно узнать по черепичным или кирпичным рядам. Они уложены в два слоя на расстоянии около 2 футов друг от друга. Так называемые кирпичи ничуть не похожи на наши: их длина составляет 6 дюймов, ширина - 12 дюймов, а толщина - 1½ дюйма. Высота стены составляла 20 футов, с башнями и бастионами через каждые промежутки высотой около 50 футов. Сначала не было ни рва, ни канавы, и понятно, что для защиты города от нападения варваров - пиктов или шотландцев - достаточно было закрыть ворота и поставить людей на башнях. У захватчиков не было лестниц.

ГОРОДСКИЕ

ВОРОТА.

В течение веков Стена много раз ремонтировалась и перестраивалась. Саксы позволили ей прийти в разрушенное состояние. Альфред восстановил и укрепил ее. Следующие важные ремонтные работы были проведены во время правления короля Иоанна () в 1215 году, Генрихом III, Эдуардом I, Эдуардом II, Эдуардом III, Ричардом II, Эдуардом IV. После этих различных перестроек от первоначальной стены, казалось бы, мало что осталось. Однако то, что большая ее часть продолжала оставаться твердым бутовым камнем римской работы, очевидно из того факта, что ход стены никогда не менялся. Единственное изменение произошло, когда стену повернули на запад у Ладгейта к реке Флит и, таким образом, к месту слияния Флита и Темзы. Речную часть стены также разрешили убрать.

ОСТАТКИ

СТЕНЫ.

Таким образом, Сити был защищен огромной стеной, пробитой несколькими воротами, с бастионами и башнями. В Ист-Энде после норманнского завоевания возвышалась Большая Белая башня, которая стоит до сих пор. В западной части города находилась башня Монфише.

ЧАСТЬ

РИМСКОЙ СТЕНЫ В ЛЕСТЕРЕ.

Но стена без рва, там, где ров был возможен, стала малопригодной, как только были изобретены лестницы с деревянными подвижными башнями и другими приспособлениями. Соответственно, ров был построен в 1211 году во времена правления короля Иоанна. Судя по всему, горожане с самого начала пренебрегали им, больше полагаясь на собственную храбрость, чем на защиту рва. Его часто приказывали чистить и ремонтировать: когда он был чистым, в нем водилась хорошая рыба разных видов, но постепенно ему позволили высохнуть, пока в царствование королевы Елизаветы не осталось ничего, кроме узкого канала или вообще никакого канала, кроме нескольких разбросанных прудов с рыночными садами, посаженными в самом рву. На карте Лондона Агаса изображены эти сады с летними домиками и коттеджами для садовников и пасущимся скотом. На западной стороне к северу от Ладгейта ров полностью исчез, и дома построены с внешней стороны стены. Хаундсдитч - это ряд средних домов, обращенных ко рву. Форестрит также застроена против рва. Внутри стены и за ней располагались церковные дворы - церкви Святого Алфея, Олхоллоуза и Святого Мартина в Аутвиче, которые вы все еще можете увидеть внутри стены: церковь Святого Августина в северном конце Сент-Мэри-Экс исчезла. Церковные дворы трех церквей Святого Ботольфа, Бишопсгейта, Олдгейта, Олдерсгейта и Святого Джайлса находятся за стеной. Затем ров засыпали, и вдоль стены стали строить дома внутри и снаружи. Так началось бесконтрольное, а возможно, и открыто поощряемое постепенное разрушение Стены. Чтобы снести стену из сплошных обломков толщиной в двенадцать футов, требуется много времени. Лондонцам потребовалось около 160 лет. В 1760 году они наконец сняли ворота. К этому времени большая часть стены была разрушена, но кое-где сохранились

крупные фрагменты. Значительный кусок, часть бастиона, до сих пор можно увидеть в церковном дворе Сент-Джайлса, а ризница Олл-Холлоуз-на-Стене построена на бастионе. На Камомил-стрит и в других местах были обнаружены части стены, где проводились раскопки: и, конечно же, фундамент стены существует до сих пор, от края до края.

12. НОРМАННСКИЙ ЛОНДОН.

Когда Вильгельм Завоеватель получил в подчинение Сити, он дал горожанам Хартию - их первую Хартию свободы. Нет никаких сомнений в том, что Хартия была ценой, которую требовали горожане и которую с готовностью заплатил Завоеватель в обмен на их покорность. Ниже приводится этот документ. Как ни короток он, но в этих нескольких словах заложено все будущее города: -.

Уильям Кинг приветствует Уильяма Бишопа и Госфрита Портрива и всех жителей Лондона, французов и англичан, дружелюбно.

Я хочу сказать вам, что я завещаю, чтобы вы были достойны закона, как во времена короля Эдуарда, и чтобы каждый ребенок был наследником своего отца после дня своего отца, и я не потерплю, чтобы кто-либо предложил вам какое-либо зло.

Храни вас Господь".

Сама древняя хартия хранится в Гилдхолле. Со временем было сделано множество копий и переводов. Давайте посмотрим, что она означает.

Граждане должны были быть "достойными закона", как это было во времена короля Эдуарда. Это означало, что они должны были быть свободными людьми в судах правосудия, имея право быть судимыми равными себе, то есть присяжными. "Все, кто был достоин закона во времена короля Эдуарда". Крепостные, например, не были достойны закона. То, что дети должны были наследовать имущество отца, было, как и предыдущий пункт, большой гарантией свободы города, поскольку защищало народ от любых феодальных притязаний, которые могли возникнуть. Далее, обратите внимание, что в Лондоне никогда не было графов: у Сити не было лорда, кроме короля, и он никогда не потерпит никакого лорда, кроме короля. Попытка была, но только одна, и за ней последовало падение королевы-Матильды, которая попыталась это сделать. Феодальные обычаи возникали, процветали и умирали, но в этом свободном городе они были неизвестны.

Но город с его крепкими стенами, огромным количеством людей и ресурсами мог оказаться настолько независимым, чтобы запереть короля. Поэтому Вильгельм начал строить Тауэр, с помощью которого он мог не только не пускать врагов в Лондон, но и держать под своей сильной рукой бюргеров. Он снес часть стены и огородил двенадцать акров земли, на которой построил свою крепость, внутри глубокого и широкого рва. Работа была поручена Гундульф, епископу Рочестера, который оставил ее незавершенной, когда умер через тридцать лет.

Следующая великая хартия города была дарована Генрихом Первым. Он освободил горожан от уплаты феодальных повинностей, налога, называемого данегельдом, который первоначально взимался за выкуп датчан, налога на убийство, боевого пари, то есть той формы судебного процесса, в которой обвиняемый и обвинитель сражались друг с другом, и от некоторых пошлин. Он также предоставил горожанам графство Мидлсекс для ведения сельского хозяйства при выплате короне 300 фунтов *стерлингов* в год, которые

A detailed black and white woodcut illustration of a tall, square stone tower, likely a castle or fortress. The tower features a crenellated top, a small arched entrance at the base, and a large, ornate window on the upper floor. The structure is surrounded by a low wall and a small garden area with a tree and a stone.

ЦЕРКОВЬ В ГРАФСКОМ БАРТОНЕ.
(Фронтоны появились гораздо позже.)

Это была очень важная хартия. Несомненно, как и первая, она была оговорена как плата за поддержку города. Уильям Руфус был убит в четверг - Генрих был в Лондоне в субботу. Поэтому ему, должно быть, пришлось много ездить верхом, чтобы преодолеть сто двадцать

миль неровного пути между Новым лесом и Лондоном. Но Сити поддержал его, и это стало их наградой.

Мы постепенно приближаемся к современной конституции Сити. В 1189 году Портрив, или первый магистрат, в лице Генри Фиц Эйлвина принял титул мэра - не лорд-мэра: титул появился позже, как привычка или стиль, а не как присвоенное звание. С ним были два шерифа - шериф города и шериф графства. Был и епископ: городской судья со своими судами. Были также олдермены, еще не ставшие выборным органом.

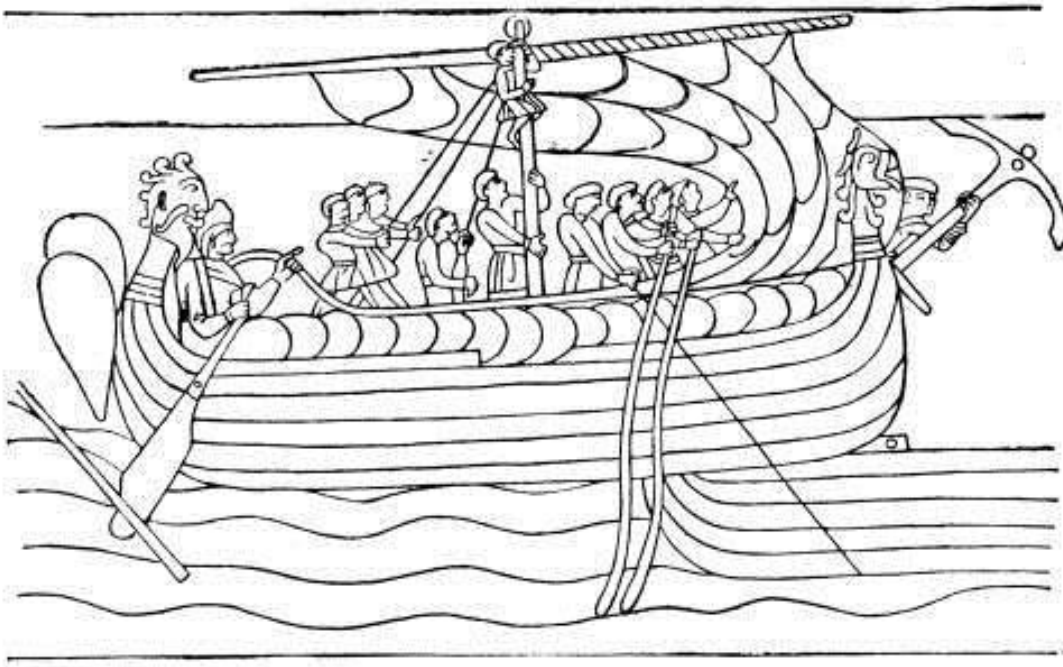
Лондонцы избрали Стивена Кинга и поддерживали его во всех последующих бедах. Самым ярким доказательством силы и важности Сити служит тот факт, что, когда Матильда отомстила Лондону, лишив его хартий, горожане восстали, изгнали ее из Лондона и сделали ее дело безнадежным.

13. РАССКАЗ ФИЦСТЕФЕНА О ГОРОДЕ.

ЧАСТЬ I.

Белая башня - единственное здание в современном Лондоне, принадлежащее нормандскому Лондону. От него остались фрагменты - часть церкви святого Варфоломея Великого, часть церкви святой Этельбурги, крипта церкви Боу: очень немного другое. Все остальное было уничтожено временем, "улучшениями" или огнем, величайшим врагом городов во всех странах и во все века. Так, три великих пожара в десятом и одиннадцатом веках охватили Лондон из конца в конец. Нет нужды спрашивать, осталось ли что-нибудь от римского или саксонского города. Не осталось ни одного остатка, за исключением маленького фрагмента, известного как Лондонский камень, который сейчас лежит за железными решетками в стене церкви Святого Свитина. Церкви, дворцы, монастыри, замки - все погибло в этих трех пожарах. Город, несомненно, быстро восстал из пепла, но о его восстановлении в каждом случае у нас нет никаких подробностей.

К счастью, существует бесценный и уникальный документ, который, несмотря на свою краткость и скудость во многих деталях, описывает Лондон, каким он был в царствование Генриха II. Он написан неким Фицстефеном, капелланом Томаса Бекета. Он присутствовал при убийстве архиепископа и написал его жизнь, к которой этот рассказ является введением.

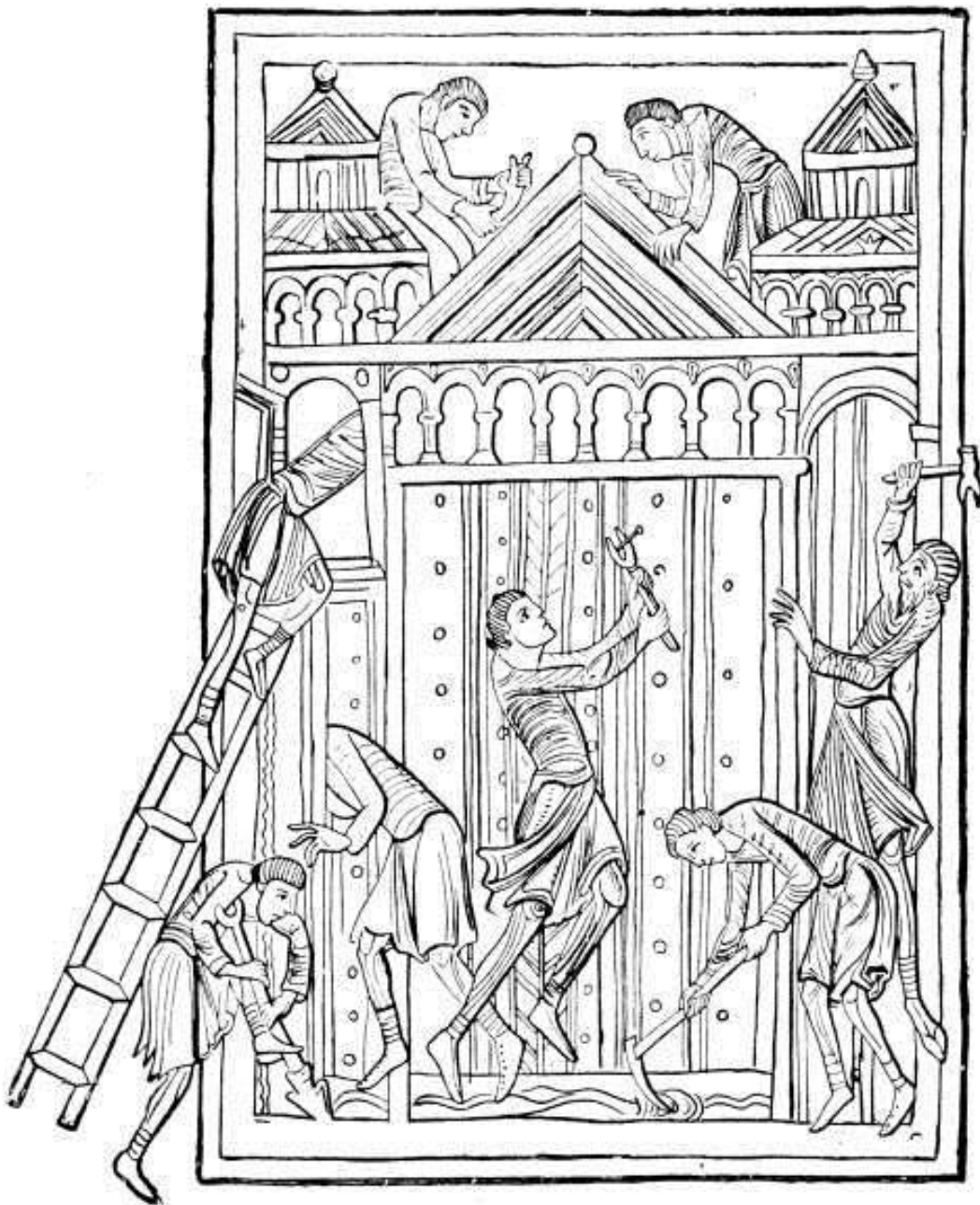

НОРМАНСКИЙ

КОРАБЛЬ.

(С гобелена Байе.)

Прежде всего, он сообщает, что в городе было тринадцать больших монастырских церквей и сто двадцать шесть приходских церквей. Он пишет всего через пятьдесят лет после Великого пожара, поэтому маловероятно, что были возведены новые приходы. Все церкви, которые были разрушены, были отстроены заново. Большинство из них были очень маленькими приходами, с, несомненно, очень маленькими церквями. К вопросу о церквях мы еще вернемся.

СТРОИТЕЛЬСТВО ЦЕРКВИ В ПОЗДНЕМ СТИЛЕ.

(По рисунку, принадлежащему Обществу антикваров).

На востоке находилась Белая башня, которую он называет "Палатинским замком": на западе было две башни - башня Монфише, где сейчас находится вокзал Блэкфрайерс, и замок Байнарда, расположенный рядом с ней. Стены Сити имели семь двойных ворот. Речная стена к этому времени была разобрана. В двух милях от Сити, на западе, находился Королевский дворец (Вестминстер), укрепленный валами и соединенный с Сити густонаселенным пригородом. Таким образом, Стрэнд и Чаринг-Кросс уже были заселены. Ворота были Олдгейт, Бишопсгейт, Крипплгейт, Олдерсгейт, Ньюгейт, Ладгейт и Бридж.

Фицстефен утверждает, что горожане были настолько сильны, что могли предоставить королю 20 000 всадников и 60 000 пеших. Это явное преувеличение. Если принять по 500 человек на каждый приход, то население составит всего 63 000 человек, а при переписи, проведенной позже Ричардом Вторым для уплаты налога, их было не более 48 000. Однако это было вскоре после того, как город опустошила чума.

Но писатель говорит нам, что горожане превосходили жителей любого другого города в мире по "красивости манер и одежды, за столом и в манере говорить". В городе было три главных школы, ученики которых соперничали друг с другом и участвовали в публичных состязаниях по риторике и грамматике.

Тем, кто занимался ремеслом и продавал какие-либо товары, отводилось соответствующее место, куда они отправлялись каждое утро. По сохранившимся названиям легко определить, где располагались торговые ряды. Например, названия Хлебная улица, Рыбная улица, Молочная улица, Медовый переулок, Лесная улица, Суконный переулок, Птичник указывают на то, какими ремеслами там занимались. Пятничная улица показывает, что здесь продавалась еда, предназначенная для постных дней, а именно сушеная рыба. Чипсайд сохранил название Чепе, самой важной из всех старых улиц. Здесь каждый день, круглый год, проходил рынок, на котором продавалось все, что только можно, но не в лавках, а в *селдах*, то есть крытых деревянных навесах, которые можно было разобрать по случаю. Не думайте, что "Чепе" была узкой улицей: это было большое открытое пространство, лежащее между собором Святого Павла и тем местом, где сейчас находится Королевская биржа, с улицами на север и на юг, образованными рядами этих *сараев* или навесов. Впоследствии сараи превратились в дома с магазинами впереди и садами позади. Проезжая часть на южной стороне этого открытого пространства называлась Стороной Чепе. Было еще одно открытое место для продавцов, называвшееся Ист-Чепе, другое - в Биллингсгейте, называвшееся Роум-Лейн, третье - в Даугейте - оба для выставления на продажу импорта, выгруженного на набережных и в портах Квинхит и Биллингсгейт. Те, кто видел рыночную площадь во французском городе, поймут, что это были за места. Большая неровная площадь. Со всех сторон навесы с товарами на продажу: поначалу все кажется путаницей и шумом, но вскоре можно понять, что здесь есть упорядоченные улицы, на которых знающие люди могут найти то, что им нужно. Здесь - торговцы, здесь - ювелиры, здесь - оружейники, здесь - гловеры, здесь - пепперы или бакалейщики, и так далее. Вест Чепе - место магазинов, где продаются вещи, сделанные в Сити, и все, что нужно для повседневной жизни.

На другой стороне Уолбрука, через который перекинут мост, где сейчас находится Птицефабрика, находится Ист-Чепе, куда привозят всевозможные импортные товары и продают их в розницу: а на берегу реки купцы собираются на открытых местах возле Квинхит и Биллингсгейт, чтобы принять или купить грузы, присылаемые из Франции, Испании и низких стран. Было еще одно открытое пространство - вокруг собора Святого Павла, место, где народ проводил свои народные гулянья. Но Лондон еще ни в коем случае не был застроен. Его северная часть была покрыта садами. Именно здесь, как мы увидим, вскоре должны были быть построены великие монастыри.

СВЕТСКИЕ КОСТЮМЫ В

ДВЕНАДЦАТОМ ВЕКЕ.

14. РАССКАЗ ФИЦТЕФЕНА О ГОРОДЕ.

ЧАСТЬ II.

За стенами, по его словам, было много приятных мест для отдыха, среди которых были ручьи и источники. Он имеет в виду реку Флит, извивающуюся на дне своей широкой долины: дальше на запад - Тайберн и Вестборн: на юге - Вандл, Эффра, Равенсборн. Был колодец в Холиуэлле на Стрэнде - он находится под зданием нынешнего театра "Опера Комик" - и в Клеркенвелле: эти колодцы обладали лечебными или чудодейственными свойствами, и, несомненно, там были таверны и увеселительные заведения. На Смитфилде или Гладком поле - за стенами города - раз в неделю, в пятницу, проводилась конная ярмарка. Бизнес закончился, последовали скачки. Река была полна рыбы: кто-то ловил ее для пропитания, кто-то для развлечения: лосося было много, а большие рыбы, такие как морские свиньи, иногда встречались выше Бриджа.

Затем юноши и мальчики занимались спортом. Они играли в мяч - а когда еще молодые люди не играли в мяч? Молодые лондонцы занимались хоккеем, из которого выросли две благородные игры - крикет и гольф. Они занимались борьбой и прыжками. Ничего не сказано о боксе и кватерстафе. Но, возможно, они относились к оружейному делу и стрельбе из лука, которыми никогда не пренебрегали, потому что в любой момент лондонскому ремесленнику могло понадобиться стать солдатом. У них были петушинные бои - спорт, к которому лондонец всегда был равнодушен. А еще они любили танцевать с девушками под музыку трубы и табора. Зимой, когда широкие болота к северу от стен замерзали, они

катались на коньках. И охотились с ястребом и гончей в Мидлсекском лесу, который принадлежал городу.

КОСТЮМ ПАСТУХОВ В

ДВЕНАДЦАТОМ ВЕКЕ.

Сити, рассказывает он, управляется по тем же законам, что и Рим. Как и Рим, Лондон разделен на округа: как и в Риме, в городе ежегодно избираются магистраты, которые называются шерифами, а не консулами; как и в Риме, в нем есть сенаторские и низшие магистраты; как и в Риме, в нем есть отдельные суды и соответствующие места для судебных тяжб; как и в Риме, в городе проводятся собрания в установленные дни. Писатель увлечен своим энтузиазмом в отношении Рима. Как мы уже видели, правительство, законы и обычаи Лондона ни в чем, ни в одном отношении, не были обязаны Риму. Все выросло из англосаксонских законов и обычаев.

ЦЕРКОВНЫЙ

КОСТЮМ В ДВЕНАДЦАТОМ ВЕКЕ.

Громко восхваляя изобилие всевозможной пищи, которую можно найти в Лондоне, Фицстепен напоминает нам, что он жил и в других городах, особенно в Кентербери, когда находился на службе у архиепископа. Мы видим, хотя он и не говорит об этом, как он сравнивает изобильный рынок Лондона со скудным рынком Кентербери. Все, по его словам, было в продаже. Все жареное и вареное мясо, какое только можно пожелать, всю рыбу, птицу и дичь в сезон можно было каждый день купить в Лондоне: там были поварские лавки, где можно было получить обеды и ужины, заплатив за них. Он подробно останавливается на этом изобилии. Теперь в провинциальных городах и деревнях снабжение было делом неопределенным и тревожным: домохозяйка должна была заранее позаботиться о том, чтобы ее кладовая и кладовая были хорошо снабжены: соленое мясо и соленая рыба были основными продуктами питания. Говядины и баранины было мало: дичи было в изобилии, если ее удавалось добыть; но законы о дичи были строги, и на рынок Кентербери попадало очень мало оленины. Для этого священника, знавшего деревенские рынки, изобилие всего в Лондоне было удивительным.

Еще один момент, который он отмечает: "Почти все епископы, аббаты и магнаты Англии являются как бы гражданами и свободными людьми Лондона; у них есть свои великолепные дома, в которые они приезжают, где они много тратят, когда их созывает на большие советы король или их митрополит, или их влекут туда их собственные частные дела".

Еще через столетие или два Лондон, как вы увидите, превратится в город дворцов. Обратите внимание, что дворцы уже строятся. Заметьте также, что Лондон уже обогащается за счет визитов и проживания великих лордов, которые со своими свитами "много тратят". И по сей

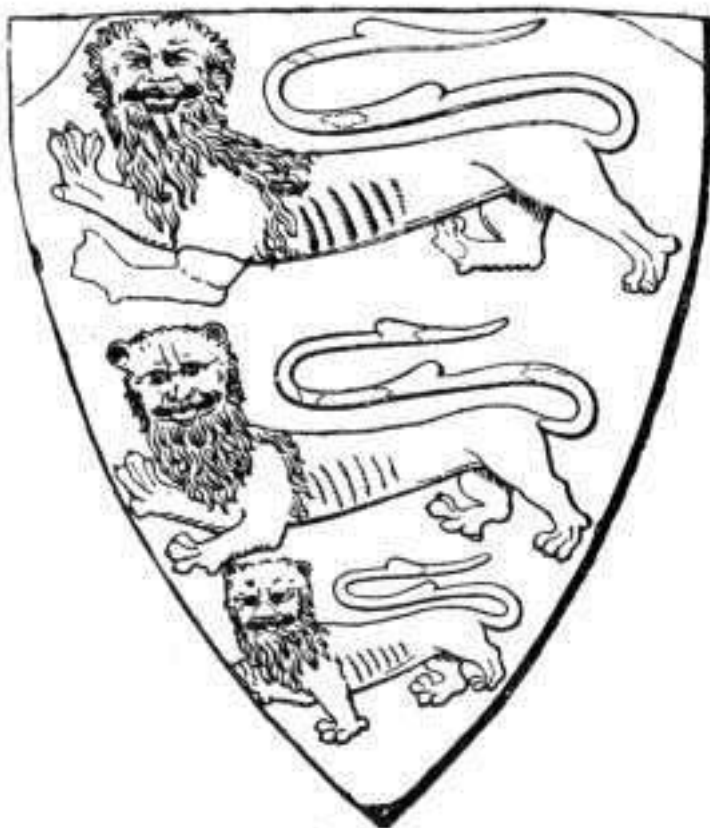
день происходит то же самое. Богатые люди, имеющие свои городские дома в лондонском Вест-Энде, и тысячи деревенских жителей и иностранцев, которые сегодня стекаются в лондонские отели, являются преемниками великих людей и их последователей, которые приезжали в Лондон в двенадцатом веке и "много тратили".

"Я не думаю, - говорит Фицстефен, - что есть город с более похвальными обычаями посещения церкви, почитания Божьих таинств, соблюдения священных праздников, раздачи милостыни, гостеприимства, конфирмации, обручения, заключения браков, празднования бракосочетаний, приготовления пиров, веселья гостей, а также заботы о похоронах и погребении мертвых". Единственные вредители Лондона - это неумеренное пьянство глупцов и частые пожары".

15. ЛОНДОНСКИЙ МОСТ.

ЧАСТЬ I.

Никто не знает, кто построил первый мост. Он появился в четвертом веке - деревянный мост с укрепленными воротами, одними из ворот Сити. Кто и когда его построил, как долго он простоял, какое пространство было между опорами, какой ширины он был - мы не знаем. Вероятно, это был довольно узкий мост, состоящий из балок, положенных друг на друга, и перил по бокам. О том, что эти балки не были расположены близко друг к другу, говорит тот факт, что в русле реки под старым мостом было найдено так много монет.

КОРОЛЕВСКИЕ ГЕРБЫ АНГЛИИ ОТ
РИЧАРДА I. ДО ЭДУАРДА III.
(Со стены аркады южного нефа Вестминстерского аббатства).

Кроме моста, через реку переправлялись паромы, особенно между Даугейтом и противоположным берегом, называемым Доком Святой Марии Оверис, где впоследствии был возведен Приорат Святой Марии Оверис, которому принадлежала церковь, ныне называемая Собором Святого Спасителя в Саутварке. Доки на обоих концах старого парома сохранились до сих пор.

Мост пережил много несчастий: говорят, что он был разрушен датчанами в 1013 году. Возможно, вместо слова "разрушение" следует читать "повреждение". Тем не менее, наверняка сгорел во время Великого пожара 1136 года. На его месте был построен другой, тоже деревянный, а в 1176 году началось строительство каменного моста, который строился тридцать лет и простоял до 1831 года, когда нынешний мост был достроен, а старый снесен.

Архитектором этого каменного моста, которому суждено было простоять шестьсот пятьдесят лет, был некий Питер, капеллан церкви Святой Марии Коулчерч в Старом Еврействе (церковь была разрушена во время Великого пожара и не восстановлена).

В те времена строительство мостов считалось делом благочестивым. Если мы подумаем, как мост помогает людям, то согласимся с нашими предками. Без моста люди, живущие на одном берегу реки, могут общаться с теми, кто находится на другом берегу, только на лодках. Купцы не могут перевозить свои товары: фермеры не могут доставить свою продукцию на рынок: путешественники могут переправиться только на пароме: армии не могут совершать марши - если вы хотите следовать за армией через страну, где нет мостов, вы должны искать броды. Дороги бесполезны, если через реки не переброшены мосты. Первое, что необходимо для объединения нации, - это возможность общения: без дорог и мостов житель Девона - чужак и враг для жителя Сомерсета. Мы, у которых есть мосты через каждую реку, которым не нужно даже переходить ручей вброд, которые едва ли знают, что такое паром, легко забываем, что эти мосты не выросли, как дубы и вязы, а были построены после долгого изучения предмета людьми, которых готовили к этой работе так же, как других людей готовили и учили строить соборы и церкви. В двенадцатом веке во Франции был основан религиозный орден: он назывался Орден Братьев Понтифика - *Понтифик*, то есть Строитель мостов. Мостостроители Братья построили во Франции множество мостов, несколько из которых сохранились до наших дней. Нет уверенности в том, что Петр из Коулчерча был одним из этого братства, возможно, и нет. Когда он умер в 1205 году, так и не достроив мост, король Иоанн призвал французского "понтифика" по имени Изембер, который построил мосты в Ла-Рошели и Сенте. Но главными строителями, как говорят, были три купца из Лондона по имени Серл Мерсер, Уильям Алмейн и Бенедикт Ботеврит. Строительство моста считалось делом государственной важности: король, великие лорды, епископы, а также жители Лондона давали деньги, чтобы ускорить его завершение. Список жертвователей был сохранен на "столе, честно написанном для потомков" в часовне на мосту. К несчастью, он был уничтожен во время Великого пожара.

Не следует думать, что мост Питера Коулчерча был похож на нынешний величественный мост с широкими арками. Он состоял из двадцати арок неравномерной ширины: только две или три были одинаковыми: они варьировались от 10 до 32 футов: некоторые из них, таким образом, были очень узкими: опоры также были разной длины. Эти неровности, несомненно, были сделаны намеренно и основаны на некоторых наблюдениях за подъемом и спадом прилива. До сих пор не было построено ни одного большого моста через приливную реку.

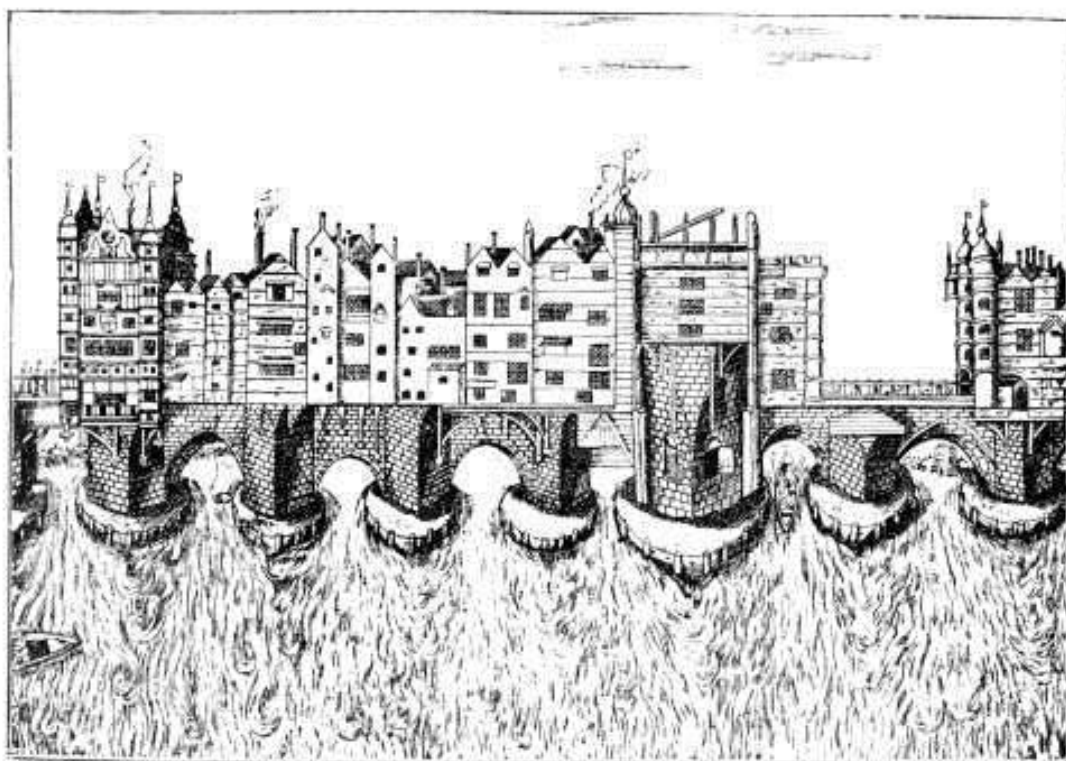
Когда мост был построен, было решено посвятить его какому-нибудь святому. Титулярным святым этого моста был выбран последний святой, святой Томас Бекет. Посвященная ему часовня была построена на центральном пирсе моста: по сути, это была двойная часовня: в

нижней части, крипте, был похоронен сам Петр из Коулчерча: верхняя часть, спасшаяся от Великого пожара, стала после Реформации складом.

16. ЛОНДОНСКИЙ МОСТ.

ЧАСТЬ II.

Со временем вдоль моста по обеим сторонам были возведены дома, как на улице, но с промежутками; а вдоль проезжей части посередине были установлены столбы с цепями для защиты пассажиров. Поскольку ширина моста составляла всего 40 футов, дома должны были быть небольшими. Но они были построены сзади, нависая над рекой, а сама проезжая часть не предназначалась для телег или колесного транспорта. Помните, что в город все доставлялось на вьючных лошадях или вьючных ослах. В таблице пошлин, утвержденной королем Эдуардом I, вообще нет упоминания о телеге или повозке. Люди на лошадях и груженные лошади могут передвигаться по очень узкой дороге. Возможно, мы можем допустить двенадцать футов для дороги, что дает домам по обе стороны глубину в 14 футов каждый.

СТАРЫЙ

ЛОНДОНСКИЙ МОСТ.

В этих домах располагались в основном магазины, большинство из которых были "галантерейщиками и торговцами мелкой утварью". Позже здесь появилось множество книготорговцев. После Реформации часовню заняли торговцы бумагой и канцелярские торговцы. На мосту жил великий живописец Ганс Гольбейн, а также два художника-мариниста - Питер Монами и Доминик Серрес.

Из-за узости арок и стремительного набегающего или отступающего прилива "стрельба" по мосту представляла большую опасность. Герцог Норфолк в 1429 году был сброшен в воду в результате опрокидывания его лодки и едва спасся. Королева Генриетта в 1628 году едва не потерпела такое же крушение, налетев на опоры во время съёмки моста. Художник Рубенс был сброшен в воду тем же способом.

Одна из двадцати арок образовывала разводной мост, который позволял проходить по реке судам большего размера, чем баржи, и мог использоваться для сдерживания противника. Так в 1557 году сэру Томасу Уайатту удалось не пустить врага в Лондон. Перед разводным мостом стояла башня, на бойницах которой были размещены головы предателей и преступников. Сюда были прикреплены головы сэра Уильяма Уоллеса, Джека Кейда, сэра Томаса Мора и многих других. Со стороны Саутварка находилась еще одна башня.

Мост, который был гордостью и гордостью Лондона, был наделен землями для его содержания: арендная плата с домов также собиралась для этой цели: пошлиной облагались все товары, перевозимые через мост, и было создано братство, названное Братьями Святого Фомы на мосту, в обязанности которых входило совершать службы в часовне и поддерживать мост в рабочем состоянии.

Ремонта всегда не хватало: чтобы сдержать силу воды на опорах, их обставили "скворцами", то есть сначала сваями, вбитыми перед опорами, а затем превращенными в выступающие контрфорсы из камня. Затем в некоторых проемах были построены кукурузные мельницы, а в 1582 году в южной части были сооружены большие гидротехнические сооружения. Башня перед разводным мостом была перестроена королевой Елизаветой и превращена в великолепный дом, называемый Ноунсуч-Хаус. Пожар уничтожил все дома на мосту, некоторые из них не были восстановлены, а в 1757 году все дома были убраны с моста.

Новый мост был закончен и открыт в 1831 году - он находится в 180 футах к западу от своего предшественника. Затем был снесен Старый мост. Работа Питера Коулчерча продолжалась с 1209 по 1831 год, или 622 года. Братья Понтифи, таким образом, знали, как сделать хорошую и долговечную работу.

Такова история Лондонского моста. Сначала узкий деревянный проход из балок, лежавших на деревянных сваях, с укрепленными воротами; затем каменное сооружение из двадцати неровных арок, мост широкий, но проезжая часть по-прежнему узкая, с домами по обе стороны, крепостью и часовней на нем - в те времена всегда была крепость, и всегда была часовня. Должно быть, это было приятное место для проживания: воздух свеж и чист, запас воды неограничен - один набирал ее в ведро: всегда что-то происходило: въезд иностранного посла, религиозная процессия, выезд лорда-мэра, представление, дворянин со своей ливреей, епископ или настоятель со слугами, паломничество, вереница вьючных лошадей из Кента, везущих фрукты для Сити: всегда было на что посмотреть. Затем были истории и традиции этого места, а также песни, которые дети пели о Мосте. Особенно запомнилась история Эдварда Осборна. Он был сыном Ричарда Осборна, джентльмена из Кента. Как и многие сыновья бедных деревенских джентльменов, он был отправлен в Лондон и поступил в подмастерья к сэру Уильяму Хьюитту, суконщику, жившему на Лондонском мосту. У его хозяйина была дочь по имени Энн, маленькая девочка, которая однажды, играя со своей няней у открытого окна, выходящего на реку, выпала в стремительную воду на шестьдесят футов ниже. Подмастерье, юный Осборн, прыгнул за ней в реку и сумел спасти ее. Когда девочка выросла, отец отдал ее в жены своему бывшему ученику, Эдварду Осборну. Эдвард Осборн стал лордом-мэром. Его потомок сейчас является герцогом

Лидским. Так что герцогство Лидс возникло в результате того галантного прыжка из окна, выходящего на Темзу с Лондонского моста.

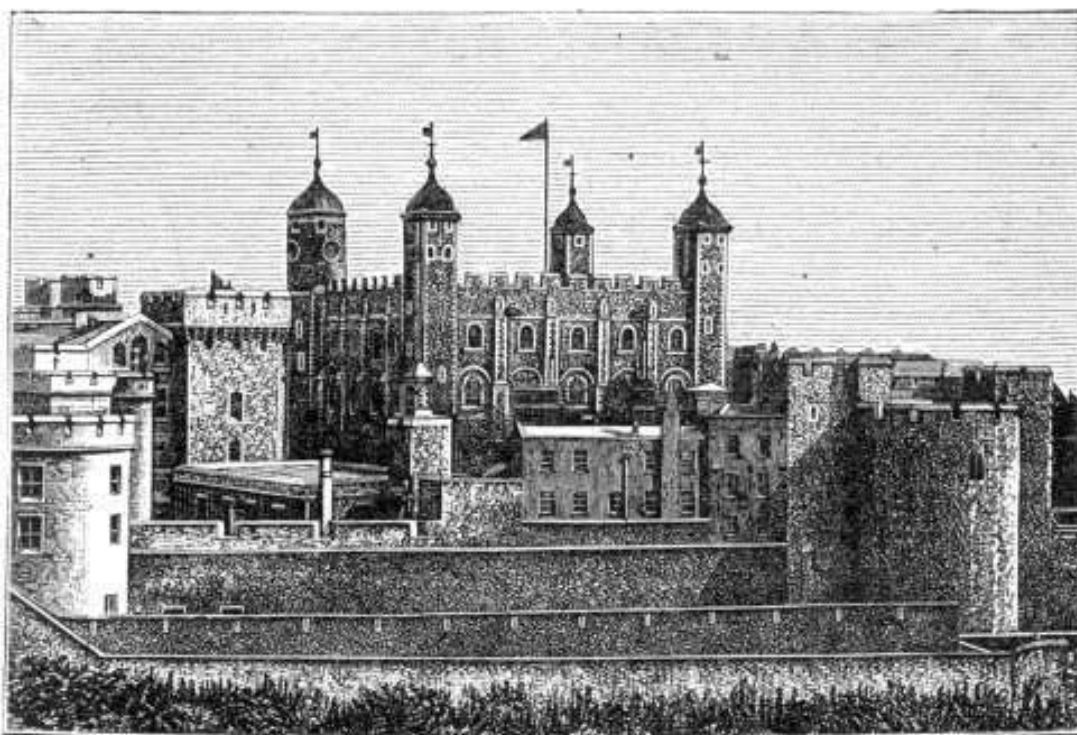
17. ЛОНДОНСКАЯ БАШНЯ.

ЧАСТЬ I.

В эпоху, когда каждый дворянский дом был замком и когда каждый замок возводился для того, чтобы доминировать и защищать город и район, в котором он находился, был возведен Лондонский Тауэр. Строителем Белой башни был Вильгельм Завоеватель, который дал Сити хартию, но не собирался отказываться от собственного суверенитета; архитектором, как уже говорилось, был некий Гундульф, епископ Рочестерский. Часть городской стены была снесена, чтобы освободить место для него, и он был предназначен сразу и для королевского дворца, и для королевского замка, и для королевской тюрьмы. Здесь же находился ключ от Лондона - кто держал Тауэр, тот держал и Сити.

Уильям Руфус построил вокруг Тауэра стену, чтобы полностью отделить его от Сити и предотвратить опасность поспешного восстания народа: с этой же целью он сделал для него водные ворота.

Сто лет спустя, когда Ричард Кер де Лев был в крестовом походе, был построен ров. Генрих III и его сын Эдуард I достроили и укрепили внешние стены.

БАШНЯ. ЛОНДОНСКАЯ

Существует план Тауэра, составленный на основе съемки 1597 года и опубликованный Обществом антикваров. Перед посещением этого места следует изучить план. Прежде всего отметим, что в крепость ведут всего три входа: один с юго-западного угла в Сити, один к реке, который сейчас называется Ворота предателей, и один с юго-восточного угла, называемый

Иронгейт. что она окружена широким и глубоким рвом, который может быть заполнен во время каждого прилива, что из рва поднимается стена, обнесенная стенами, и что внутри этой первой стены находится другая, окруженная защитными башнями, что вход в город ревностно охраняется сначала крепкими воротами: затем узкой дорогой, проходящей под башней: затем через мост. Во всех средневековых замках в первую очередь думали о том, чтобы сделать невозможным перенос места приступом. Если мы хотим восстановить Тауэр королевы Елизаветы в виде Тауэра Эдуарда III, мы должны упразднить все те здания, которые стоят на северной и восточной сторонах, а также те, которые называются "жилем лейтенантов" на юге. Пространство с северной стороны Кипа было площадкой для упражнений: конюшни должны были находиться где-то на этой большой территории; оружейники должны были жить в меньших башнях. Если вы внимательно изучите этот план, то поймете общее устройство средневекового замка.

В XVI веке это место уже не рассматривалось как крепость для защиты или господства над городом. Но старые формы сохранились: никого не пускали с оружием: стража охраняла ворота: содержался гарнизон. Внутри находилась оружейная палата, положившая начало великолепной коллекции, которую можно увидеть сейчас: монетный двор для чеканки денег: коллекции гобеленов, седел, постельной мебели и одеяний, принадлежавших короне: здесь хранились корона, скипетр и знаки отличия: здесь находился королевский зверинец. Здесь же находились комнаты, отведенные для государственных преступников. Это уже не был королевский дворец, но государь иногда занимал Тауэр. Так, например, в 1604 году здесь находился Яков Первый.

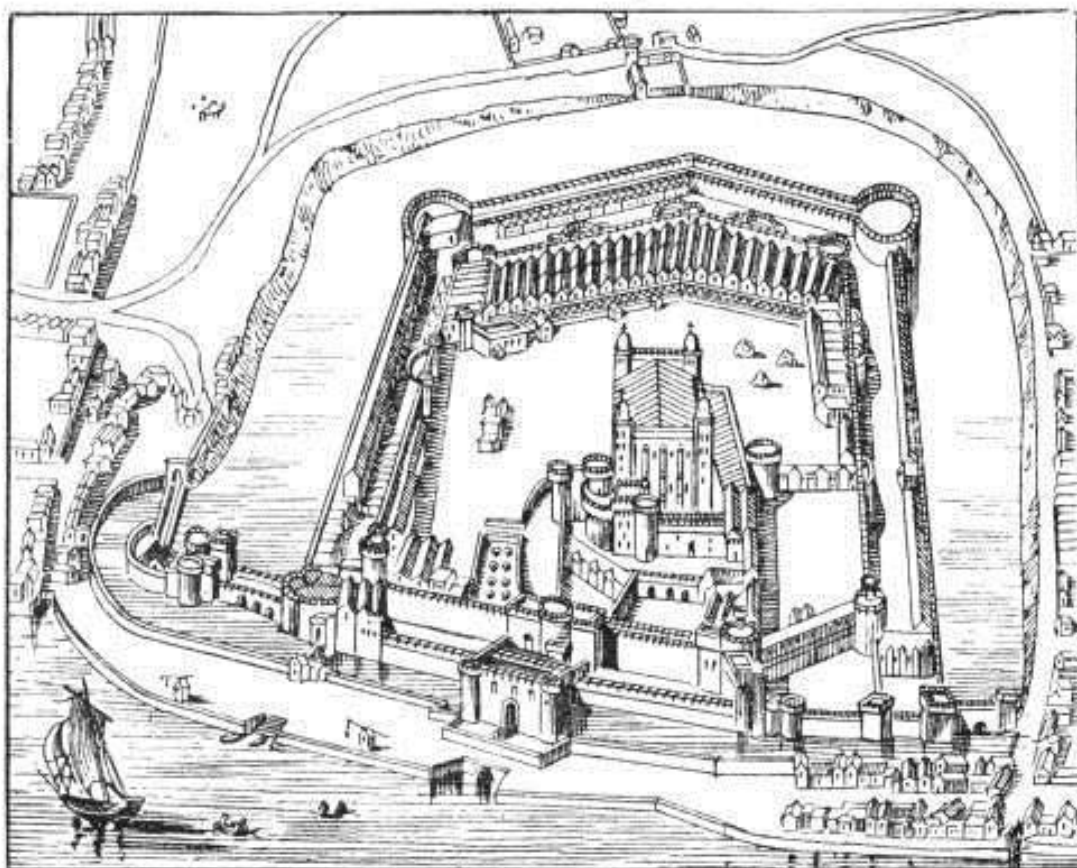
Возле внешних ворот, где сейчас находится комната для трапез, содержались королевские львы. Генрих I завел этот зверинец, который просуществовал до 1834 года. У входа в крепость находится колокольня, где когда-то содержалась королева Елизавета. Водяные ворота, называемые Воротами предателей, находятся под башней Святого Фомы. В Бошамп-тауэр были заключены, в частности, королева Анна Болейн и леди Джейн Грей. В Большой Белой башне Ричард II отрекся от престола в пользу Генриха IV. В подвалах находятся подземелья, в которых когда-то содержался Гай Фоукс. В часовне новоиспеченные рыцари Бани всю ночь напролет рассматривали свои доспехи. Коллекция оружия содержит образцы оружия и доспехов всех эпох. В церкви Святого Петра ад Винкула вы найдете могилы несчастных принцев, королей и дворян, казненных за государственные преступления. Ничто, кроме королевских гробниц в Вестминстере, так не помогает доказать реальность истории, как это собрание могил, плит и табличек в этой маленькой церкви. Здесь же хранились драгоценности короны, о которых можно было бы написать целую главу.

Но чтобы изучить Лондонский Тауэр, нужно посетить его с историей Англии в руках. Сюда приводили всех государственных преступников: здесь их заключали в тюрьму, здесь казнили. Каждая башня, каждый камень напоминают о страдальцах, преступниках, предателях и невинных жертвах. Не забывайте, однако, что этот Тауэр был построен для ограничения свобод народа. Эта цель потерпела поражение. Свободы выросли настолько, насколько можно было надеяться, в то время как привилегии короны, для защиты и расширения которых и был построен этот Тауэр, были ограничены настолько, насколько не могли себе представить даже средневековые короли.

18. ЛОНДОНСКАЯ БАШНЯ.

ЧАСТЬ II.

Среди всех узников, которых постигла смерть по окончании срока заключения в Тауэре, нет ни одного, чья судьба была бы столь жестокой, как судьба леди Джейн Грей. Ее история входит в историю Англии. Когда вы в следующий раз посетите сайт, вспомните короткую и трагическую жизнь этой молодой королевы, процарствовавшей девять дней.

Ей еще не было восемнадцати, когда она была обезглавлена, причем не по своей вине, а исключительно потому, что ее связь с короной отдала ее в руки людей, которые использовали ее в своих политических целях. Она была троюродной сестрой Эдуарда VI, Марии и Елизаветы. Ее бабушка была сестрой Генриха VIII, вдовой Людовика XII Французского и женой Чарльза, герцога Саффолка. Молодого короля на смертном одре уговорили назвать ее своей преемницей. Ей было шестнадцать лет, она уже была замужем за лордом Гилфордом Дадли, сыном герцога Нортумберленда, когда ее провозгласили королевой. Через девять дней после провозглашения она оказалась в плену. 8 июля она была признана королевой лорд-мэром и олдерменами: 10-го она была доставлена по воде из Гринвича в Тауэр и провозглашена королевой в Сити: 17-го было сделано еще одно провозглашение королевы Марии, и ее правление закончилось. Но Тауэр ей больше не суждено было покинуть.

13 ноября - после пяти месяцев ожидания - ее судили за государственную измену вместе с Кранмером, ее мужем лордом Гилфордом и братом мужа, лордом Амброзом. Все четверо были признаны виновными и приговорены к смерти - их судьями были те самые люди, которые присягнули ей на верность как королеве. Судя по всему, у Марии не было желания

приводить приговор в исполнение: Кранмеру она уготовила более жестокую смерть, чем обезглавливание, - его должны были сжечь как еретика. Остальных троих, двух мальчиков и девочку, казнить было опасно из-за народного сочувствия, которое могла бы вызвать их смерть. Поэтому их отправили обратно в Тауэр. Вероятно, предполагалось, что леди Джейн, по крайней мере, проведет остаток жизни в почетном плену, как это случилось позже с Арабеллой Стюарт. Но восстание Уайетта показало, что ее имя еще можно использовать в качестве аргумента в пользу протестантского престолонаследия. Поэтому было решено предать смерти и мужа, и жену. Какой еще вред мог причинить молодой лорд Гилфорд Дадли, неизвестно. Даже тогда советники королевы не решались выставить на Тауэрском холме зрелище молодой и красивой девушки, которую ведут на казнь за то, что некоторые вспыльчивые партизаны использовали ее имя. Поэтому ее казнили на территории Тауэра, на так называемой "Зелени".

Зелень" - это место, где не растет трава - так говорили из-за пролитой на ней крови. Среди пострадавших здесь был и Гастингс, казненный по приказу короля Ричарда: Анна Болейн: Кэтрин Говард и леди Джейн Грей. Камень отмечает место, на котором был установлен эшафот.

Именно утром 12 февраля леди Джейн Грей была предана смерти. В то время она была заключена в Кирпичную башню, резиденцию начальника военного ведомства. Из своего окна она увидела безголовое тело мужа, которое привезли на телеге с Тауэрского холма. Она смотрела на него не отрываясь. "О, Гилфорд, - сказала она, - после того, что ты вкусил, и что я скоро вкушу, антипрошлое не настолько горько, чтобы заставить мою плоть трепетать: оно ничто по сравнению с пиром, который мы будем вкушать в этот день на небесах". И она отправилась в путь вместе с двумя своими господами, Элизабет Тайлни и госпожой Хелен, но не проронила ни слезинки. Когда она была на эшафоте, то разговаривала с офицерами Тауэра и солдатами, стоявшими вокруг. Ни один мужчина или женщина, какими бы мудрыми и достойными они ни были, не могли говорить яснее и с большим достоинством, чем эта шестнадцатилетняя девушка. Ее пытались сделать католичкой. Поэтому она исповедовала протестантскую веру: "Добрые христиане, засвидетельствуйте, что я умираю истинной христианкой и что я ищу спасения ни в чем ином, как только в милосердии Божьем, в крови Его Единородного Сына, Иисуса Христа".

Тогда она заставила своих служанок обнажить шею и завязать глаза, опустилась на колени и положила голову на колодку, и пока она говорила: "Господи, в руки Твои предаю дух мой", - топор упал, и она умерла.

Она похоронена перед алтарем церкви Святого Петра, рядом с телами королев Анны Болейн и Катарини Говард.

Так она и умерла, это бедное невинное дитя, о котором мы знаем только то, что она была настолько образована, что могла читать по-гречески в оригинале: что она была красива: серьезного и милого нрава: и возвышалась над голосом клеветы. Она обладала, говорит Фокс, "невинностью детства, красотой юности, серьезностью возраста: у нее было рождение принцессы, образованность клерка, жизнь святого и смерть злодея за преступления ее родителей".

КРОВАТЬ В ЦАРСТВОВАНИЕ

ГЕНРИХА III.

19. ПИЛИГРИМЫ.

В те времена, когда дорога, соединяющая деревню с деревней и город с городом, представляла собой лишь неопределенную уздечку через леса и пустыри, когда зимой лошадь, человек и путник боролись с трясинной и болотом, когда в зарослях таились разбойники, а на болотах преследовали лихорадка и агония, когда люди ходили вооруженные и каждый незнакомец был врагом, казалось, что большинство людей оставались там, где родились, и не желали подвергаться опасностям неизвестного мира. Во многих деревнях, особенно в отдаленных уголках страны, так оно и было. Люди из Сомерсета жили там, где родились, говорили на своем языке, представляя собой отдельную расу: люди из Норфолка жили в своем графстве, отрезанном от остального мира болотами на западе и морем на севере и востоке: их язык не понимали люди с запада или юга страны. Если бы другие условия жизни позволяли этой изоляции оставаться ненарушенной, нация никогда не смогла бы возникнуть: мы бы так и остались разрозненным собранием племен, говорящих каждое на своем языке и развивающих свои обычаи.

Было три причины, которые всколыхнули застойные воды. Первой была война. Барон, или феодал, вводил молодых людей из деревни на войну: тем из них, кто возвращался, было что рассказать о внешнем мире. Они будоражили воображение и пробуждали предприимчивость парней. Вторая - торговля в торговых портах: ребята видели и продолжали общаться с иностранными моряками - флемингами, немцами, жителями Руана или Бордо: некоторые из них садились на корабли купцов-авантюристов и отправлялись в чужие края. Наконец, были и паломничества.

С десятого по пятнадцатый век паломничество было в почете. Каждый хотел стать паломником. Денег не требовалось: каждый день обязательно находился какой-нибудь монастырь, в котором паломнику предоставляли ночлег и ужин: это была веселая компания, которая двигалась по дороге, кто-то верхом, кто-то пешком, путешествуя вместе для безопасности, все они направлялись к одной святыне, где слушали мессы и давали обеты, а затем возвращались, облегченные: по сути, это был средневековый способ провести отпуск.

Иногда паломники направлялись в Кентербери, где находилась святыня Томаса Бекета, иногда в Уолсингем, где находился чудотворный образ Богородицы, иногда в Гластонбери, освященный терном, чудесным образом расцветающим каждый год на Рождество, посаженным самим Иосифом Аримафейским, а иногда и еще дальше - в Компостеллу в Испании, Рим или даже Иерусалим. Чосер описывает такую компанию, все вместе отправляющуюся из Лондона в Кентербери, чтобы совершить паломничество к святыне Томаса Бекета. Они паломники, но в их разговорах мало благочестия: видно, что, каковы бы ни были мотивы, будь то искупление греха или какая-либо другая причина, путешествие полно веселья и удовольствия. Крестовые походы были одним из результатов этой страсти к паломничеству. Да и сам первый крестовый поход был не более чем великим паломничеством простого народа, настолько невежественного, что при виде каждого города, обнесенного стеной, они спрашивали, не Иерусалим ли это. Это было паломничество, из которого, правда, вернулись немногие.

В Англии главной выгодой от паломничества было объединение людей из разных частей страны. Вспомните, что люди Севера не понимали речи людей Юга: норфолкский деревенщина в наши дни вряд ли поймет человека из Девона: всегда была опасность забыть, что все они принадлежат к одному королевству, одной нации и одной расе.

Но любовь к паломничеству распространилась так широко, что стала представлять опасность. Крестьянин бросил плуг, кузнец - наковальню, плотник - верстак: все оставили жен и детей, чтобы отправиться через всю страну в паломничество к какой-нибудь святыне. Днем они шли вместе, а ночью сидели вокруг огня в комнате для странников в монастыре, ужинали и спали на тростнике. Восхитительная перемена по сравнению с однообразием и тяжелым трудом в деревне! Но тут вмешался епископ. Пусть никто не отправляется в паломничество без разрешения епископа. Пусть монастыри не дают ночлега и ужина ни одному паломнику, который не может предъявить епископское разрешение. Тогда деревенщине и ремесленникам пришлось остаться дома, где они и пребывали с тех пор, за исключением тех случаев, когда выходили на бой.

Когда паломник - особенно тот, кто побывал за морями, - возвращался домой, он мог развлекать своих друзей рассказами, которые видел всю оставшуюся жизнь. Так, самый ранний план Гроба Господня - это план, нарисованный паломником для наставления развлекавших его монахов. Паломники были путешественниками того времени. Они наблюдали за чужими нравами и обычаями, привозили домой семена и рассказывали о диковинных блюдах: они расширяли границы мира: они не давали родной деревне стать целым миром: они учили и призывали людей перестать считать чужака врагом. Таким образом, мир открывался с помощью войны, торговли и паломничества, но больше всего - с помощью паломничества.

20. ST. ВАРФОЛОМЕЕВСКАЯ БОЛЬНИЦА.

Самая старая из городских больниц - это великое и великолепное здание, расположенное в Смитфилде, на Гладком поле. Впервые он был основан неким Рэре, о котором мы почти ничего не знаем, кроме того, что он жил в эпоху правления Генриха I и что он основал приорство и монастырь Святого Варфоломея. В церкви святого Варфоломея Великого можно увидеть очень красивую гробницу, которая, как говорят, принадлежит ему, но работа относится к более позднему времени. Рассказывают, что во время паломничества в Рим он заболел и был близок к смерти. Он поклялся, что если вернет себе здоровье, то построит и

создаст больницу для бедных больных. Он выздоровел и исполнил свой обет. Он построил Приорат святого Варфоломея, церковь которого частично сохранилась до сих пор, и рядом с ним основал свою больницу. Место, называемое Смитфилдом, в то время было болотистым полем, на котором проводилась ярмарка лошадей: оно также было местом казни за городской стеной. Сначала больница была очень маленькой. Вероятно, он состоял из двух больших комнат или залов, одного для мужчин и одного для женщин, а также часовни. Если у госпиталя и были какие-то средства, то, должно быть, очень небольшие, потому что магистру или госпитальеру приходилось каждое утро ходить в Шамблз, Ньюгейт, чтобы выпросить мясо для содержания больных. Двести лет спустя госпиталь перешел в руки Эдуарда IV и обзавелся штатом из магистра, восьми братьев-священников и четырех сестер, которые обслуживали больных. Все они подчинялись Правилу святого Остина. После смерти Уиттингтона здания больницы были отремонтированы на средства, завещанные им. После роспуска религиозных домов приорство и госпиталь Варфоломея пали вместе с остальными, но через пять лет госпиталь был заново основан и одарен королем и городом.

ИНТЕРЬЕР

ЗАЛА В ПЕНСХЕРСТЕ, КЕНТ.

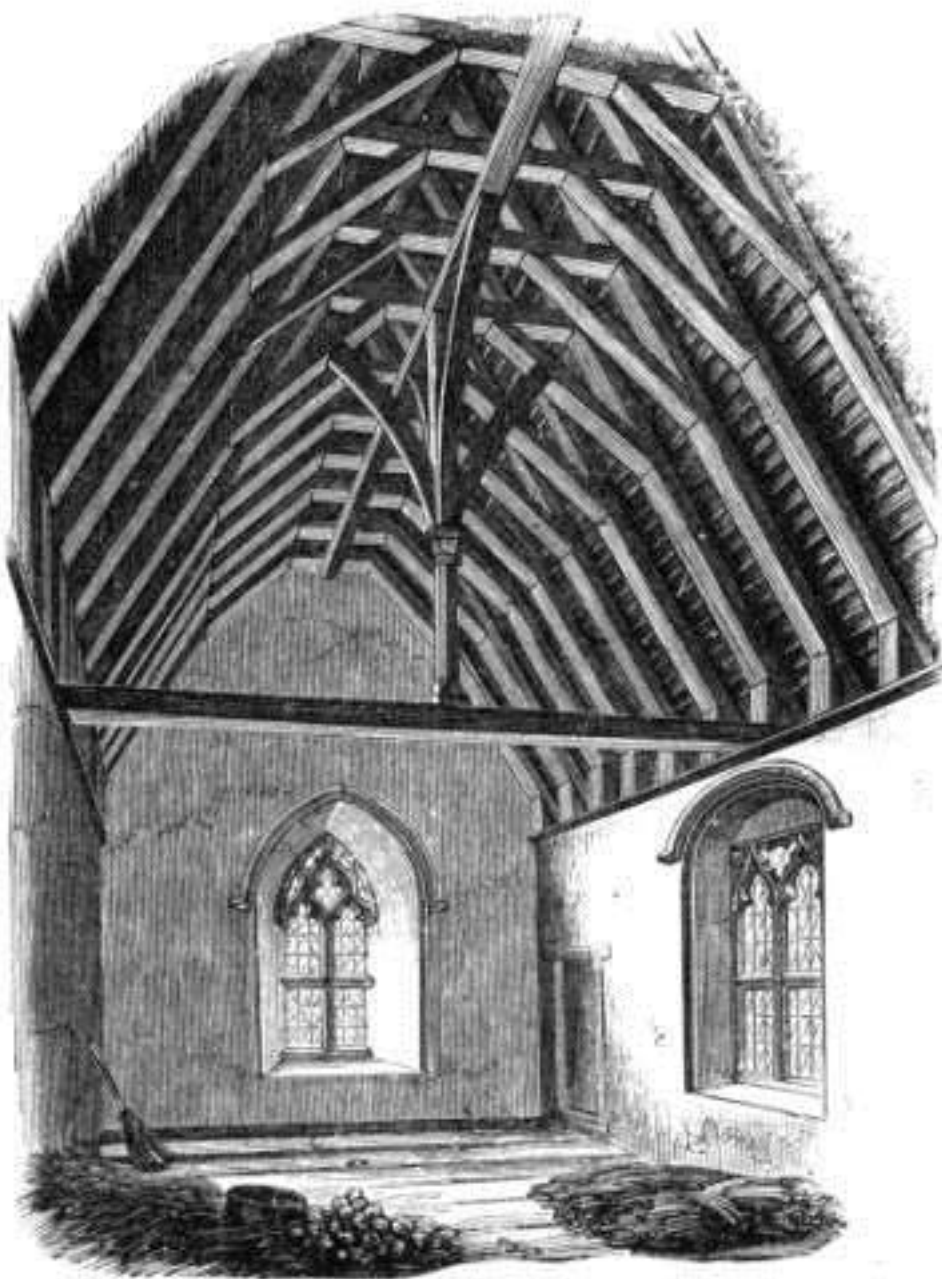
(Показан экран с галереей менестрелей над ним и мангал для огня в центре; построен около 1340 года).

Если вы посещаете больницу и попадаете в палату, вы видите ряд чистых белых кроватей, расставленных в порядке по обе стороны длинной комнаты: температура регулируется: вентиляция идеальна: есть средства, с помощью которых пациента можно осмотреть наедине: болезни распределены по отдельным палатам: все управляется с величайшей чистотой и порядком: если проводится операция, пациента держат под хлороформом, и он

ничего не чувствует. Врачи - люди с высочайшей научной репутацией: медсестры - квалифицированные ассистенты: питание - самое лучшее, что только можно достать. С самым бедным человеком, попавшим в больницу, обращаются с той же заботой, с той же наукой, с той же роскошью, что и с самым богатым.

Посмотрите, однако, на больницу, основанную Рэре.

Здесь есть большой зал с часовней в одном конце: в ней ежедневно поют мессу. Зал узкий и высокий, освещенный нормандскими окнами, по два или три на сторону: в крыше есть ланторн: под ланторном каждый день горит огонь, дым поднимается на крышу: зал темный и плохо вентилируемый, воздух дурной и тяжелый от дыхания шестидесяти или семидесяти больных, лежащих на кроватях, расставленных рядами вдоль стены. Здесь нет отдельных кроватей для каждого больного, но по мере поступления больных их укладывают вместе, бок о бок, на одну кровать, независимо от болезни, так что страдающий от лихорадки оказывается рядом с тем, кто страдает от паралича. В одной постели бывает четыре человека, а в периоды напряженности даже больше. Иногда прибывает один, который заболевает чумой, тогда все пациенты в больнице заражаются и умирают все вместе. Хирурги особенно искусны в перевязке ран, полученных в бою или в драке: сестры могут перевязать сломанную конечность и остановить кровоточащую рану. Братья ходят по койкам, совершая последние церковные обряды над умирающими. Еда скудная, приборы грубые, надежды на выздоровление мало, но умереть в больнице, где тебя приютят и утешат, а не в хижине, где прошла жизнь, - это то, за что можно быть благодарным.

ВЕРХНЯЯ ПАЛАТА

ИЛИ СОЛЯР В УСАДЬБЕ САТТОН-КОРТЕНЕЙ.
(Датируется примерно 1350 годом.)

Подумайте, в какой великий, какой благородный фонд превратилась маленькая больница в Рахере. Современная больница вмещает 676 коек: ежегодно она принимает около 150 000 пациентов, из которых 7 000 - стационарные, 18 000 - выездные и 130 000 - случайные. Восемь братьев стали 30 врачами и хирургами, помимо ассистентов, называемых клиническими клерками и гардеробщиками. Четыре сестры - это уже 159 сестер и медсестер. Здесь есть благородная школа медицины: музеи, библиотеки, лекционные залы, а также колледж-интернат для студентов-медиков: в стране есть больница для выздоравливающих. Ни одна больница в мире не имеет более значительного и благородного послужного списка, чем эта больница Святого Варфоломея. И все это произошло благодаря решению одного человека, который основал скромный дом для приема больных в бедном и презируемом месте за городской стеной, но недалеко от Шамблз, где можно было выпросить ломоть хлеба и куски мяса, которые мясники не могли продать. Так из одного доброго

поступка, казалось бы, незначительного, вырос нескончаемый поток освежения и исцеления. Он длится уже 700 лет: кажется, нет причин, чтобы он когда-нибудь прекратился.

21. УЖАС ПРОКАЗЫ.

В одной миле от городских стен, на западе, четыреста лет стоял госпиталь Святого Джайлса в полях.

Здесь находился Дом Лазаря, то есть больница для прокаженных. Его основала Мод, королева Генриха I. Он был посвящен святому Джайлсу, поскольку этот святой считался защитником калек. Отсюда и название Cripplegate, , которое на самом деле означает "Маленькие ворота", было применено к церкви Святого Джайлса и, предположительно, означало ворота возле церкви, посвященной покровителю калек. Обычным результатом проказы было то, что страдалец становился хромым и калек. Отсюда и такая связь. Однако Лазарь, которого Господь воскресил из мертвых, считался святым прокаженных, поэтому больница для прокаженных всегда называлась Лазаревым домом.

В средние века таинственная болезнь, называемая проказой, была вечным ужасом. Другие болезни появлялись через определенные промежутки времени и исчезали. А проказа оставалась. Она никогда не покидала землю. Она поражала короля на его троне, епископа в его соборе, аббатису в ее женском монастыре, солдата в лагере, купца в его расчетном доме, моряка в море. Ни одно сословие не могло избежать этого. От нее умер Роберт Брюс; от нее умер Оливальле, епископ Лондона; от нее умер Болдуин, король Иерусалима. По сей день она распространена в Индии, на мысе, на островах Тихого океана, а в наших больницах время от времени находят случаи заболевания. Болезнь была неизлечимой: мужчина, женщина или ребенок, пораженные ею, непременно и медленно умирали от нее. Прокаженный был нечист: его изгоняли из города: он должен был жить отдельно или собираться в больницах с другими такими же несчастными: если он шел по улице, то надевал серую одежду для отличия и нес хлопушку, крича "Нечистый, нечистый", чтобы люди сторонились и не прикасались к его одежде. А поскольку он не мог работать руками, ему разрешалось нести на рынок "хлопушку", то есть миску или тазик, в котором он принимал еду и милостыню".^[2]

^[2] Lacroix, *Science*, p. 146.

Предполагается, что проказа зародилась в Египте: законы, изложенные в Книге Левит для отделения прокаженных, строги и точны: считалось, отчасти, несомненно, из-за этих законов в Книге еврейского закона, что болезнь была занесена в Западную Европу крестоносцами; но это было ошибочно, потому что она была в этой стране до крестоносцев. Так, дворец Святого Иакова стоит на месте лазарного дома, основанного еще до Завоевания для четырнадцати прокаженных девиц.

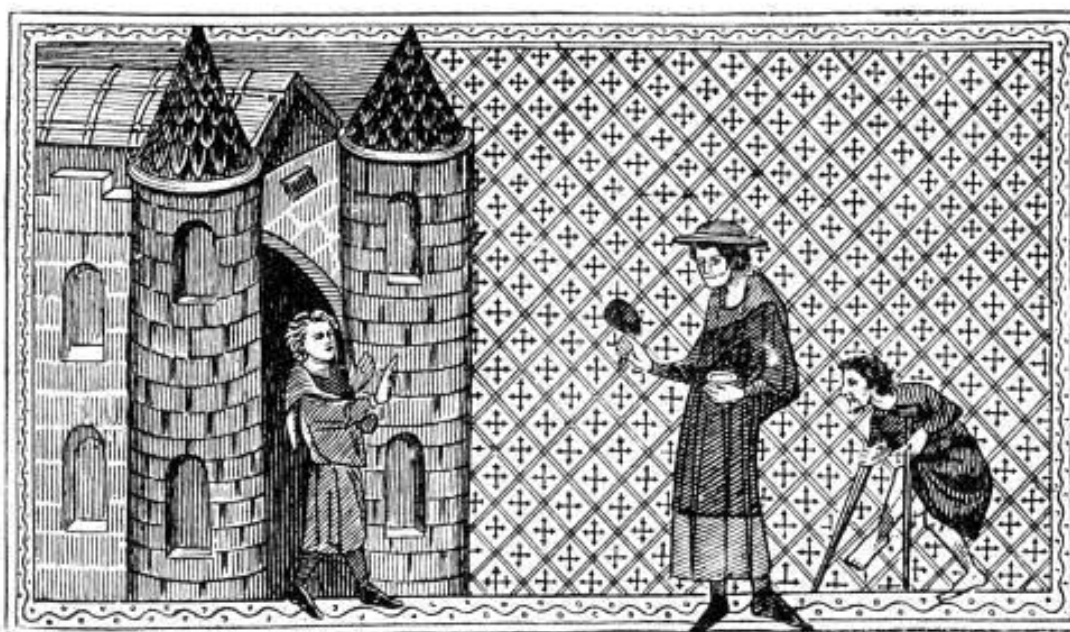
Здесь не место описывать симптомы и результаты этой ужасной болезни. Достаточно сказать, что кожа утолщается, обесцвечивается и покрывается язвами, конечности опухают, пальцы рук и ног отпадают, голос понижается до шепота, а разум страдальца ослабевает из-за недуга.

Это страшное бедствие было настолько распространено, что ни в одной стране Европы не было ни одного города, ни одной деревни, в которых в те века не было бы прокаженных и лазарных домов, больших или малых. Делалось все возможное, чтобы изолировать их: им не разрешалось поклоняться вместе с остальными людьми: для них отводилось отдельное

здание или часовня, где через отверстие в стене они могли наблюдать за совершением мессы. Кроме того, как вы уже видели, они жили отдельно и питались отдельно.

Что касается их домов - лазарских домов, - то главным из них, местом, где аббат обладал своего рода властью над остальными, был один, построенный в деревне под Мелтон-Моубрей под названием Бертон Лазарс. Госпиталь Святого Джайлса, например, вскоре после своего основания стал "кельей", или зависимым учреждением, этого дома.

Какова бы ни была причина этого недуга, будь он заразным, то есть передающимся через прикосновение, или инфекционным, то есть передающимся через дыхание одним и тем же воздухом, или наследственным, совершенно точно, что он значительно усугублялся привычками того времени. Плохая пища, нечистоплотные привычки, дурной воздух - все это способствовало распространению проказы. Особенно считается, что длительные посты, во время которых запрещалось есть мясо, способствовали развитию болезни: не потому, что воздержание от мяса само по себе плохо, а потому, что людям приходилось есть рыбу, которая была плохо проявлена или хранилась слишком долго и была нездоровой. Пресноводную рыбу нельзя было достать в достаточном количестве, а доставлять рыбу из моря на расстояние, превышающее определенное расстояние вглубь страны, было невозможно.

ПРОКАЖЕННЫЕ ПРОСЯТ МИЛОСТЫНЮ.

Страшный вид прокаженных, их ужасные страдания вызывали скорее отвращение, чем жалость. Люди приходили в ужас при виде их: они изгоняли их с глаз долой: они жестоко наказывали их, если те нарушали правила отлучения: они заключали в тюрьму любого горожанина, который укрывал прокаженного: они держали приставов у городских ворот, чтобы те не входили. Четырнадцать из этих больных должны были содержаться в соответствии с фондом королевы Мод в больнице Святого Джайлса: также был лазарет на Олд Кент Роуд, Саутварк: один между Майл Энд и Боу: один в Кингсленде между Шордичем и Сток Ньюингтоном: один в Найтсбридже, к западу от Чаринг Кросс, и один в Холлоуэе.

После роспуска монастырей все эти лазарские дома были ликвидированы. Теперь, поскольку мы больше не слышим о прокаженных, не строятся новые лазарные дома, не возобновляются запреты на посещение церквей, городов и т. д., можно с уверенностью

сказать, что к середине XVI века проказа практически исчезла. Однако все вышесказанное показывает, насколько великим и страшным явлением она была в период с IX по XVI века.

22. УЖАС ГОЛОДА.

Предположим, что все океанские перевозки прекратились; что между нашей страной и другой не было никакого сообщения или обмена товарами; предположим, что жители этого острова полностью зависели от своих собственных урожаев и своего скота для своего обеспечения. Тогда вы легко поймете, как один плохой год может привести к нехватке продовольствия, а очень плохой год - к голоду. Таково было наше положение вплоть до пятнадцатого века. Некоторое количество кукурузы могло быть привезено из Пруссии или Гамбурга, но регулярных поставок не было; страна зависела от собственных урожаев. Поэтому люди постоянно боялись голода или нехватки продовольствия.

О многих из этих голодов сохранились сведения. В 990 году по всей Англии свирепствовал голод; в 1126 году была страшная нехватка продовольствия. Пшеница продавалась по 6 фунтов за 600 лошадей. В двенадцатом веке шиллинг по покупательной способности означал больше, чем фунт наших денег. Не указано, сколько составлял груз лошадей. Вероятно, это означало наполнение двух корзин, висевших по обе стороны вьючной лошади. В 1257 году, после дождливого сезона и неурожая, пшеница подорожала до 24 с. за четверть - цена, которая запрещала всем, кроме самых богатых, есть пшеничный хлеб. Говорят, что 20 000 человек погибли от голода. В 1316 году, по той же причине, пшеница стала настолько дефицитной, что ее цена поднялась до 4 *фунтов* за четверть. В этом году бедствие было столь велико, что знатные вельможи вынуждены были уволить своих слуг; дороги в стране были переполнены разбойниками. На улицах открыто совершались грабежи ради пропитания: в тюрьмах несчастные преступники, оставленные голодать, убивали и пожирали друг друга. Люди ели падаль и дохлых собак. В 1335 году снова наступило время скудости и страданий; в 1439 году бедствие было столь велико, что люди делали хлеб из корней папоротника и ягод плюща. Тогда мы впервые читаем о том, что голод был утолен прибытием ржи из Пруссии. В 1527 году угрожающий голод был предотвращен ганзейскими купцами, которые отдали или продали городу сто четвертей пшеницы и отправили три корабля в Данциг за добавкой. В 1593 и 1597 годах пшеница подорожала до огромных размеров. Последний раз нехватка пшеницы наблюдалась во время долгой войны с Францией, которая длилась с 1792 по 1815 год, почти четверть века. Тогда мы были вынуждены почти полностью зависеть от собственных урожаев. Пшеница подорожала до 103 с. за четверть.

В то время бедные слои населения не сильно зависели от пшеницы. Хлеб рабочих людей был из ржи и овса. Но плохие урожаи влияли на рожь и овес не меньше, чем на пшеницу.

Голодные цены на пшеницу можно объяснить следующими фактами. Во времена правления Генриха I по обычным ценам хлеб, достаточный для одного обеда на 100 человек, можно было купить за шиллинг, а целая овца стоила четыре пенса. В следующем веке, когда пшеница стоила 6 с. за четверть, буханка фартинга весила 24 унции цельной муки и 16 унций белой. Когда пшеница стоила 1s. 6 д. за четверть, буханка фартинга должна была весить 96 унций цельного зерна и 64 унции белого. Сейчас буханка четвертака весом 4 фунта или 64 унции стоит 5 д., пшеница очень дешевая. Таким образом, цены во времена изобилия были предположительно одинаковыми, а деньги в том веке стоили в двадцать раз больше, чем сейчас. В правление Эдуарда I пшеница подешевела до 1s. за четверть.

В обычные времена пища ремесленников в Лондоне была обильной и дешевой. Сити, как мы уже видели, всегда отличался большим изобилием провизии, которую туда привозили. И есть все основания полагать, что в то время как деревенские жители жили плохо и недоедали, ремесленники в городах всегда наслаждались хорошей пищей и в достаточном количестве. Поэтому для тех, кто привык жить в достатке, время скудости было трудно перенести.

Один или два раза предпринималась попытка оборудовать в городе амбары на случай голода. Так, основой Лиденхолла, большого городского рынка, стало возведение здесь общественного зернохранилища сэром Саймоном Эйром в 1419 году. К нему, по обычаю того времени, была пристроена часовня, посвященная Святой Троице, которую основатель выделил для 60 священников, которые должны были ежедневно готовить службу для тех, кто посещал рынок.

Еще одно общественное зернохранилище было основано в 1610 году во дворце Брайдвелл. Оно было построено с расчетом на 6 000 четвертей пшеницы.

Больше об этих общественных зернохранилищах ничего не слышно. Вероятно, общественное мнение стало более уверенным в голода, поскольку стало лучше понимать, что потери одной страны могут быть восполнены за счет излишних урожаев другой. Урок, преподанный ганзейскими купцами, отправившимися в Пруссию за кукурузой, вряд ли был упущен.

В настоящее время, когда транспортные средства всегда наготове, а электрические провода соединяют самые отдаленные страны, может показаться, что голода больше не стоит опасаться. Во всем мире не может быть плохих урожаев. Мы не только можем каждый год импортировать столько пшеницы, что в нашей стране ее почти не выращивают, но и в огромных количествах ввозим замороженное мясо: мы привозим фрукты всех видов из самых отдаленных стран, так что есть некоторые фрукты, такие как яблоки, апельсины, виноград, бананы, которыми мы можем наслаждаться круглый год. Но голод еще может сыграть огромную и катастрофическую роль в нашей истории. Не следует забывать, что нынешнее изобилие всего на свете зависит от одного из двух условий: во-первых, от того, достаточно ли мы сильны, чтобы защитить водный путь и держать его открытым, или, во-вторых, от того, сохраняем ли мы мир. Последнее мы не можем надеяться делать всегда. Поэтому крайне важно, чтобы у нас был сильный флот, хорошо оснащенный, готовый к бою, в любое время и в кратчайшие сроки, превосходящий любую возможную комбинацию, которая может быть выдвинута против нас. Поэтому, повторяюсь, каждый человек на этих островах должен ревностно относиться к флоту, ибо может наступить время, когда путь через океан будет закрыт и когда Великобритания, по недосмотру ее правителей, будет вынуждена голодать и сдаться в позорную и разорительную капитуляцию.

23. СОБОР СВЯТОГО ПАВЛА. СОБОР ПАВЛА.

ЧАСТЬ I.

Когда Лондон был обращен в христианство, в 610 году, первый епископ Лондона Меллит построил церковь на самом высоком месте в стенах Сити. Эту церковь он посвятил святому апостолу Павлу, который первым проповедовал язычникам. Что это была за церковь - большая или маленькая, деревянная или каменная, как часто ее перестраивали или

ремонтировали - мы не знаем. Вероятно, сначала это была совсем небольшая церковь. Эта церковь или ее преемница была снесена в 1087 году, когда епископ Морис начал строить новый, гораздо более величественный собор. Пятьдесят лет спустя большая часть церкви, еще не достроенной, была сожжена. Ее строительство, затянувшееся таким образом, продолжалось еще почти два столетия. Шпиль, например, был достроен только через сто пятьдесят лет после начала строительства. На рисунке изображена церковь в том виде, в каком она была в XIV и XV веках. Старый собор Святого Павла был одной из самых больших церквей в Европе: его длина составляла не менее 600 футов, а шпиль достигал высоты 460 футов. Церковь стояла в большом обнесенном стеной комплексе, который до сих пор частично открыт, хотя стена давно разрушена, а северная сторона застроена.

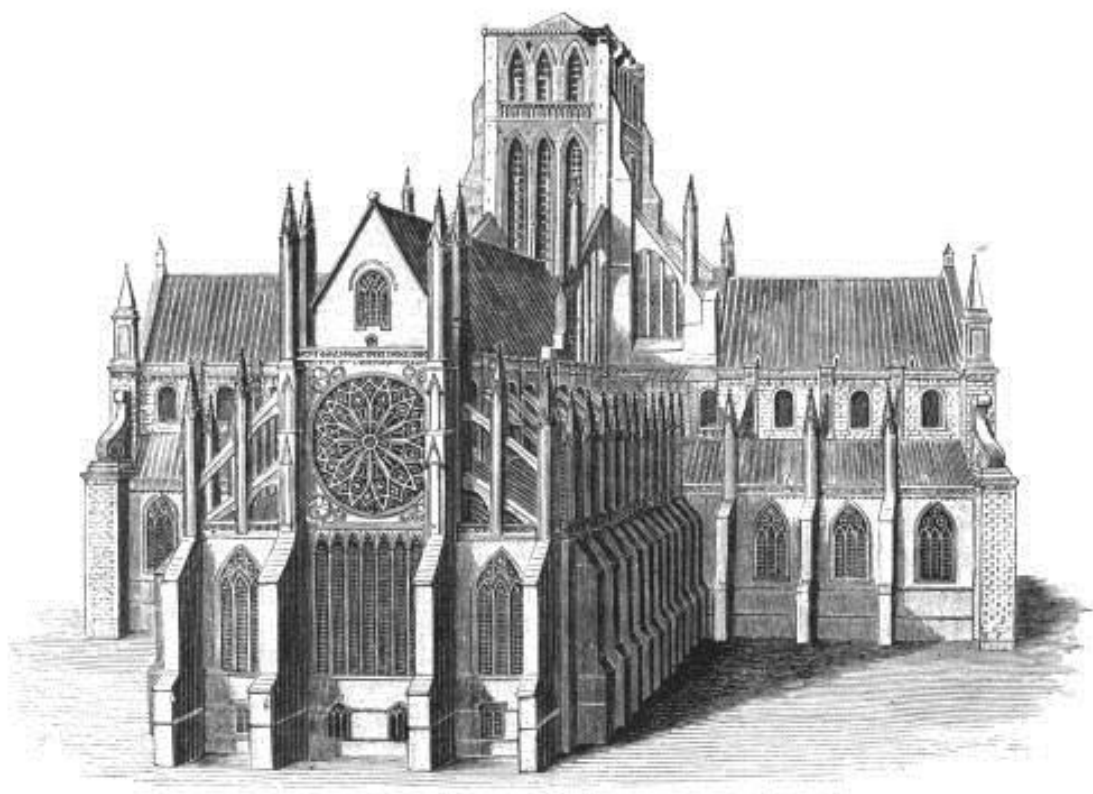

ЛОНДОН ДО ТОГО, КАК ШПИЛЬ ST. ПАВЛА БЫЛ СОЖЖЕН: С ИЗОБРАЖЕНИЕМ МОСТА, БАШНИ, СУДОХОДСТВА И Т. Д.

Церковь в XIV веке рассматривалась не только как место для публичных богослужений. Мессы и всевозможные службы шли круглые сутки: здесь было светло не только от солнечного света, проникающего сквозь расписные стекла, но и от восковых светильников, горевших перед многими святынями - в некоторых случаях весь день и всю ночь. Люди приходили в церковь, чтобы погулять, отдохнуть, поговорить, заняться делами - сделать или получить плату: нанять слуг. Средний неф церкви, где все это происходило, назывался "Прогулка Павла" или "Прогулка герцога Хамфри". Здесь стояли столы, за которыми сидели двенадцать лицензированных писцов, писавших письма для тех, кто нуждался в их услугах. Они также составляли договор аренды, акт, передачу - любой юридический документ. Церковь была заполнена гробницами и памятниками, некоторые из них были очень древними, а некоторые представляли огромный интерес. Один из них назывался гробницей герцога Хамфри - герцога Глостера, который на самом деле был похоронен в церкви Святого Албана. В майский день водоносы приходили к собору Святого Павла, чтобы окропить водой и посыпать травами эту гробницу - не знаю почему. Считалось, что те, кто остался без работы и остался без ужина, обедают у герцога Хамфри, и существовала поговорка: "Мусор и трубаки - вот путь к герцогу Хамфри". *Trumpery* употребляется в своем первоначальном *значении* - *трюмперирование-обман*. Среди прочих гробниц были и гробницы саксонских королей Себби и Этельреда. Первый из них был королем восточных саксов. Он был обращен

в христианство епископом Эркенвальдом. Второй был старшим братом короля Альфреда. Здесь же находились гробницы или святыни многих святых, ныне забытых: святого Эркенвальда, чья слава соперничала со славой Эдуарда Исповедника в Вестминстере, святого Катберта в Дареме и святого Фомы Бекета в Кентербери; святого Этельберта; святого Роджера, епископа Лондонского - плащ, который носил святой Роджер, до сих пор хранится в ризнице; святого Уилфорда. У каждой из этих святынь происходили чудеса - или считалось, что происходят. Здесь же находилось чудотворное распятие, которое, как говорят, было найдено Люцием, первым христианским королем древней Британии в 140 году. Этому распятию постоянно делались большие подношения.

Под собором, в крипте, находилась приходская церковь - церковь Святой Веры. Сейчас она объединена с приходской церковью Святого Августина на Уотлинг-стрит.

СТАРЫЙ

СОБОР СВ. PAUL'S, С ВОСТОКА.

(Показывает его состояние перед Великим пожаром; с гравюры Холлара).

За пределами церкви, почти у южной стены, находилась приходская церковь святого Григория. Точно так же приходская церковь Святой Маргариты стоит за пределами Вестминстерского аббатства. Внутри мы можем представить себе людей, которые ходят - они еще не начали стоять в церкви с обнаженной головой - кто-то диктует писцам: кто-то прислоняется к гробницам: кто-то сидит на основаниях больших круглых колонн - в соборе не было скамей, лавок или стульев: священники-кантри читают мессы в часовнях: люди стоят на коленях перед золотой святыней св. Эркенвальда, сверкающего огнями, драгоценностями, золотом и серебром: женщины возлагают свои подношения к чудотворному распятию, молясь о восстановлении здоровья сына или мужа: в одной часовне празднуется свадьба, в другой - заупокойная месса: слуги собираются у определенного столба, ожидая, когда их наймут: носильщики с корзинами на головах входят в северную дверь и топчутся, выходя из южной: процессии священников и хора проходят вверх и вниз по нефам: орган звучит и перекликается вдоль длинной и возвышенной крыши. Смотрите, вот

идет отряд мужчин. Они несут музыкальные инструменты: они одеты в ливреи, в зеленые плащи: они маршируют вместе, входя в западные двери и топая через всю длину церкви к часовне Богоматери на востоке. Это и есть гильдия менестрелей. При соборе существовало множество других гильдий. О значении этих гильдий вы узнаете позже.

24. СВ. ПАВЛОВСКИЙ СОБОР.

ЧАСТЬ II.

Таким был собор Павла в пятнадцатом веке. В шестнадцатом пришла Реформация. Свечи были потушены, святыни уничтожены, алтари вынесены из капелл, чудотворные образы убраны: церковь, по сравнению с ее прежним состоянием, превратилась в раковину. Хор был отгорожен стеной для публичных богослужений: остальная часть церкви стала местом общественного отдыха: поэты того времени полны аллюзий на "Прогулку Павла". Это был обычный проход даже для людей, ведущих вьючных лошадей и ослов. Собор, оставленный без присмотра, начал приходить в разрушительное состояние. Была предпринята попытка реставрации: средства собирались, но поступали медленно. Лауд, ставший епископом Лондона в 1631 году, придавал импульс работам: архитектором был назначен знаменитый Иниго Джонс: чтобы предотвратить превращение церкви в биржу, он построил западное крыльцо, которое изображено на некоторых картинах собора Святого Павла. Во времена Содружества этот портик был сдан под магазины и лавки: неф церкви фактически стал кавалерийской казармой.

СТАРАЯ

ЦЕРКОВЬ СВ. PAUL'S ON FIRE.

(Из книги Лонгмана "История трех соборов Святого Павла").

После возвращения короля Карла было решено отремонтировать и восстановить собор, который к тому времени почти разрушился: но пока горожане раздумывали, что делать, Великий лондонский пожар решил этот вопрос, спалив все, что осталось.

Тогда Кристофер Рен приступил к нынешнему строительству. Первый камень был заложен 21 июня 1675 года, через девять лет после пожара. Богослужение было проведено 2 декабря 1697 года, в день благодарения за Райсвикский мир. Работа была завершена в 1710 году, через тридцать пять лет после ее начала. Нынешняя церковь на 100 футов короче своей предшественницы: ее купол также на 100 футов ниже прежнего шпиля. Грандиозность здания невозможно оценить с близкого расстояния, поскольку со всех сторон его загораживают дома, а прежний вид с нижней части Ладгейтского холма теперь испорчен железнодорожным мостом. Тем, кто хочет увидеть, что такое собор Святого Павла на самом деле - насколько это великолепная церковь, как величественно она возвышается над всем Сити, - нужно пересечь реку и посмотреть на него со стороны Бэнксайда, Саутварк.

Купол трехчастный: он состоит из внешнего корпуса из дерева, покрытого свинцом: конуса из кирпича, который поддерживает фонарь и крест, и внутреннего купола из кирпича, который ни на что не опирается. Высота башен в западной части составляет 222 фута.

Собор Святого Павла, особенно после того, как в Вестминстерском аббатстве стало тесно, становится Национальной погребальной церковью. Он уже хорошо заполнен памятниками британским достойным людям и героям этого и прошлого века. Из выдающихся деятелей литературы, искусства и науки здесь похоронены доктор Джонсон, историк Халлам, художник Джошуа Рейнольдс, живописец Тернер, инженер Ренни, построивший мост Ватерлоо, великий востоковед сэр Уильям Джонс и великий хирург сэр Эстли Купер. Здесь же, как и положено, похоронен сам сэр Кристофер Рен. Но те, кто посещает собор, больше всего хотят увидеть гробницы Веллингтона и Нельсона. Останки первого покоятся в огромном саркофаге, выточенном из цельного куска корнуэльского порфира. Останки адмирала сначала поместили в гроб, сделанный из грот-мачты французского корабля "*Ориент*", захваченного в битве при Ниле. Его положили в саркофаг, изготовленный кардиналом Уолси и предназначенный для погребения короля Генриха Восьмого. В соборе вы также найдете памятники этим великолепным бойцам, лорду Коллингвуду, другу Нельсона: Хау и Родни: графу Сент-Винсенту, выигравшему битву у мыса Сент-Винсент: лорда Дункана из Кампердауна и многих других.

ЗАПАДНЫЙ ФАСАД

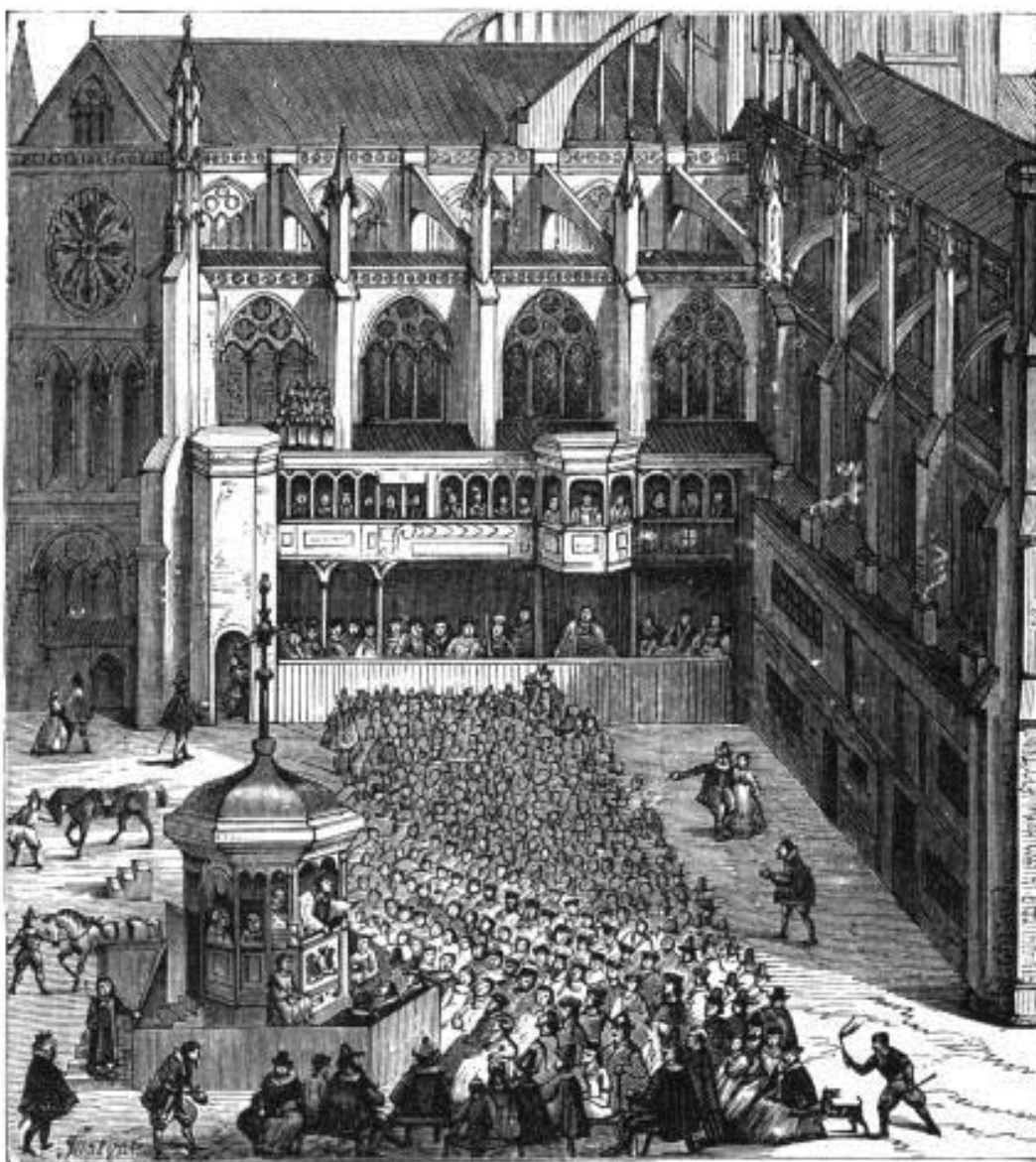
СОБОРА СВ. PAUL'S CATHEDRAL CHURCH.
(Построена сэром Кристофером Реном).

В склепе вы найдете латунную табличку, которая отмечает место, где покоятся останки человека, чья история должна стать вдохновением для каждого мальчика, читающего эту книгу. Его звали Эдвард Палмер. Родившись без влияния семьи, получив простое образование в грамматической школе своего города, он, несмотря на все трудности - особенно из-за плохого здоровья, - самостоятельно изучал арабский, персидский и все языки, относящиеся к этой группе: в возрасте двадцати четырех лет он был настолько великолепным востоковедом, что величайший востоковед Кембриджа заявил, что не может его ничему научить. Он был избран стипендиатом колледжа Святого Иоанна и стал профессором арабского языка при лорде-альмонере. В дополнение к своим восточным исследованиям он овладел всеми европейскими языками, кроме русского и славянской группы. Он исследовал пустыню Исхода и Синайский полуостров. Он много занимался литературной деятельностью. Но не за эти исследования он был похоронен в соборе Святого

Павла. В 1882 году, когда началась египетская война, его отправили с секретной миссией к племенам пустыни. Он знал их всех: он мог говорить на их языке так же хорошо, как на своем собственном: он был равен любому в знании арабской поэзии и умении рассказывать истории: они приняли его с распростертыми объятиями: услуга, которую он оказал своей стране и за которую был удостоен отпевания в соборе Святого Павла, заключалась в том, что он помешал этим племенам разрушить Суэцкий канал. Ему удалось благополучно добраться до британского лагеря в Суэце, его задача была выполнена, безопасность канала обеспечена. В ответ он был убит группой египетских арабов, посланных из Каира. Его кости были найдены сэром Чарльзом Уорреном, который впоследствии разыскал и повесил всех, кто был причастен к убийству. Дорога к возможному величию открыта для всех, но путь лежит через трудный и тернистый путь, который можно пройти, как обнаружил Палмер, только с помощью непобедимой решимости и долгого терпеливого труда.

25. ЦЕРКОВНЫЙ ДВОР ПАВЛА.

Собор Святого Павла стоял в центре овального участка, очень похожего на нынешний церковный двор Святого Павла, за исключением того, что дома, расположенные сейчас на севере, являются вторжением. Это открытое пространство было окружено стеной, в которой находилось шесть ворот, украшенных резьбой. Первые - Большие западные ворота, выходящие на Ладгейтский холм: вторые - на аллее Павла в Патерностер-роу: третьи - на Канонической аллее: четвертые, или Малые ворота, где сейчас находится вход в Чипсайд: пятые - ворота Святого Августина на Уотлинг-стрит: шестые - на Цепи Павла.

КРЕСТ ПОЛА.

Обойдя это ограждение, мы сначала наткнемся на епископский дворец, стоящий с северной стороны нефа. Дворец был снабжен отдельным входом в собор. За дворцом находился очень красивый клуатр, называемый Пардон Черч Хог. В этом монастыре стояла часовня, построенная Гилбертом, отцом Томаса Бекета. Многие памятники и гробницы великих людей стояли в этом монастыре, который также был примечателен своими "Плясками смерти". Это была серия картин, изображающих Смерть в виде скелета, вооруженного дротиком, ведущего за руку мужчин и женщин всех степеней, от самых высоких до самых низких. Раньше существовало множество примеров таких танцев. Рядом с монастырем находилась библиотека, каталог которой до сих пор сохранился, чтобы показать, что означало собрание книг ученого в то время. Рядом с библиотекой располагался Колледж каноников: далее шла часовня Чарнел, под которой находился склеп, заполненный человеческими костями, взятыми с церковного двора. Помните, что это место было местом захоронения с 610 года, когда здесь впервые была построена церковь. С 610 года до 1840 года, то есть в течение 1200 лет, в этом месте постоянно появлялись новые могилы. Кто может предположить, сколько тысяч людей покоятся здесь? Каждая горсть пыли - это горсть человеческих останков. Однако время от времени кости собирали и помещали в этот склеп часовни Чарнел. Сама часовня, очевидно, была большим зданием, поскольку,

когда ее снесли, материалы были использованы герцогом Сомерсетом во времена Реформации при строительстве Сомерсет-хауса на Стрэнде. До сих пор сохранились некоторые части первоначального дома, так что камни часовни Чарнел все еще можно увидеть. Что касается склепа, то кости, которых набралось тысяча телег, вывезли и разложили по Финсбери-Филдс, присыпав землей, на которой возвели три ветряные мельницы. Это место отмечено улицей под названием Виндмилл-стрит.

Рядом с Часовней Чарнел стоял знаменитый Крест Павла.

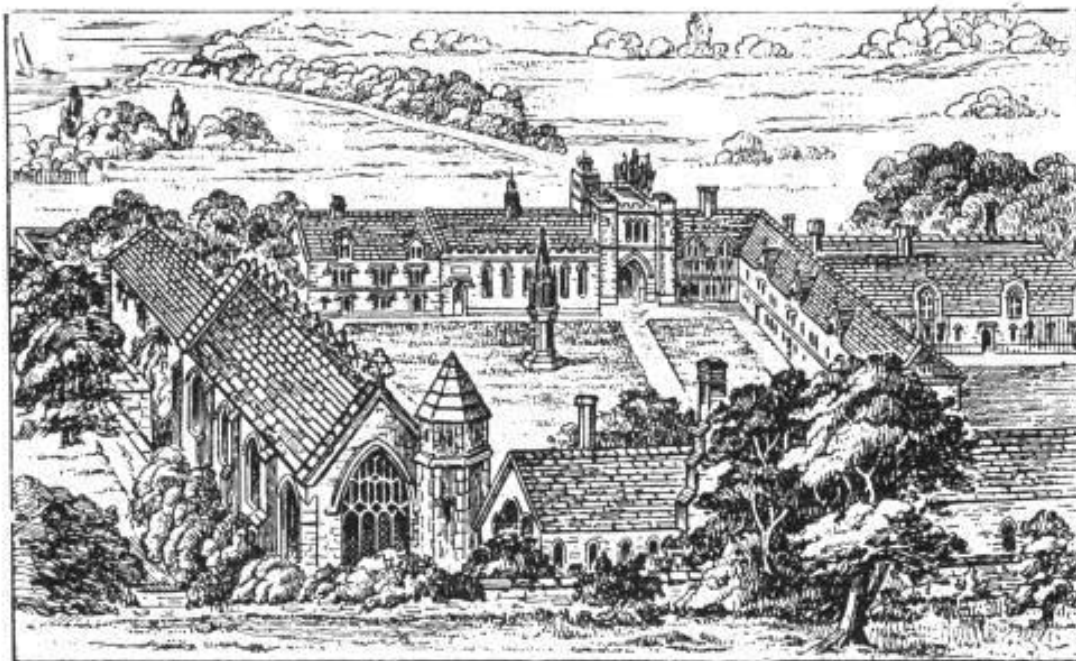
Это знаменитое место было крестом-пультом, с которого можно было читать проповеди под открытым небом. Несколько лондонских церквей имели свои кафедры под открытым небом: например, собор Святого Михаила на Корнхилле; собор Святой Марии без Бишопсгейта - на этом кресте каждую Пасху читалась проповедь лорд-мэру и олдерменам. Когда был воздвигнут Крест Павла, неизвестно: вероятно, он стоял на месте какого-то эшафота или ступеней, с которых в старину толкали народ, ведь именно здесь проходили народные молебны, или собрания народа. Здесь читались вслух и провозглашались законы и приказы короля, здесь народ узнавал о войне и мире, здесь читались папские буллы. В 1256 году здесь стоял крест - весьма вероятно, что он был уже древним. В 1387 году он пришел в негодность, и пришлось ремонтировать. В 1480 году его снова отремонтировали или перестроили. Крест Павла сыграл очень важную роль в Реформации. Здесь был выставлен и разбит на куски "Руд" из Бексли, представлявший собой распятие, на котором двигались глаза и губы, а людей учили, что это чудотворно: сюда принесли знаменитые образы Уолсингема и Ипсвича, объект стольких паломничеств, чтобы разбить их на глазах у народа. Здесь проповедовал Латимер, человек из народа, который мог говорить с ним так, чтобы он понял. Если бы не проповеди Латимера и подобных ему людей, произносимые простым языком, Реформация была бы попыткой, и, вероятно, неудачной, навязать людям мнение некоторых ученых. Крест Павла не погиб во время пожара: он был снят в 1643 году или около того, чтобы быть восстановленным; но это не было сделано, и когда пожар уничтожил собор, крест Павла был забыт. Его место можно увидеть на церковном дворе в северо-восточном углу хора, отмеченное плоским камнем, но следует помнить, что старая церковь была шире, но находилась дальше к югу.

На южной стороне церковного двора Павла мы последовательно проходим мимо красивого дома капитула, церкви святого Григория и деканата. Рядом с западными воротами находятся резиденции каноников, а к югу от ограды - соборная пивоварня и пекарня.

Вот некоторые из зданий в церковном дворе Павла. Соборное хозяйство содержало огромную армию священников и людей. Для многих из них, а может быть, и для большинства, были свои резиденции либо в пределах ограды, либо рядом с ней. Так, священники, включая епископа, декана, архидиаконов и каноников, насчитывали сто тридцать человек: затем были низшие служащие: все те же важные и авторитетные лица, такие как сакрист, алмонер, переплетчик, главный пивовар, главный пекарь, со всеми их слугами: писцами, посыльными, переплетчиками, иллюминаторами и переписчиками: певчими и хористами, а также женщинами для поддержания чистоты в церкви. Если добавить, что пивовар должен был поставлять 200 галлонов пива в день, то становится очевидным, что в ограде, называемой церковным двором, должно было жить множество людей, принадлежащих к собору.

26. РЕЛИГИОЗНЫЕ ДОМА.

Если мы возьмем карту Лондона XIV века и нанесем на нее все монастыри и религиозные дома, которые тогда существовали, то обнаружим двадцать, все богатые и великолепные, не считая Вестминстера и деревень в нескольких милях от Лондонского камня. По большей части они были построены либо внутри, либо за городской стеной. Причина в том, что вблизи стены Сити был менее густонаселенным, чем ниже, вдоль берега реки. Каждое из этих обществ владело поместьями в деревне и улицами и домами в Сити. Кроме монахов, монахов и монахинь, каждое из них содержало целую армию офицеров и слуг. Большой монастырь давал работу очень большому количеству людей. В каждом отдельном поместье, принадлежавшем монастырю, требовались фермеры-арендаторы, лесники и охотники, рабочие, управляющие и судебные приставы, викарий или церковный староста, а также все служащие, необходимые для управления поместьем. Для самого Дома требовались, во-первых, служители часовни, помимо пения, которое исполняли братья: школа: библиотека: юристы и клерки для управления имениями и охраны прав и привилегий Дома: пивоварня, пекарня, кухня, погреб, конюшня со всеми служащими и слугами, необходимыми в месте, где все делается в доме; архитекторы, землемеры, плотники и люди, необходимые для обслуживания зданий. Не слишком много, если считать, что четвертая часть населения Лондона так или иначе принадлежала к монастырям, а эти дома, несомненно, были лучшими покупателями вин, шелков и пряностей, которые привозили на набережные Квинхит и Биллингсгейт.

АББАТСТВО

БЕРМОНДСИ.

Принято считать, что монастыри, помимо помощи больным и бедным, обучения мальчиков и девочек, охотно открывали свои двери для любого бедного юноши, который желал принять обеты ордена.

РУИНЫ ВОРОТ

БЕРМОНДСЕЙСКОГО АББАТСТВА.

Все это заблуждение: с помощью беднякам приходилось решать те же проблемы, что и сейчас. Иными словами, беспорядочная благотворительность тогда, как и сейчас, превращала честных работяг в нищих. Это хорошо понимали монахи и монахини. Поэтому они были осторожны в своей благотворительности. Кроме того, во многих домах школам позволялось приходить в упадок. А что касается приема бедных мальчиков, то это делалось только в тех случаях, когда мальчик проявлял себя быстрым и способным к учебе. Слава Церкви во все века заключалась в том, что она отказывалась признавать какие бы то ни было барьеры, связанные с рождением: но она также заботилась о том, чтобы сохранить свои отличия для тех, кто их заслуживает. Большинство братьев и сестер в богатом фонде имели благородное происхождение и хорошую семью. Если бедный мальчик просился в монастырь, ему везло, если ему позволяли стать одним из его слуг и носить его ливрею. Тогда средства к существованию ему были обеспечены. Есть все основания полагать, что правила братьев, строгие для них самих, были легкими и необременительными для их слуг. Вы можете сами узнать, где находились лондонские монастыри, по названиям улиц, которые сейчас стоят на их месте. Так, следуя по линии стены от Тауэра на север и запад, вы обнаружите док Святой Катарины, где стояла больница Святой Катарины: Минорис отмечает дом минориток или сестер Святой Клэр; Грейт-Сент-Хеленс находится на месте женского монастыря Святой Елены: Спитал-сквер стоит там, где раньше принимали больных в Спитале Святой Марии: Блэкфрайерс, Чартер Хаус и Бартоломьюс сохранили свои названия: Остин Фрайерс - название двора, а церковь Фрайерс стоит до сих пор: Уайтфрайарс - название улицы: Грей Фрайерс - госпиталь Христа: Темпл - дом адвоката; часть церкви рыцарей-госпитальеров еще можно увидеть. Три великих дома, правда, не оставили после себя ни следа, ни памяти. Истминстер или цистерцианское аббатство Святой Марии Грейс, которое стояло к северу от церкви Святой Катарины и было очень большим и величественным местом: Приорат Святой Троицы, который стоял там, где сейчас находится Дюкс-плейс, к северу от церкви Святой Катарины Кри: и Святая Мария Вифлеемская, которая стояла прямо

за Бишопсгейтом. Память об аббатстве Бермондси и церкви Святой Марии Овери на южной стороне реки также ушла, но церковь последней до сих пор стоит, являясь самой красивой в Лондоне после Вестминстерского аббатства.

Госпиталь

Христа

Но помимо всех этих религиозных домов, в которых работали тысячи людей, в лондонском Сити было не менее 126 приходских церквей. Многие приходы были очень маленькими - одна улица или пол-улицы: многие церкви были незначительными: но многие были богатыми и дорогими сооружениями, украшенными и облагороженными благочестием многих поколений: все были наделены фондами для совершения месс за умерших, так что в каждом приходе было много священников. Подумайте обо всем этом, и вы поймете, что город был наполнен церковниками - священниками, монахами, служителями Церкви: на каждом углу возвышалась церковь: тому, кто стоял на другом берегу реки, город представлялся лесом шпиль и башен. Церковь тогда занимала гораздо больше места в повседневной жизни, чем сейчас даже в католических странах. Все должны были ежедневно посещать службу: торговые компании ходили в церковь в штате: молодые люди состояли в гильдиях: звон колоколов никогда не смолкал: никто не мог при желании сбежать из церкви. Да никто и не хотел бежать, потому что каждый принадлежал к Церкви. Вы должны понять не только то, что Церковь была так велика и богата, что владела и управляла очень большой частью страны, но и то, что люди все принадлежали Церкви: она была частью их жизни, такой же, как их ежедневная работа, их ежедневная пища, их ежедневный отдых.

27. МОНАХИ, МОНАХИНИ И МОНАХИ.

Мы не должны говорить о монахах без разбора, как будто они все одинаковы. Среди орденов было столько же разновидностей, сколько сект среди протестантов, и столько же

соперничества и даже ненависти одних к другим. Давайте узнаем некоторые различия между ними.

Монахи впервые появились в Западной Европе в 529 году. Братства, отшельники и одиночки уже давно существовали на Востоке, где они появились еще до христианской эры. В том же году святой Бенедикт основал в Монте-Казино в Кампании монастырь для двенадцати братьев. Бенедиктинцы - самый древний орден: они также всегда были самыми учеными. Приорат Святой Троицы в Лондоне был бенедиктинским. Из этого ордена вышло несколько ветвей, основанных в основном с целью соблюдения большей аскезы. Среди них были картузианцы, очень строгий орден, в Лондоне у них был Дом Хартии, название, которое представляет собой разложение Шартреза, их первоначального Дома: и цистерцианцы, основанные в Сито во Франции - у них был Истминстер, или аббатство Святой Марии Благодатной. Все они были монахами.

Августинцы, или остинские монахи, претендовали на то, что были основаны Августином, но были учреждены только в 1256 году. У них был монастырь Остинских монахов в Лондоне. Существовало несколько ветвей этого ордена.

Далее были три великих ордена мендикантов: францисканцы, доминиканцы и кармелиты. Это были популярные ордена. Монахи оставались в своих домах в одиночестве, отделенные от мира. Монахи ходили среди людей. По обету они не должны были иметь ничего своего: они должны были спать где попало, просить еду и одежду, проповедовать людям на улицах и в домах, нести церковные обряды тем, кто не мог войти в двери церкви. Никто не должен был быть для них слишком бедным или слишком несчастным. В своем смирении они должны были называться не отцами, а братьями-братьями-монахами. В своих проповедях они использовали все способы, которыми могли затронуть сердца людей: кто-то гремел, кто-то плакал, кто-то шутил. Они проповедовали посреди рынков, во время ярмарочных состязаний, везде, где могли собрать аудиторию.

Францисканцы, у которых был Grey Friars House, ныне школа Bluecoat, были основаны святым Франциском Ассизским в начале тринадцатого века. Они пришли в Англию и появились в Лондоне несколькими годами позже. Благодаря своей аскезе, верности, с которой ранние францисканцы соблюдали свои обеты, и искренности проповеди они стали очень популярны в этой стране. Их название - серые монахи - указывает на цвет их одежды. Прежняя простота и бедность продержалась недолго. Однако следует признать, что богатство было навязано им.

Доминиканцы были основаны Святым Домиником около 1215 года. Шестьдесят лет спустя они пришли в Лондон и обосновались в месте, которое до сих пор известно под их именем - Блэкфрайерс. Их одежда была белой с черным плащом. Они никогда не были так популярны, как францисканцы, возможно, потому, что больше настаивали на доктрине и были связаны с инквизицией.

Третьим из орденов мендикантов были кармелиты. Они были Уайтфрайерами, их одежда была белой с черным капюшоном. Их дом находился на Флит-стрит. Здесь находилось святилище, привилегии которого были отменены только в 1697 году.

Другие ордена, представленные в Лондоне, - это клюнийцы, ветвь бенедиктинцев, у них было аббатство Святого Спасителя в Бермондси; Черные каноники, основанные в Сент-Бартоломьюс; каноники Регулярного ордена Святого Августина, у которых был саутваркский приорство Святой Марии Овери; рыцари-тамплиеры; рыцари Святого Иоанна.

Как правило, достаточно помнить, что монахи были бенедиктинцами с их основными ветвями - картузианцами, цистерцианцами и клюнийцами; что монахи были названы в честь Августина, Доминика, Франциска и горы Кармель; что монахи оставались в своих домах, ведя аскетичный и молитвенный образ жизни, пока были верны своим обетам; и что монахи ходили среди людей, проповедуя и увещая их.

Из женских монастырей некоторые были бенедиктинскими, некоторые францисканскими: монастырь миноритов принадлежал к последнему ордену, а монастырь Святой Елены - к первому.

Религиозные дома были распущены во время Реформации. Вы должны помнить, что если бы не существование этих домов, большинство искусств, наук и учености в мире полностью бы погибли. Монахи поддерживали обучение всех видов: они поощряли живопись: они были первооткрывателями и изобретателями в науке: они были главными земледельцами и садоводами: они предоставляли убежище бедным и угнетенным. "Дружба с бедняками, - говорил Бернар, - делает нас друзьями королей". А в век необузданных страстей они показывали пример самоограничения и аскетизма. Монахи делали больше: они были бедными среди бедных: никто не был ниже их заботы и привязанности: сначала у них ничего не было - они ничего не брали: пока любовь и благодарность людей не осыпали их дарами, и даже против их воли, если они сохраняли любовь к бедности, они становились богатыми.

28. ЛОНДОНСКИЕ ЦЕРКВИ.

До Великого лондонского пожара в Сити было 126 церквей и приходов. Большинство из них было уничтожено пожаром, а многие так и не были восстановлены. Два, а то и три и четыре прихода объединялись в одну церковь. В последние годы наблюдается разрушение городских церквей, почти такое же катастрофическое, как во время пожара. Те, кто научился из этой книги и других книг уважать памятники прошлого и желать их сохранения, должны сделать все возможное, чтобы предотвратить снос этих церквей, принимая во внимание их историю и связь с прошлым.

Взглянув на фотографию Лондона после пожара, вы, несомненно, заметите огромное количество шпилей и башен. На самом деле Лондон и тогда, и тем более до пожара был городом церквей. Те, что представлены здесь, и те, что сохранились сейчас, почти все являются работой Кристофера Рена, архитектора собора Святого Павла. Многие из них очень красивы внутри, многие украшены великолепной резьбой по дереву. Многие из них хранят память об усопших и великих людях, которые поклонялись здесь, делали пожертвования церкви и были здесь похоронены.

Покажем на нескольких примерах, насколько достойны сохранения и уважения эти городские церкви.

Во-первых, многие из них стоят на местах самых древних церквей в истории Лондона. Те, что на Темз-стрит, посвященные Святому Петру, Святому Павлу (Кафедральный собор), Святому Иакову, вероятно, представляют собой христианские храмы римского Лондона. Церковь Святого Мартина на Ладгейтском холме, по преданию, была построена британским принцем, а церковь Святого Петра на Корнхилле - римским полководцем. Эта традиция доказывает, по крайней мере, древность церквей. Церковь Святого Августина хранит память о проповеднике, обратившем саксов в христианство. Церкви святого Олава и святого Магнуса отмечают времена датского владычества: Святой Дунстан, Святой Альфег, Святая

Этельбурга, Святой Свитин, Святой Ботольф посвящены саксонским святым. Почему, например, сразу за городскими воротами стоят три церкви, посвященные святому Ботольфу? Потому что этот святой - в честь которого линкольнширский город Иканхо переименовали в город Ботольфа, ныне Бостон, - считался особым покровителем путешественников. В названиях церквей до сих пор отмечается какой-то исторический факт. Святая Мария Вулнот - место, где находился рынок шерсти: Церковь святого Осифа - название существует в Сайз-Лейн - была переименована в церковь святого Бене'т Шере Хог, или Снятия свиной шкуры, потому что протекающий рядом ручей Уолбрук использовался для помощи в этой операции. Святой Остин был часовней монастыря монахов Остина. В Сент-Эндрюс-Андершафт рассказывается, что на стене этого дома был вывешен городской майский столб. Сент-Эндрюс-бай-гардероб напоминает о существовании дворца, ранее называвшегося Королевским гардеробом. В соборе Святого Михаила Бассишоу сохранилась фамилия старинной городской семьи - Басингов. В соборе Святого Мартина Оргара - ныне разрушенном - сохранилась еще одна старая городская фамилия - Оргар.

Или, опять же, есть люди, которые похоронены или крещены в этих церквях.

В церкви All Hallows на Хлебной улице, ныне снесенной, был крещен величайший поэт нашей страны Джон Мильтон. Только по этой причине нельзя было допустить, чтобы церковь пришла в упадок. Она была злонамеренно и безрассудно разрушена ради денег, которые можно было выручить за ее участок в 1877 году. Когда вы посетите церковь Боу, Чипсайд, обратите внимание на табличку в память о Милтоне, которая теперь установлена в этой церкви. Она принадлежала церкви All Hallows на Хлебной улице.

Три поэта в трех далеких эпохах родились,
Грецию, Италию и Англию украшали:
Первый в возвышенности мысли превзошел,
Следующий в величии - обоих последних.
Сила природы не могла идти дальше;
Чтобы создать третий, она соединила два других.

Церковь Христа в Ньюгейте стоит на месте, которое когда-то занимала великолепная церковь Серых монахов. Здесь похоронены четыре королевы, огромное количество принцев, великих солдат и дворян.

Очень немногие из тысяч людей, ежедневно прогуливающих по Флит-стрит, знают что-нибудь о статуе в стене церкви Святого Дунстана. Это статуя королевы Елизаветы, которая раньше стояла на западной стороне Людских ворот. Эти ворота были снесены в 1760 году, а через некоторое время после этого здесь была установлена статуя. Одной из достопримечательностей Лондона до того, как была снесена старая церковь, были часы с фигурой дикаря на каждой стороне, который дубинками отбивал часы и четверти на колоколе. Лондон редко обходился без подобных зрелищ. Еще в пятнадцатом веке на Флит-стрит стояли часы с фигурами. Реформатор Тиндал и знаменитый неконформист Бакстер были проповедниками в этой церкви.

Сент-Мэри-ле-Боу была названа так потому, что это была первая церковь в Сити, построенная на арках-луках из камня. Церковь теснейшим образом связана с жизнью и историей города. Колокол Боу звонил о закрытии магазинов. Если звонарь опаздывал, ученики недвусмысленно напоминали ему об этом.

"Кларк из колокола Боу с желтыми замками:
Если ты опоздаешь со звоном, у тебя будет стук в голове".

На что клерк ответил:

"Дети Чепе, держите себя в руках:
Ибо звонить в колокол вы будете по своему желанию".

В течение многих лет в церкви Св. Марии Вулнот служил преподобный Джон Ньютон, друг поэта Коупера. Он начал свою жизнь в купеческой службе и много лет занимался работоторговлей.

По этим причинам - их древность, история, ассоциации - разрушению городских церквей следует сопротивляться самым решительным образом. Вы, читающие эту страницу, вполне возможно, станете прихожанами такой церкви. Запомните, что без согласия прихожан ни одна церковь не может быть разрушена. Необходимо созвать собрание прихожан: они должны проголосовать и принять решение. Не забывайте об этой привилегии. Возможно, придет время, когда ваш и только ваш голос сохранит для ваших потомков церковь с богатой историей и почтенными традициями прошлого.

29. УЛИЦЫ.

Вы видели, как стена окружала римский Лондон. Та же стена, которая защищала и ограничивала Августу, защищала и ограничивала Лондон Плантагенетов. За стеной на востоке продолжали простираться широкие болота вдоль реки; болота и леса на севере; болота с возвышенностями на западе; болота на юге. Уоппинг назывался Уоппинг-ин-Боуз (Уош или Узе), то есть на болоте: Бермондси - остров Бермонда, стоящий на болоте: Бэттерси - остров Бэттера, или, возможно, остров лодок: Челси - остров Чезел или галечник: Вестминстерское аббатство было построено на Терновом острове. Монастыри, стоявшие за стеной, привлекали определенное количество служителей, которые строили вокруг них дома: некоторые из речного люда - строители лодок, лихтеры и так далее - жили в квартале Святой Катарины, сразу за Тауэром: вдоль Стрэнда стояли дома великих людей, один из которых, Сомерсет-хаус, все еще стоит в измененном виде, а другой, Нортумберленд-хаус, был снесен всего несколько лет назад. В Саутварке была одна главная улица с несколькими ответвлениями на восток и запад: здесь было несколько больших домов и множество трактиров для тех, кто привозил свои товары из Кента и Суррея на Лондонский рынок. Он также был признан приходом. По обе стороны от Хай-стрит располагались болота. Река была обнесена берегом, отсюда и название Бэнк-Сайд, но неизвестно, в какое время.

Часть стены, выходящая к реке, давно снесена, но лестницы были ограждены железными цепями, а на берегу стояла речная полиция, которая по ночам курсировала среди судов.

ЧЕПЕ В

ПЯТНАДЦАТОМ ВЕКЕ.

Улицы и переулки Лондона в пределах стен были почти такими же, как сейчас, за исключением больших магистралей, построенных за последние тридцать лет. То есть, войдя в ворота Луда и пройдя через церковный двор Павла, человек оказывался на широкой улице, рыночной площади Сити, известной как Чепе. Эта продолжалась до того места, где сейчас стоит Королевская биржа, где она разделялась на два ответвления - Корнхилл и Ломбард-стрит. Они, соответственно, вели на Лиденхолл-стрит и Фенчерч-стрит, которые вновь соединялись перед Олдгейтом. Еще одна ведущая магистраль пересекала Сити от Лондонского моста до Бишопсгейта, а другая, Темз-стрит, была, безусловно, самой важной, поскольку здесь собирались для ведения дел купцы-авантюристы - те, кто имел корабли и импортировал товары. Грубая булыжная мостовая Темз-стрит была биржей Уиттингтона и купцов его времени, все дома которых располагались на возвышенностях, среди узких переулков к северу от улицы. Вы видели, какие великолепные дома любили строить лондонские купцы. А какой дом занимал торговец и ремесленник? В нижней части он был каменным, но верхний этаж, как правило, был деревянным, а крыша чаще всего соломенной. Окно в верхней части было застеклено, а в нижней - открыто и закрыто ставнями: эта половина вместе с дверью стояла открытой большую часть года. Нижняя комната была гостиной, а иногда и рабочей комнатой жильца. На верхнем этаже располагались спальные комнаты. В доме был только один камин - в гостиной. Сзади дома обычно располагался небольшой сад. Но, кроме этих домов, были и темные, узкие, шумные двory, где хижины все еще были "плетеными", то есть построенными из столбов, с боков заполненными ветками или палками и глиной или грязью, огонь в середине пола, дымоход над головой. И по-прежнему, как и в саксонские времена, большую опасность для города представлял огонь.

Люди одного ремесла по-прежнему собирались вместе для удобства. Когда все жили вместе, можно было регулировать производство, поддерживать цены и договариваться о зарплате. Для средневекового торговца не было ничего более ненавистного, чем перекупы и переторжки. Запретить - значит купить товар до его поступления на рынок с целью продать

по более высокой цене. Перекупить - значит купить на рынке и снова продать на том же рынке по более высокой цене. Преуменьшить цену своего соседа также считалось непростительным преступлением. Таким образом, вы обнаруживаете, что торговля в Лондоне времен Плантагенетов не была похожа на торговлю в Лондоне Викторианской эпохи. Тогда все люди одной профессии поддерживали друг друга и были братьями: теперь же слишком часто люди одной профессии становятся врагами.

Названия улиц отражают характер профессий, которыми они занимались. Токари и изготовители деревянных чашек и тарелок, Вуд-стрит: железоделательные мастера, в их переулке: продавцы домашней птицы, Птичник: пекари, Хлебная улица: и так далее. Чепе был большим розничным рынком города. Он застраивался постепенно, но в ранние времена это был широкий рынок, покрытый лавками, как, например, рынок в Норвиче; эти лавки располагались линиями и улицами: среди линий стояли церкви. Затем лавки, бывшие временными деревянными сооружениями, превратились в постоянные магазины, которые одновременно служили домами для арендаторов: гостиная и кухня находились позади магазина: хозяин и его семья спали наверху, а прачки - под прилавком.

БОЛЬШОЙ КОРАБЛЬ И

ЛОДКА ПЯТНАДЦАТОГО ВЕКА.

(На гроте корабля изображен герб Бошампов, а на серпантине - медведь и лохматый посох. Из "Жизни Ричарда Бошама, графа Уорика" Джона Роуса; нарисовано около 1485 года).

30 УИТТИНГТОН.

ЧАСТЬ I.

История Дика Уиттингтона была любимой легендой многих поколений. Мальчик, приехавший в Лондон бедным и без друзей; лежащий в отчаянии на зеленом склоне Хайгейта; решивший вернуться в деревню, поскольку в Лондоне он не может найти работу; обрушившийся на его уши звон колоколов Боу, разносимый по полям южным ветром - все это знает каждый

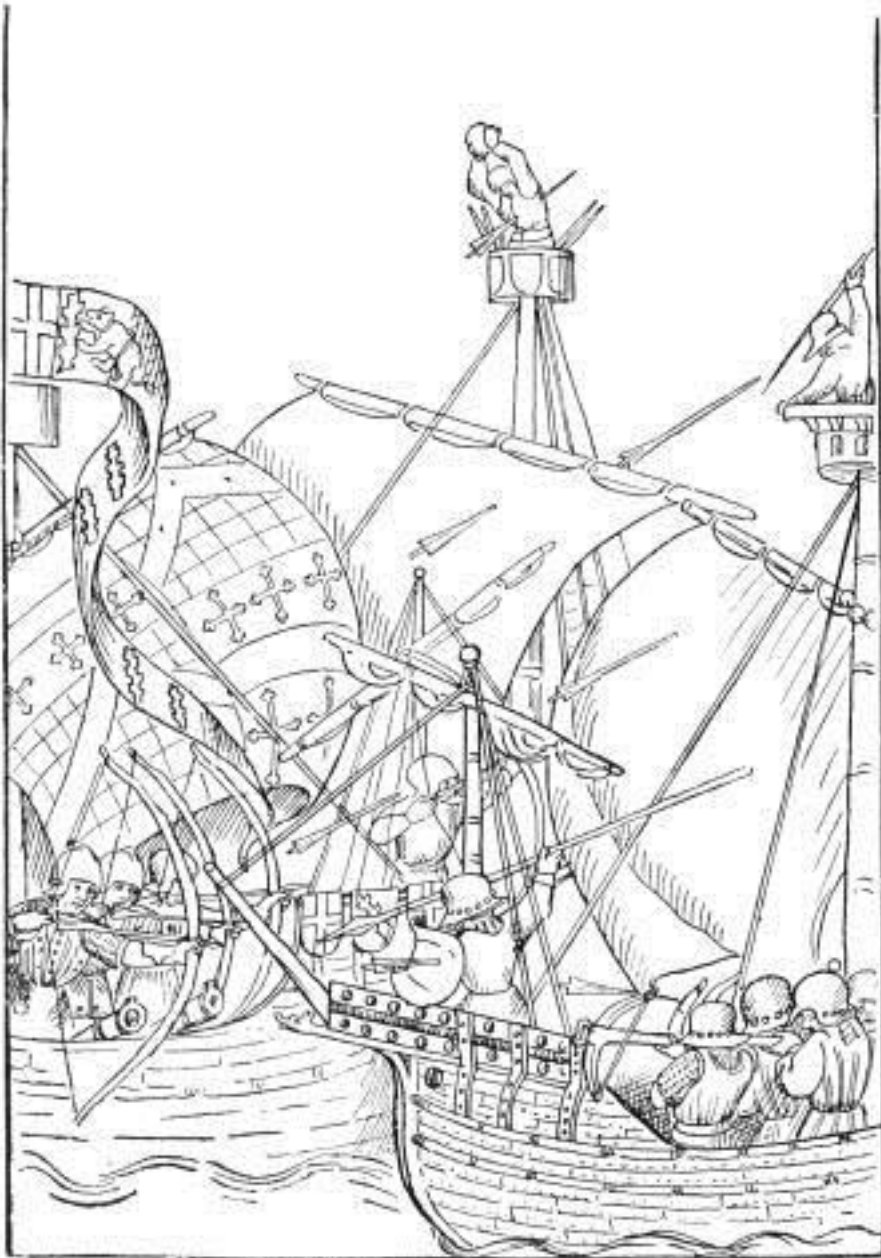
ребенок. Что же сказали ему колокола - мягкие и звонкие колокола, призывающие его через четыре мили полей? "Повернись еще раз, Уиттингтон, повернись еще раз, Уиттингтон, лорд-мэр Лондона, повернись еще раз, Уиттингтон". Он повернулся, как мы знаем, и стал не один, а четыре раза лордом-мэром Лондона, развлекал королей и был самым богатым купцом своего времени. И все это благодаря коту - мы знаем, как кот начал свое состояние.

Такова известная легенда. Сейчас вы узнаете правду.

Жил да был Дик Уиттингтон, и был он лордом-мэром Лондона - точнее, мэром Лондона, потому что титула лорд-мэра еще не существовало.

Он отнюдь не был бедным и безродным мальчишкой. Он принадлежал к хорошей семье: его отец, сэр Уильям Уиттингтон, рыцарь, был владельцем поместья в Херефордшире под названием Солерс-Хоуп и поместья в Глостершире под названием Понтли. Отец был похоронен в церкви Паунтли, где до сих пор можно увидеть его щит. Ричард был младшим из трех сыновей, старший из которых, Уильям, умер без детей, а второй, Роберт, имел сыновей, из которых один, Гай, сражался при Азенкуре. От второго сына есть потомки и по сей день.

Ричарда в возрасте четырнадцати лет отправили в Лондон, где у него были связи. У многих деревенских жителей были связи в Лондоне, и они были купцами. Помните, что в те времена мальчику было невозможно подняться из бедности к богатству и знатности благодаря торговле. Такой мальчик мог подняться в церкви или даже, но я не знаю ни одного случая, благодаря выдающейся доблести на поле боя. Разумеется, его обучают ремеслу, и ремесленником он остается всю жизнь. Уиттингтон был джентльменом: это было первым и необходимым условием для продвижения по службе: он приехал в Лондон не для того, чтобы учиться ремеслу, а чтобы поступить в ученики к своему кузену сэру Джону Фицваррену, мерсеру и купцу-авантюристу. Мерсеры были самой богатой и важной компанией в Лондоне: купцы-авантюристы - это те, кто был самым главным среди мерсеров, - владели кораблями, которые они отправляли за границу с товарами и на которых они ввозили товары в Лондонский порт. У хозяина Уиттингтона, возможно, и была лавка в Чепе, но он был крупным импортером шелков, атласов, золотых тканей, бархата, вышивок, драгоценных камней и всех великолепных материалов, необходимых для эпохи роскошных нарядов.

МОРСКОЙ БОЙ.

(Из "Жизни Ричарда Бошама, графа Уорика"; нарисована Джоном Роусом около 1485 года).

В чем смысл истории о "кошке"? Сразу же после смерти Уиттингтона эта история получила широкое распространение. Когда его душеприказчики ремонтировали Ньюгейт, они установили снаружи вырезанную кошку: когда племянники Уиттингтона, несколько лет спустя, построили дом в Глостере, они установили вырезанную кошку над дверью в знак уважения к этой истории. Предлагаются самые разные объяснения. Во-первых, что никакой кошки вообще не было. Далее, что под "кошкой" подразумевается разновидность корабля, колье. В-третьих, что кот символичен и означает что-то другое. Зачем нам вообще выходить из положения? Кошка в те времена была ценным животным: отнюдь не обычным: в некоторых странах, где крысы были помехой, кошка была очень ценна. Почему бы парню не доверить котенка одному из шкиперов своего хозяина с указанием продать его в любом левантийском порту, куда зайдет судно? Тогда он, естественно, впоследствии всегда будет ссылаться на продажу кошки, первое свое предприятие, как на начало и основание своего состояния. Но вы можете верить в кошку, как вам заблагорассудится. Эта история была

рассказана и о других людях. Один португальский моряк по имени Альфонсо потерпел крушение на побережье Гвинеи. Он благополучно вынес на берег кошку и продал ее королю на вес золота: с этим первым капиталом он быстро сколотил большое состояние. И снова некий Диего Альмагро, спутник Писарро, купил первую кошку, когда-либо доставленную в Южную Америку, за 600 кусков восьмерки. Эту историю рассказывают и в Персии, и в Дании, и, смею надеяться, по всему миру. И все же я верю в ее буквальную истинность.

В 1378 году имя Уиттингтона впервые появляется в городских газетах. Тогда ему было, возможно, двадцать один год, но дата его рождения точно не установлена, и он уже занимался торговлей, правда, не очень продвинутой, поскольку, судя по его оценке, он относился к самому низкому и бедному классу оптовых торговцев.

31. УИТТИНГТОН.

ЧАСТЬ II.

В течение почти пятидесяти лет после этого Уиттингтон ведет активную, насыщенную, процветающую жизнь. Это было смутное время, полное бед и тревог. Хартия, полученная в 1376 году, за два или три года до начала его деятельности, вероятно, стала настоящим фундаментом состояния Уиттингтона. Она запрещала иностранным купцам торговать в розницу. Это означало, что иностранный корабль, привозящий вино в лондонский порт, мог продавать свой товар только оптовым виноградарям: или тот, кто привозил шелк, мог продавать его только оптовым торговцам. Купцы, несомненно, намеревались использовать эту хартию для продвижения своих собственных морских интересов.

Эта важная хартия, представленная королем, чуть не была утеряна через некоторое время, когда возникли проблемы с Уайклиффом. Великому ученому было приказано явиться в собор Святого Павла к архиепископу Кентерберийскому и епископу Лондонскому, чтобы ответить на обвинения в ереси. Он не был незащищенным и беззащитным человеком и явился в собор под защитой могущественного Джона Гонта, герцога Ланкастера, сына короля Эдуарда III. Епископ Лондона упрекнул герцога в защите еретиков, и герцог, разгневавшись, пригрозил вытащить епископа за волосы из его собственной церкви. Люди снаружи кричали, что все они умрут, прежде чем епископ подвергнется унижению. Джон Гонт поскакал в Вестминстер и предложил упразднить должность мэра, а маршалу Англии держать свой суд в Сити - иными словами, смести все вольности и хартии Сити. Тогда лондонцы бросились к Савою, дворцу герцога, и, если бы не епископ, разграбили бы и разрушили его. Эта история показывает, какой опасности подвергался Сити в те времена. Полиции не было; народные волнения легко и внезапно превращались в восстание: никто не знал, что может случиться, когда народ соберется вместе и разгорится дикими страстями и беспричинной яростью.

Еще одна опасность того времени для мирного торговца. В течение нескольких лет навигация по Северному морю и Ла-Маншу была сильно затруднена шотландским капером или пиратом по имени Мерсер. Городские власти тщетно обращались к королю. Ничего не было сделано, а пират с каждым днем становился все сильнее и смелее. Тогда сэр Джон Филпот, мэр города, поступил очень патриотично. Он построил несколько собственных кораблей, оснастил их оружием, поднялся на борт в качестве капитана или адмирала и укомплектовал их тысячей крепких парней. Он нашел пирата у Скарборо, напал на него, перебил его со всеми своими людьми и вернулся в Лондонский порт со всеми своими

кораблями и всеми кораблями пирата, включая пятнадцать испанских судов, которые присоединились к Мерсеру.

Король притворился, что разгневан таким частным способом ведения войны, но дело было сделано, и дело это было очень хорошее, выгодное для Лондона и для самого короля, поэтому, когда сэр Джон Филпот подарил королю оружие и доспехи тысячи человек и все свои корабли и призовые суда, королевское милосердие было получить нетрудно. Жаль, что я не могу утверждать, что Уиттингтон отплыл вместе с сэром Джоном в эту галантную экспедицию.

Третья беда возникла в 1381 году в результате восстания крестьян под предводительством Джона Болла, Уота Тайлера, Джека Мельника, Джека Картера и Джека Трюмана. Повстанцы некоторое время удерживали власть в городе. Они разрушили Савой, Темпл и дома иностранных купцов (это говорит о том, что к ним присоединились некоторые жители Лондона). Они убили архиепископа Кентерберийского и настоятеля госпиталя Святого Иоанна. Тогда горожане восстали и с армией в 6 000 человек встали в строй, чтобы защитить короля.

Затем случились беды Джона Нортгемптонского, мэра города в 1382 году. Вы узнали, как объединялись всевозможные ремесла, каждое в свою компанию. Каждая компания имела право регулировать цены. Так, рыботорговцы продавали свою рыбу по цене, установленной начальником или мастером компании. Легко понять, что это могло привести к ропоту против высоких цен на рыбу или на что-либо другое. Так, собственно, и произошло. Это было время больших вопросов и сомнений; восстание Уота Тайлера показывает, что этот дух был повсюду. Ремесленники Лондона, те, кто делал вещи, громко ворчали по поводу цен на провизию. Они спрашивали, почему бы городу не взять на себя торговлю продуктами всех видов и не продавать их людям по более низким ценам. Джон из Нортгемптона, будучи мэром, принял народную точку зрения. Он не совсем передал снабжение города в руки корпорации, но сначала добился принятия парламентского акта, открывающего профессию рыботорговца для всех желающих, а затем другого, который практически упразднил торговлю бакалейщиками, перечниками, фруктовиками, мясниками и пекарями. Представьте себе, с какой яростью такой закон был бы принят лондонскими торговцами!

Однако следующий мэр добился отмены этих законов. В результате рыба подорожала, начались народные волнения, в результате которых один человек был повешен, а Джона Нортгемптонского отправили в замок Тинтагель на побережье Корнуолла, где он и оставался до конца своих дней.

32. УИТТИНГТОН.

ЧАСТЬ III.

В 1384 году, когда ему было около двадцати шести лет, Уиттингтон был избран членом Общего совета. В 1389 году его оценили в ту же сумму, что и самого богатого горожанина. Так что эти десять лет его жизни, очевидно, были очень благополучными. В 1393 году он стал олдерменом в приходе Брод-стрит. В том же году его назначили шерифом. В 1396 году, когда мэр Адам Бамме умер на своем посту, Уиттингтон сменил его. В следующем году он был избран мэром.

В 1401 году из Тайберна (ныне северо-восточный угол Гайд-парка) в Корнхилл по трубам была проведена вода, что стало большим и важным благом для города.

В 1406 году он снова был избран мэром. Способ его избрания описан в современных записях. После службы в часовне Гилдхолла уходящий мэр со всеми олдерменами и как можно большим числом более богатых и знатных горожан собрался в Гилдхолле и выбрал двух человек из своего числа, а именно Ричарда Уиттингтона и Дрю Барентина. Затем мэр, получив эту кандидатуру, удалился в закрытую палату вместе с олдерменами и сделал выбор в пользу Уиттингтона.

В 1419 году он был избран мэром в третий и последний раз, но, считая его преемственность с Бамме, он был мэром четыре раза. В 1416 году он был избран членом парламента от Сити.

То, что горожанин становился мэром более одного раза, не было чем-то новым. Во время правления Эдуарда III трое были мэрами четыре раза; двое - три раза; семеро - дважды.

В поздние годы жизни Уиттингтона началось сожжение еретиков и лоллардов. Несомненно, лоллардизм был распространен в Сити, но неизвестно, насколько он был велик. Первым пострадал священник Уильям Сотр. За ним последовали два человека из низшего сословия. Ничто не свидетельствует о том, что Уиттингтон когда-либо отступал от ортодоксальных взглядов.

В 1416 году в городе впервые появилось ночное освещение: всем горожанам было приказано повесить фонари над своими дверями. Насколько этот приказ был выполнен, особенно в бедных районах города, неизвестно.

В 1407 году чума унесла 30 000 человек только в Лондоне. Если это число верно, то она унесла половину населения.

В эти годы в Сити было проведено множество улучшений: разумно предположить, что Уиттингтон приложил к этому руку. Свежая вода поступала по трубам, фонари зажигались после наступления темноты: возведение дома - Бейквелл-холла - для хранения и продажи сукна: строительство магазина для приема зерна в случае голода - это было начало Лиденхолла - строительство нового Гилдхолла: попытка реформировать тюрьмы - попытка, которая не удалась.

В последний год своей службы Уиттингтон принимал короля Генриха V и его королеву.

В то время еще не было Особняка: каждый мэр пользовался своим собственным домом.

Великолепие развлечений поразило короля. Даже каминные трубы были заправлены кедровыми и душистыми дровами. Когда королева заговорила об этом дорогом подарке, мэр предложил подпитать огонь чем-то более ценным. Он достал облигации короля на сумму 60 000 фунтов *стерлингов*, которые бросил в огонь и сжег. Эта огромная сумма и сейчас была бы очень значительным подарком. В то время она была по меньшей мере в шесть раз больше ее нынешней стоимости. Поэтому мэр подарил королю сумму в 360 000 ливров.

Таков, вкратце, рассказ об общественной жизни Уиттингтона.

Он жил, как я полагаю, на северной стороне Патерностер-Роял Святого Михаила. Я так думаю, потому что после его смерти там был основан колледж, а поскольку у него не было детей, разумно предположить, что его дом будет закреплен за колледжем. Ничто не указывает на то, что это был за дом, но мы можем быть уверены, что человек, который мог так развлекать короля и королеву, был, по крайней мере, хорошо устроен. На этом месте есть

небольшой двор, который, как я полагаю, находится на месте дома Уиттингтона. Раньше дом на Харт-стрит показывали как дом Уиттингтона, но для этой традиции не было никаких оснований, кроме того, что это был очень старый дом.

Уиттингтон женился на дочери своего хозяина, Алисе Фицваррен. У него не было детей, и он умер в 1423 году, когда ему было шестьдесят пять лет.

Таков был настоящий Уиттингтон. Джентльмен по рождению, богатый и успешный человек, счастливый в личной жизни, большой приверженец справедливости, как магистрат суровый к тем, кто обманывает и прелюбодействует, верный и патриотичный человек, всегда исполненный желания продвигать интересы города, который принял его и сделал богатым.

33. ДАРЫ И ЗАВЕЩАНИЯ.

Поток благотворительности, который так обогатил и одарил лондонский Сити, начался очень рано. Вы видели, как Раэр построил и одарил Варфоломеевскую церковь, а королева Мод основала Лазарский дом в Сент-Джайлсе. Четырнадцатый век дает еще много примеров. Так, Уильям Элсинг в 1332 году основал больницу для ста бедных слепых: в 1371 году Джон Барнс передал сундук с 1000 марок, чтобы город одалживал их молодым людям, начинающим торговать. Вы слышали, как один мэр вышел на бой с пиратом, убил его и сделал призами его корабли. Другой, когда кукуруза была очень дорогой, за свой счет ввез из Германии огромное количество зерна. Другой давал деньги на освобождение бедных заключенных: третий оставлял деньги на помощь бедным домовладельцам: третий обеспечивал, чтобы в день его поминовения в году 2400 бедных домовладельцев города получили обед и каждый человек по два пенса. В переводе на нынешние деньги это означает около 600 фунтов стерлингов в год, или имение стоимостью 20 000 фунтов стерлингов: другой оставил деньги для уплаты налога, называемого Пятнадцатым, для трех приходов: третий провел воду в канале от Хайбери до Крипплгейта.

Но самым великим и мудрым благотворителем своего времени был Уиттингтон. По его собственным словам: "Горячее желание и деятельное намерение благоразумного, мудрого и благочестивого человека должно заключаться в том, чтобы делами милосердия и жалости окинуть и обезопасить состояние и конец этой короткой жизни, и особенно обеспечить тех несчастных, кого оскорбляет нищета и кому запрещено добывать необходимое для жизни действием или телесным трудом".

С этих серьезных слов, которые должны стать уроком для всех людей, богатых или бедных, Уиттингтон начинает основание своего колледжа. Если бы человек в наши дни основал колледж, он бы сделал его либо школой для мальчиков, либо техническим училищем - в любом случае это было бы место, которое всегда должно *работать* на благо мира. В те дни, когда повсеместно считалось, что чтение месс способно избавить души от наказания, человек основывал колледж, который должен был *молиться* за мир. Колледж Уиттингтона должен был состоять из магистра и четырех стипендиатов, которые должны были быть магистрами искусств, а также клерков, хористов и слуг. Каждый день они должны были совершать мессу за души Ричарда и Алисы Уиттингтон в церкви Святого Михаила Патерностер-Ройал, которую Уиттингтон отстроил сам. За церковью он основал и построил богадельню для тринадцати бедняков, которые должны были получать по 16 д. в неделю, около 7 с. наших денег, одежду и комнаты при условии ежедневной молитвы за их основателя и его жену. Часть земли под здание была предоставлена мэром и корпорацией.

Колледж просуществовал до роспуска религиозных домов, то есть сто пятьдесят лет: богадельня существует и по сей день, но она была перенесена в Хайгейт: на ее месте компания "Мерсерс" основала школу.

Далее Уиттингтон построил библиотеку для Францисканского дома; часть здания до сих пор сохранилась в госпитале Христа. Ее длина составляла 129 футов, а ширина - 31 фут. Он также выделил монахам 400 фунтов на покупку книг. Он восстановил и отремонтировал госпиталь святого Варфоломея, которому подарил библиотеку. Он вымостил и застеклил новое здание Гилдхолла: он выделил большие суммы на мост и часовню на мосту в Рочестере - как купец он был очень заинтересован в поддержании этого важного моста в порядке: он отремонтировал Глостерский собор - кафедральную церковь своей родной епархии: он сделал "боссы", то есть краны для воды, для большого акведука: он перестроил и расширил Ньюгейтскую тюрьму; и он основал библиотеку в Гилдхолле.

Многие из этих вещей были сделаны после его смерти его душеприказчиками.

Таковы были дары, которыми городской купец XIV и XV веков стремился повысить благосостояние горожан. Пресная вода в изобилии, подаваемая "боссами" то тут, то там: свет знаний посредством библиотек: богадельни для бедных: милосердие и благотворительность для заключенных: больницы для больных: помощь молодым: молитвы за умерших. Все это он понимал.

Мы не можем ожидать от человека, что он сильно опережает свой век. Иначе мы бы нашли Уиттингтона, настаивающего на чистоте улиц: свежем воздухе в доме: погребении за пределами города: отмене долгих постов, которые заставляли людей есть вонючую рыбу и тем самым заражали их проказой: обучении ремесленников чему-то помимо их ремесла: учреждении полицейского патруля: свободе торговли.

Он не основал ни одной школы. Это примечательное упущение. Один из его преемников, сэр Уильям Севеноук, основал школу для мальчиков своего родного города Севеноукс: другой, сэр Роберт Чичеле, основал школу, богадельню и колледж в своем родном городе Хайам Феррерс. Его друг, сэр Джон Нил, предложил основать четыре новые грамматические школы в Сити. И все же Уиттингтон не оставил денег на школу. Мы можем быть уверены, что у этого упущения была своя причина. Возможно, он боялся растущего духа сомнений и исследований. Мальчики, изучающие грамматику и риторику, могут вырасти в мужчин, которые будут сомневаться и спорить; и таким образом, легко и естественно, будут привязаны к костру и отправятся на костер вместе с кучей опилок. Все было предусмотрено, кроме школы для мальчиков. Библиотеки для мужчин, но не школа для мальчиков. Школа лондонского Сити была основана душеприказчиком Уиттингтона Джоном Карпентером. Должно быть, у Уиттингтона были причины не выделять средства на школы. Каковы были эти причины, я не могу даже предположить.

34. ДВОРЦЫ И ВЕЛИКИЕ ДОМА.

Когда вы думаете о великом городе тринадцатого или четырнадцатого века, вы должны помнить две вещи. Во-первых, улицы в основном были очень узкими - если вы пройдете по Темз-стрит и обратите внимание на улицы, идущие на север и на юг, то сможете понять, насколько узкими были улицы Сити. Во-вторых, на этих узких улицах стояли огромные дома знати и богатых купцов, закрытые со всех сторон, хотя зачастую в них были просторные

дворы и сады. Не было сделано ни одной попытки сгруппировать дома или расположить их так, чтобы они выглядели живописно.

О средневековом Лондоне принято говорить, будто это город лачуг, сгруппированных вдоль темных и нечистых переулков. Это отнюдь не так. Напротив, это был город великолепных дворцов и домов, почти все из которых были уничтожены Великим пожаром. Вы видели, как Город был покрыт великолепными зданиями монастырей и церквей. Не верьте, что дворяне и богатые купцы, которые одаривали и строили эти места, довольствовались бы жизнью в лачугах.

ДОМА

ДЮРХЕМА, СОЛСБЕРИ И ВОРЧЕСТЕРА.

Дворяне действительно хотели иметь казармы. Великий лорд никогда и никуда не выезжал без своих приближенных. За графом Уориком, которого называли Делателем Королей, когда он въезжал в Лондон, следовали пятьсот человек, одетых в его цвета: все они должны были найти жилье в его городском доме. Он всегда строился в форме двора или четырехугольника. Современный Сомерсет-хаус, построенный на фундаменте старого дома, показывает нам, каким был дом великого человека, а Колледж герольдов на улице Королевы Виктории - еще одна иллюстрация, ведь это был городской дом лорда Дерби. Хэмптон-Корт и Сент-Джеймс - иллюстрации великого дома с более чем одним двором. Любой, кто знаком с колледжами Оксфорда и Кембриджа, поймет, как был устроен городской дом великого дворянина в эпоху правления Ричарда II. С одной стороны находился зал, в котором проходили банкеты и обсуждались все важные дела. Напротив дверей зала располагались кухня, маслобойни и погреба; в задней части зала с отдельным входом находились комнаты хозяина и его семьи: остальные комнаты четырехугольника были отданы в пользование его приверженцам.

Замок Байнарда - название до сих пор сохранилось - стоял на берегу реки недалеко от Блэкфрайерса. Это был огромный дом с башнями и башенками и водными воротами с лестницей. В нем было два двора. Наконец, простояв шестьсот лет, он был разрушен во время Великого пожара, и это была одна из самых прискорбных потерь, вызванных этим бедствием. Дом уже дважды горел, а тот, что погиб окончательно, был построен в 1428 году. Здесь Эдуард IV принял корону: здесь он разместил свою жену и детей для безопасности, прежде чем отправиться на битву при Барнете. Здесь Бекингам предложил корону Ричарду. Здесь жил Генрих VIII. Здесь принимали Карла II.

Восточнее, на берегу реки, рядом со старой Лебединой лестницей, стоял еще один большой дом под названием "Холодная гавань". Он принадлежал Холландам, герцогам Эксетерским, Ричарду III и Маргарет, графине Ричмондской.

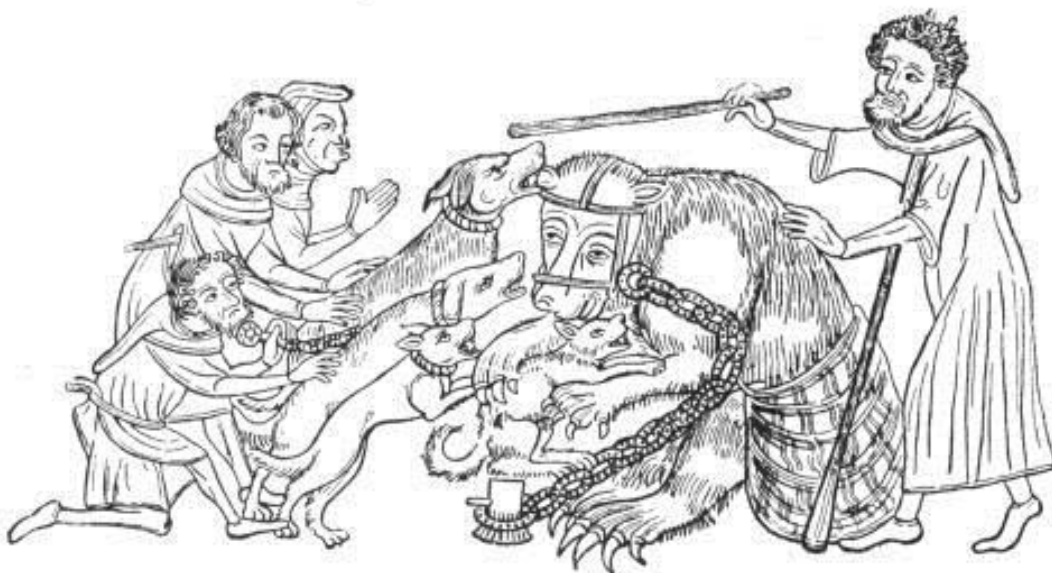
К северу от Темз-стрит возле Колледж-Хилла находился Эрбер, еще один большой дом, принадлежавший последовательно Скропам и Невиллам. Здесь жил король-изготовитель граф Уорик. Его свита была столь многочисленна, что каждый день только на завтрак съедалось шесть быков. Его зятем, которому впоследствии принадлежал дом, был герцог Кларенс - "лживый, мимолетный, лживый Кларенс".

Если вы хотите узнать, как любил размещаться великий купец XV века, посетите Кросби-Холл. Это единственный сохранившийся образец старинного богатства и великолепия городского купца. Но как жил один человек, так жили и многие. Мы не можем поверить, что Кросби был единственным в своем роде, построив для себя дворец.

Лондон с его узкими улочками, тесными дворами, закоулками, где деревянные, глинобитные и соломенные лачуги стояли среди нечистот, постоянно подвергая большие дома опасности пожаров и чумы, был городом великих домов и дворцов, с которыми не мог сравниться ни один другой город Европы. В Венеции и Генуе были свои Кросби-холлы - дворцы купцов; но в Лондоне к ним добавлялись городские дома всех вельмож страны. В одном только Сити, не считая Стрэнда и Вестминстера, находились дома графов Арундела, Нортумберленда, Вустера, Беркли, Оксфорда, Эссекса, Танета, Саффолка, Ричмонда, Пемброка, Абергавенни, Уорика, Лестера, Уэстморленда. Затем были дома епископов и аббатов. И все это до того, как мы перейдем к домам богатых купцов. Пусть в вашем представлении Лондон времен Плантагенетов будет городом со шпилями и башнями, великими церквями и величественными монастырями, со знатными домами, такими же величественными и великолепными, как Кросби-Холл, разбросанными по всему Сити внутри стен и на берегу реки от Ладгейта до Вестминстера.

35. РАЗВЛЕЧЕНИЯ.

Мы так много слышали о религиозных домах, компаниях, госпиталях, ссорах и борьбе, что, возможно, забыли об очень важном элементе в жизни Сити - развлечениях и времяпрепровождении горожан. Никогда не было такого времени, когда в городе было больше развлечений, чем в эти века. Вы видели, что он всегда был богатым городом: его ремесленникам хорошо платили, пища была в изобилии: люди были сыты всегда, за исключением голодных времен, которые случались редко. В тавернах звучала музыка и пение: устраивались представления, чудесные процессии, изображавшие всевозможные чудеса, придуманные горожанами в угоду королю или для собственного удовольствия: ставились пьесы, представлявшие сцены из Библии и житий святых: устраивались турниры, на которые было на что посмотреть. Затем были праздники года: Рождество, Двенадцатый день, Пасха, День святого Иоанна Крестителя, Масленичный вторник, День компании, Майский день, на всех которых царили пиршества и веселье. Зимой молодые люди играли в футбол, хоккей, кватерстаф и одиночную клюшку. Устраивали петушиные и кабаньи бои, приманивали быков и медведей. В майский день в каждом приходе устанавливали майский столб, выбирали майскую королеву: и устраивали моррис - танцы с парнями, наряженными в костюмы Робин Гуда, Фраера Тука, Маленького Джона, Тома Пайпера и других известных персонажей.

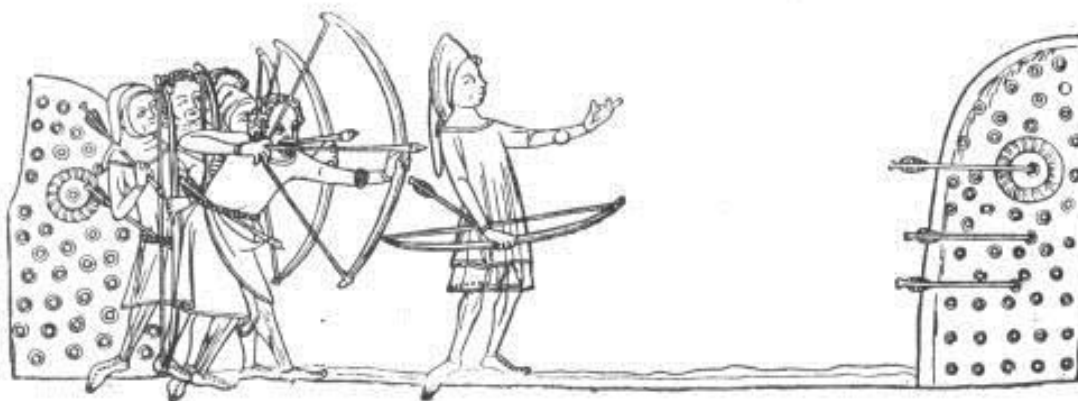
ЗАБИВАНИЕ

МЕДВЕДЯ.

(Из псалтыря Люттрелла.)

Затем они стреляли из лука и арбалета за призы: устраивали борьбу и пешие скачки.

Двумя большими праздниками в году были канун Святого Иоанна Крестителя и День компании.

СТРЕЛЬБА ИЗ

ДЛИННОСТВОЛЬНОГО ЛУКА.

В первый день проходил Марш дозоров. На улицах зажигали костры, но не для тепла, а для того, чтобы очистить воздух узких улочек: у открытых дверей стояли столы с мясом и питьем, сосед приглашал соседа к гостеприимству. Затем двери украшались зелеными ветвями, листьями и цветами: над ними висели стеклянные светильники, в которых всю ночь горело масло: на некоторых висели железные ветви, диковинным образом переплетенные с сотнями свисающих огоньков. Повсюду слышались веселые звуки музыки, пение и танцы молодых парней и девушек на открытой улице. Посреди всего этого веселья прошел Дозор. Четыре тысячи человек приняли участие в этой процессии, которая, несомненно, была лучшим, что мог показать средневековый Лондон. Чтобы осветить шествие по пути, городские власти нашли двести кресетов или фонарей, компании - пятьсот, а лондонские констебли, числом двести пятьдесят человек, несли по одному. Число людей, которые несли и обслуживали кресеты, составляло две тысячи. Затем следовал сам дозор, состоявший из двух тысяч капитанов, лейтенантов, сержантов, барабанщиков и фиферов, знаменосцев, трубачей, дембелей на великолепных лошадях, лучников, пикинеров, с танцорами-

моррисками и менестрелями - все их доспехи были начищены до блеска, а некоторые даже позолочены. Ни один художник никогда не рисовал этот март, но из всего средневекового он был самым красивым и самым средневековым.

В день Компании, то есть в День святого, все члены собирались в зале, каждый в новой ливрее, с утра. Сначала они выстраивались в процессию и шествовали в церковь, возглавляемую священниками и мальчиками-певчими в сюртуках: за ними шли слуги, клерки, помощники, капеллан, сержанты мэра, часто сам лорд-мэр. Наконец, шел суд с мастером и варденами, за которыми следовали ливреи, то есть члены суда.

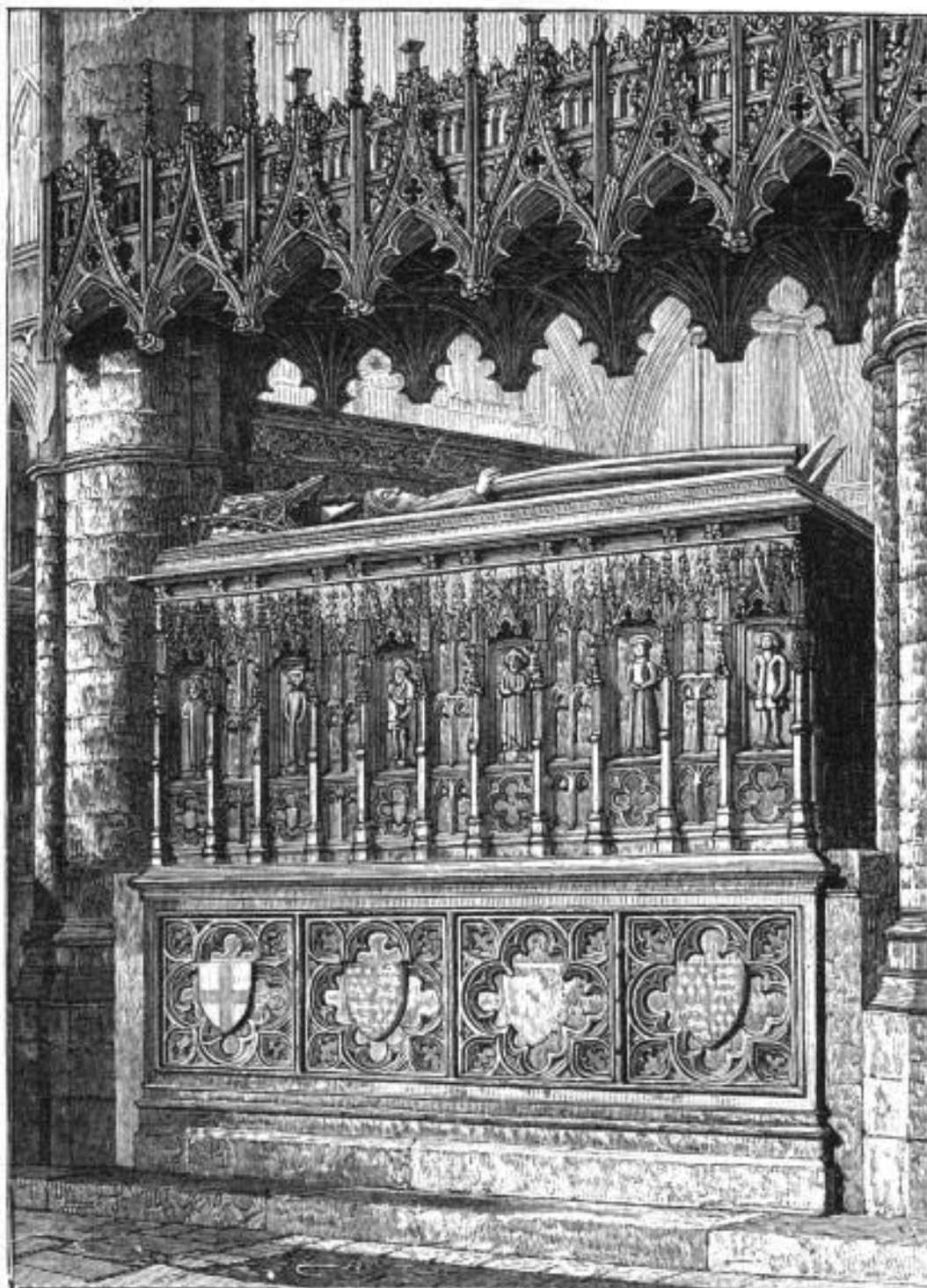
После церкви они таким же образом возвращались в зал, где их ждал большой банкет, на галерее играла музыка: над головами развевались знамена Общества: жгли ароматные дрова: сидели по порядку, магистр и вардены и именитые гости за высоким столом, а свободные люди внизу, каждый мужчина со своей женой или какой-нибудь девицей, если он не женат. После ужина крутили кубок: менестрели выводили игроков: и до конца дня устраивали драматические представления, песни, танцы и "муммерии".

Не думайте о средневековом Лондоне как о скучном месте - он был полон жизни и яркости: улицы, возможно, были узкими, но они были полны цвета ярких платьев всех - ливреи компаний, ливреи знати, великолепные костюмы рыцарей и более богатого класса. Ремесленник работал со дня на день до комендантского часа зимой и с пяти-шести часов летом: у него был длинный день, но у него было три выходных: вечера и воскресенья. На лондонцев надвигалось унылое время, но не раньше чем через двести лет.

36. ВЕСТМИНСТЕРСКОЕ АББАТСТВО.

До сих пор наше внимание было приковано к городу в его стенах. Пришло время выйти за стены.

Все это время, то есть с тех пор, как стало возможным мирное владение городом, на западной стороне Лондона рос город. Вы видели, что раньше в этой части простиралось обширное болото. Некоторое возвышение удерживало над рекой то, что сейчас является Стрэндом, но Вестминстер, за исключением некоторых островков, поросших тростником, был лишь болотом, дважды в день покрываемым приливом. Река, растекавшаяся по болотам на обоих берегах, была довольно мелкой, и в некоторых местах ее можно было перейти вброд. Место, где существовал брод, впоследствии стало паромной переправой. В одном из таких мест через реку перекинут Ламбетский мост, память о котором сохранилась в названии Хорсферри-роуд. Самый большой из этих островков когда-то назывался Торни, то есть Остров терновника. Если вы возьмете карту Вестминстера, сдвинете берег реки так, чтобы она текла вдоль Абингдон-стрит, нарисуете ручей, текущий по Колледж-стрит в Темзу; другой ручей, текущий в Темзу через Кинг-стрит, и нарисуете ров или ров, соединяющий эти два ручья вдоль Делахей-стрит и Принс-стрит, то получите Торни, около четверти мили в длину и не так уж много в ширину, стоящий чуть выше уровня воды. Это и был первоначальный участок Вестминстера.

ГРОБНИЦА

ЭДУАРДА III. В ВЕСТМИНСТЕРСКОМ АББАТСТВЕ.

Считается, что аббатство Святого Петра в Вестминстере было основано после первого обращения восточных саксов в христианство и в то же время, когда был заложен собор Святого Павла. Об основании церкви ничего не известно. Во время датских волнений аббатство было заброшено. Оно было вновь основано Дунстаном. Однако Эдуард Исповедник отстроил его в гораздо большей великолепии. От его работы кое-что осталось, и на это можно указать посетителю. Но нынешнее аббатство построено Генрихом III, Эдуардом

I, Ричардом II - Уиттингтон был заказчиком работ, Генрих VII, а архитекторами были Рен, Хоксмур и Гилберт Скотт.

На британской земле нет памятника более почтенного, чем Вестминстерское аббатство. Не стоит думать, что вы знаете это место, если посетили его один или два раза. Вы должны приходить туда снова и снова. Каждое посещение должно научить вас чему-то о вашей стране и ее истории. Само здание предает тем, кто умеет читать архитектуру, различные периоды, в которые жили его строители: красота здания, торжественность служб - все это нужно часто посещать аббатство, чтобы понять. Затем возникают ассоциации с аббатством; вещи, которые были сделаны в аббатстве: коронация королей, в длинной линии от Эдуарда Исповедника вниз. Здесь королева Эдуарда Четвертого, Елизавета Вудвилл, нашла убежище, когда ее муж потерпел поражение: здесь родился несчастный Эдуард V. Сюда та же несчастная королева привезла двух своих мальчиков, когда ее муж умер. Здесь Кэкстон установил свой первый печатный станок: здесь находится коронационное кресло. Здесь находится святыня святого Эдуарда Исповедника. Она лишена драгоценных камней и золота, но святыня та же, что и та, перед которой пятьсот лет люди преклоняли колени как перед святым покровителем Англии. Это место погребения не менее двадцати шести наших королей и их королев. Это священное место, где мы похоронили большинство наших великих людей. Вот несколько памятников, на которые стоит обратить внимание: среди государственных деятелей - сэр Уильям Темпл, лорд Чатем, Фокс и Уилберфорс; среди солдат - принц Руперт и Монк; среди индейцев - лорд Лоуренс и лорд Клайд; среди моряков - Блейк, Клаудсли Шовель и лорд Дандональд. Из поэтов - Чосер, Спенсер, Бомонт, Бен Джонсон, Драйден, Приор, Аддисон, Гей, Кэмпбелл. Из историков и прозаиков - Сэмюэл Джонсон, Маколей, Диккенс, Ливингстон, Исаак Ньютон. Есть и многие другие, которых стоит поискать, в частности, великий поэт Теннисон, похороненный здесь в октябре 1892 года.

Прочитайте, что написал Джереми Тейлор, великий прорицатель, о Вестминстерском аббатстве: "Человек может читать проповеди.

"Человек может прочесть проповедь, самую лучшую и самую страстную из всех, что когда-либо проповедовал человек, если только войдет в гробницу Kings..... Там воинственные и мирные, удачливые и несчастные, любимые и презираемые принцы смешивают свой прах и отдают свой символ смертности; и говорят всему миру, что когда мы умрем, наш прах будет равен королям, и наши счета будут легче, а наши боли или наши короны будут меньше".

37. ДВОР В ВЕСТМИНСТЕРЕ.

Хотя короли Англии время от времени останавливались в Тауэре и даже в замке Байнард и других местах в Сити, постоянным местом пребывания двора всегда, начиная с Эдуарда Исповедника и заканчивая Генрихом VIII, был Вестминстерский королевский дворец. От этого здания, большого, разветвленного, живописного, остались только две части - Вестминстерский зал и крипта часовни Святого Стефана. Когда король Генрих VIII поменял Вестминстер на Уайтхолл, комнаты старого дворца были отданы под различные нужды. В одном из них находилась Звездная палата, в которой проходил суд Звездной палаты, в другом - Казначейская палата: Капелла Святого Стефана была Палатой общин, а Палата лордов заседала в Старом суде завещаний. Все, что осталось от дворца, кроме Большого зала, было уничтожено во время пожара 1834 года. К счастью, Зал удалось спасти. Это великолепное сооружение, одно из самых больших в мире помещений, не поддерживаемых колоннами, было построено Уильямом Руфусом и переделано Ричардом II. Здесь проходили

заседания парламентов и Больших советов. Здесь проходило множество государственных процессов. В этом зале был осужден сэр Уильям Уоллес. Сэр Томас Мор; протектор Сомерсет; леди Джейн Грей; Анна Болейн; король Карл I; мятежники 1745 года, лорды Килмарнок, Балмерино и Ловат: граф Феррерс, убивший своего управляющего; все они были осуждены. Один или два были оправданы: лорд Байрон, кузен поэта, за убийство мистера Чаворта, и Уоррен Гастингс, великий индийский государственный деятель. В Вестминстер-холле раньше проводились коронационные банкеты, на которых наследный чемпион въезжал в зал в полном вооружении и бросал перчатку.

После удаления Суда зал превратился в юридическую палату. Почти невероятно, что в этом зале заседали три суда, а дела рассматривались одновременно тремя судьями. Помимо судов, вдоль стен располагались магазины или лавки, где продавали свои товары торговцы игрушками, мельники, портнихи, канцеляристы и книготорговцы. Сохранилась картина, на которой запечатлено это необычное использование зала.

Восстановить древний Вестминстер сложнее, чем любую другую часть Сити. Мы должны помнить, что большой зал составлял часть квадрата или четырехугольника, на котором располагались личные покои государя, государственные залы для аудиенций и банкетов, официальные помещения министров и слуг короля; этот двор вел в другие - неизвестно, сколько их, но, несомненно, столько же, сколько принадлежит старой части Хэмптон-корта, которая по своим основным характеристикам может напоминать Вестминстерский дворец. Дворы были заполнены людьми при оружии, слугами, пажами и менестрелями. Они ходили взад и вперед по своим делам или лежали на солнце и играли в азартные игры. Иногда через двор проходил какой-нибудь знатный вельможа в сопровождении двух или трех своих слуг, направлявшийся на совет: или епископ со своим капелланом, чтобы переговорить с королем: или группа горожан после драки, которых привели сюда с веревками на шее, не зная, помилют ли всех или повесят полдюжины, и эта неизвестность придавала их лицам очень раскаянное и озабоченное выражение. Или же на охоту выезжала сама Превосходнейшая Королева со своими дамами. Такова была повседневная жизнь двора: мы читаем сухую историю происходившего, но забываем, в каких декорациях это происходило - толпы дворян, епископов, аббатов, рыцарей, оруженосцев, служилых людей, среди которых все это происходило. Мы также склонны забывать о необычайной яркости, цвете, блеске и сиянии, присущих тем временам, когда каждый человек ходил в нарядной ливрее с цветами и гербом своего господина. Кто едет там, на шлеме которого сидит олень в покое? Рыцарь, принадлежащий ко двору: один из рыцарей короля Ричарда Второго. Кто марширует с медведем и потрепанным посохом на руках? Это ливрея графа Уорика. Повсюду блеск и сверканье оружия и доспехов: цвет на мужчинах и женщинах: цвет на амуниции лошадей: цвет на висящей на стене арке: цвет на алой ткани, которую вывешивают из окон, когда едет королевская процессия.

Рядом с дворцом, аббатством. Оно тоже относится к тому времени. В пределах аббатства народу почти столько же, сколько и во дворце. Но это совсем другая толпа. Не так много красок: нет оружия и доспехов: упорядоченная толпа: есть сами монахи-бенедиктинцы с их толпой слуг, поваров и трапезников: пивовары: пекари: суконщики: архитекторы, строители и каменщики: писцы и юристы: лесники и фермеры из поместий: управляющие: келейники: певчие мальчики: органисты - ведь аббатская церковь Святого Петра так же велика и богата и содержит такую же большую армию слуг, как и соборная церковь Святого Павла.

38. ПРАВОСУДИЕ И НАКАЗАНИЯ.

Во времена Плантагенетов наказания, которым подвергались провинившиеся, были гораздо мягче тех, что последовали в более поздние годы. Здесь нет ни одной из тех жестоких порки, которые распространились в прошлом веке, самом худшем для народа времени за всю историю страны. Эта порка не только в армии и на флоте, но и за такие проступки, как бродяжничество, продолжалась и в нынешнем веке. В 1804 году шесть женщин были публично выпороты в Глостере за это преступление. При Уиттингтоне такой варварской жестокости не было бы. Правда, существовали некоторые наказания, которые кажутся чрезмерно жестокими. Если человек ударил шерифа или олдермена, его приговаривали к отрубанию правой руки. Это, действительно, хуже, чем повешение. Но, подумайте, вся сила Лондона заключалась в его способности действовать и в его решимости всегда действовать, как один человек. Этого можно добиться только привычным повиновением закону и глубочайшим уважением к представителям исполнительной власти. Поэтому за такое преступление полагалось самое страшное наказание - то, что лишало человека способности работать и сражаться, что приводило его к разорению, что делало его невинных детей нищими, что клеймило его до самой смерти как злоумышленника самого опасного рода. И здесь снова вступало в дело милосердие: когда преступника приводили на казнь, если он выражал раскаяние, обиженный офицер, представленный олдерменом округа, просил помиловать его.

За кражи со взломом преступников безжалостно вешали. Это преступление и сейчас достаточно плохо; это преступление, которое во все времена должно караться с особой строгостью. Но что в наши дни может унести грабитель из обычного дома? Часы или два: серебряное кольцо: дамские часы и цепочку: несколько безделушек: если и деньги, то только кошелек с двумя-тремя фунтами. Все состояние семьи вложено в различные ценные бумаги: если грабитель заберет бумаги, они ему не пригодятся: есть текущий счет в банке, но его нельзя трогать. Книги, гравюры, подсвечники, позолоченные ложки - все это не имеет реальной ценности. Раньше, однако, каждый человек хранил все свои деньги - все свое богатство - в собственном доме; если он был богатым торговцем, у него был каменный сейф или крепкий ящик, построенный в стене погреба или подвала - я видел такой сейф в старом доме, снесенном лет семь назад. Если же он был мелким торговцем или ремесленником, то хранил свои деньги в шкатулке: ее он прятал: были разные тайники: за кроватью, под очагом - но все они были известны. Таким образом, грабитель мог, и очень часто это случалось, лишиться человека всего его имущества и разорить его. По этой причине было принято мудрое постановление о том, что грабитель должен быть повешен.

В правление Генриха IV начали сжигать еретиков. Позже стали сжигать ведьм и отравителей. Еще не начали отрезать уши и резать носы: не было дыбы: никого не пытали: никому не ставили клеймо на руку: не били женщин кнутом в Брайдуэлле для всеобщего обозрения - это появилось позже: не пороли за хвост телеги.

Наказания были мягкими. Иногда преступник совершал *почетную поправку*, шествуя по Чепе с голой головой и в одной лишь белой рубашке, неся большой восковой тапер, в сопровождении сержантов мэра. На другом берегу реки, на Банковской стороне, стояла "утка", в которую забрасывали ругателей. На другом берегу реки, в Бэнк-Сайде, стоял стул, на котором заставляли сидеть женщин, возвышаясь над толпой и выставляя их на посмешище. Был и столб, который служил почти для всех дел, которые сейчас рассматриваются полицейским магистратом: фальсификация, фальсификация весов и мер, продажа плохого мяса: притворство офицера мэра: изготовление и продажа плохой работы: подделка документов о праве собственности; кража - все это наказывалось одинаково. Преступника

несли или вели по городу - иногда верхом, головой к хвосту лошади - всегда с чем-то на шее, чтобы показать характер его проступка, и помещали на определенное время в тюрьму.

В запасе всегда было одно наказание - самое страшное из всех. Это лишение привилегий свободного человека и изгнание из города. Иди, - сказал мэр . Ты должен жить с нами; торговать с нами; разговаривать с нами; не более. Иди". И таким образом этот источник проблем был устранен.

Мы видели, как ремесленники образовывали компании - у каждого ремесла была своя компания. Однако не следует думать, что рабочие получили большую власть благодаря своим профсоюзам. Они были организованы: они должны были подчиняться: послушание было очень хорошим для них, как и для всех нас, всегда; но это должно быть послушание корпоративному органу, а не хозяину. Этого они не понимали и пытались создать свои собственные "ковины" или профсоюзы. Городские власти жестко пресекали эти попытки. Торговые компании устанавливали часы работы, заработную плату и стандарты труда. И наконец, хотя в городе не было полиции, которая охраняла бы улицы, существовали определенные законы для поддержания порядка. Никто до рыцарского звания не имел права носить оружие на улицах: никто не должен был ходить по улицам после девяти вечера: нельзя было строить дома над улицами. Одним словом, законов было немного, но люди соблюдали их. И это, пожалуй, как ничто другое, объясняет величие Лондона.

ОТПЛЫТИЕ

ГЕНРИХА VIII. ИЗ ДУВРА, 1520 ГОД.
(С оригинала картины в Хэмптон-Корте).

39. ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОЩЬ ЛОНДОНА.

До тех пор пока стремительный рост мануфактурных интересов не привел к созданию огромных городов на севере, богатство, процветание и население Лондона придавали ему значение и власть в политической ситуации, равных которым не было ни в одном другом городе Средневековья. Даже Париж, например, никогда не имел такого значения в истории Франции. Эта власть особенно и значительно использовалась при избрании и провозглашении королей. Дело не только в том, что Лондон был местом провозглашения: дело в том, что сами лондонцы неоднократно говорили: "Это будет наш король", и так же

неоднократно, этим самым актом, давали ему понять, что если он не будет править хорошо, он должен быть, как и некоторые его предшественники, низложен. До Завоевания Лондон избрал королями Эдмунда и Гарольда Харефута. После завоевания они избрали Стефана на фолькмоте, собрании всех горожан. Они посадили его на трон и оставили там. О власти лондонцев очень хорошо сказал Фруассар, который писал во времена Ричарда II и Генриха IV и был очевидцем многих событий, о которых он рассказывает. "Англичане, - говорит он, - худший народ в мире: самый упрямый и самый самонадеянный, а из всей Англии лондонцы - лидеры, ибо, по правде говоря, они очень сильны людьми и богатством. В Сити 24 000 человек, полностью вооруженных с ног до головы, и 30 000 лучников. Это огромная сила, и они смелы и отважны, и чем больше проливается крови, тем больше их храбрость".

Возьмем низложение Эдуарда II, также описанное Фруассаром. Он рассказывает, что когда лондонцы обнаружили, что король "одержим" своими фаворитками, они послали королеве Изабелле весточку, что если она сможет высадиться в Англии с 300 вооруженными людьми, то найдет жителей Лондона и большинство дворян и простолюдинов готовыми присоединиться к ней и посадить ее на трон. Королева так и поступила: горожане присоединились к собранной таким образом маленькой армии - без их помощи, говорит Фруассар, дело не удалось бы сделать - и сделали Эдуарда пленником в замке Беркли.

Или вот захват Ричарда II. Это также было осуществлено армией, состоящей полностью из лондонцев, численностью 12 000 человек, под предводительством Генриха Ланкастера. После этого, когда Генрих Ланкастер стал Генрихом IV, и против него был организован заговор, лорд-мэр сказал: "Сир, мы сделали вас королем: Королем мы вас оставим". Сити сыграл почти такую же большую роль против Генриха VI - сначала полусерьезно, потому что они думали, что, поскольку у него не было детей, в то или иное время ему придет конец. Кроме того, они не могли забыть его деда, своего собственного короля, и его отца, героя Азенкура. Однако когда родился сын, лондонцы открыто и безоговорочно стали йоркистами. И йоркисты одержали победу. Избрание Ричарда III проходило в Лондоне. Когда леди Джейн Грей провозгласили королевой, это сделал не мэр и олдермены, а герцог Нортумберленд, и Сити равнодушно взирал на это, ожидая беды. Самая большая сила Елизаветы заключалась в привязанности и поддержке Лондона, которая никогда не ослабевала. Если бы Карл I примирился с Сити, он мог бы умереть в своей постели, оставаясь королем Англии. Именно Сити заставил бежать Якова II и призвал Вильгельма принца Оранского. Опять же, именно Лондон поддержал Питта в его твердом и бескомпромиссном сопротивлении Наполеону. И в конце концов Наполеон был побежден. Нельзя слишком часто повторять, что силу Лондона обеспечивали две причины: единство Сити, благодаря которому его огромное население двигалось как один человек, и его богатство. Король думал о субсидиях - под названиями займов, грантов, благодений, - которые он мог вымогать у купцов. Мы, наслаждающиеся плодами долгой борьбы, которую вел Лондон за право самостоятельно управлять своими делами, особенно в вопросах налогообложения, не можем понять тирании, которую приходилось терпеть народу древности от королей и дворян. Ричард II, например, заставлял горожан подписывать и скреплять печатью пустые "чарты" - попробуйте представить себе премьер-министра, заставляющего лорд-мэра, олдерменов, членов Общего совета и всех важных купцов подписывать пустые чеки, которые заполнялись по его усмотрению! Однако это были последние поборы Ричарда II. Генрих Ланкастерский вышел с 12 000 лондонцев и взял его в плен.

Еще один фактор, не столь широко понимаемый, помогал и развивал могущество Лондона.

Это было положение Сити как центра страны; не географически, что дало бы Уорику такое положение, а благодаря строительству дорог и расположению на Темзе. Но, повторимся,

именно привычка и обычай Сити действовать сообща по приказу мэра сделали его столь великой державой. Какие бы проблемы ни возникали, здесь было сплоченное тело - "24 000 человек при оружии и 30 000 лучников", и все они действовали на одной стороне. Остальная часть страны была разбросана, неуверенна, склонялась то в одну, то в другую сторону. Город, выражаясь современным языком, "проголосовал твердо". В Сити не было разногласий. И это, даже больше, чем его богатство, делало Лондон гораздо более важным политическим фактором, чем бароны со всеми их приверженцами.

40. ЕЛИЗАВЕТИНСКИЙ ЛОНДОН.

ЧАСТЬ I.

Карта елизаветинского Лондона, нарисованная неким Агасом, которая является почти картиной, а также картой, очень четко показывает нам облик Сити. Давайте разложим карту перед собой. Прежде всего, мы видим стену Сити; она тщательно прорисована, одинаковой высоты, с бойницами, а через равные промежутки - бастионы. За стеной находится ров, но теперь он, как описывает Стоу, застроен садами - в некоторых частях его пасутся коровы, а по другую сторону построены скромные дома. За Олдгейтом, который теперь называется Уайтчепел, есть одна улица домов с большими садами. Северная сторона Хаундсдитча уже застроена. К северу от Бишопсгейта проходит улица домов. Между этой улицей и двумя или тремя улицами за Крипплгейтом нет ни одного дома. Мурфилдс - это настоящие поля. Здесь есть ветряные мельницы, сады с летними домиками, пастбища с коровами, большой "догхаус" и поля, на которых, как кажется, женщины раскладывают одежду для просушки. На самом деле это тендерные поля, то есть поля, снабженные "шатрами", или колышками, с помощью которых можно растягивать ткань. К северу от Мурфилдса находится возвышенность с лесом. Не может быть никаких сомнений относительно хода стены, которая здесь обозначена с наибольшей четкостью. К востоку от Тауэра уже есть многолюдный квартал в пректе Святой Катерины: несколько зданий отмечают бывшее место великого монастыря Истминстер. В Минорисе группа новых домов отмечает место стоявшего здесь женского монастыря. Лондонский мост покрыт домами: на Бэнк-Сайде, в Саутварке, есть два круглых здания, "Бирбейтинг" и "Булбейтинг". Напротив Блэкфрайарса находится Парижский сад - излюбленное место отдыха горожан. Но пока здесь нет театров. Вдоль реки за стенами, за дворцом Брайдвелл, находится открытое пространство, где раньше был Уайтфрайерс. Здесь вскоре выросла любопытная колония под названием Альсатия, которая претендовала на сохранение права на санктуарий, некогда принадлежавший монастырю. В ее пределах нельзя было производить аресты за долги. То есть так утверждали сами жители, которые силой оружия противостояли любым попыткам нарушить эту привилегию. В XVII веке это было печально известное место, заполненное плутами и разорившимися игроками, транжирами и распутниками. На данный момент (когда была составлена эта карта) между Уайтфрайерс и Храмом очень мало домов. За Храмом обозначены Арундел-плейс, Пейджет-плейс, Сомерсет-плейс, Савой, Йорк-плейс. Duresme - т.е. Дарем-Плейс, и "Двор" - т.е. Уайтхолл, план которого на карте дает нам четкое представление о плане и внешнем виде этого дворца, от которого остался только Банкетный зал. В то время (1561 год) Савойский дворец был госпиталем. Генрих VII сделал из него госпиталь, посвященный святому Иоанну Крестителю, принимавший 100 бедняков. Во время роспуска монастырей он был пресечен. Королева Мария восстановила его, и он оставался госпиталем до 1702 года, когда был окончательно закрыт. Как и Уайтфрайерс, и по той же причине, он претендовал на право убежища: поэтому он стал гаванью для людей, о которых говорят: "разбойники и

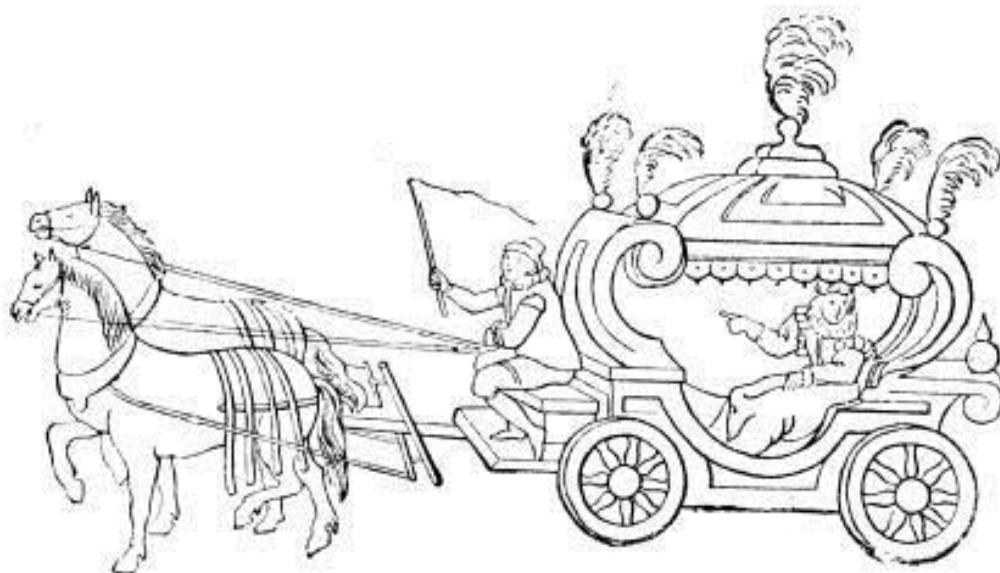
бесхозные люди". В самом Сити много больших садов и открытых пространств. До сих пор сохранились дворы Серых монахов, где сейчас находится школа, сады на месте монастыря Остинских монахов и сады между Брод-стрит и Бишопсгейт-стрит. Мы не должны думать о Лондоне как о городе, переполненном узкими переулками и дворами, где дома почти касаются своих соседей. Такие дворы встречались только у реки: многие улицы, правда, были узкими, но были и широкие магистрали, такие как Чипсайд, Грейсчерч-стрит, Кэнвик (ныне Кэннон-стрит), Тауэр-стрит и Фенчерч-стрит. Река покрыта лодками: одна из них - баржа с солдатами, которую буксирует четырехвесельная лодка: вьючных лошадей ведут на реку пить: ниже моста начинаются лихтеры: два или три судна пришвартованы у Биллингсгейта: корабли начинаются напротив Тауэра : показаны два или три больших трехмачтовых судна: и два или три судна поменьше, из тех, что называются кетч, шлюп или хой. Вдоль речного фасада Тауэра установлены пушки. Ров Тауэра заполнен водой. На Тауэрском холме стоит постоянная виселица: рядом с ней - какое-то небольшое сооружение, которое, вероятно, является пилулей с колодками.

Таков краткий обзор Лондона по этой карте. Оригинал карты является собственностью корпорации и хранится в библиотеке Гилдхолла. Была сделана факсимильная перепечатка.

41. ЕЛИЗАВЕТИНСКИЙ ЛОНДОН.

ЧАСТЬ II.

Прошло более двухсот лет. Мы покинули Лондон при Трех Эдвардах. Мы находим его при Елизавете. Это был город дворцов-монастырей с великолепными церквями и величественными зданиями: городские дома епископов, аббатов и знатных лордов, каждый из которых мог вместить в себя немалую свиту ливрейщиков и слуг: особняки богатых городских купцов, порой не менее великолепные, чем лорды: залы городских компаний: сто двадцать городских церквей. Посмотрите на Лондон, каким его видел Шекспир. Повсюду развалины монастырей: некоторые здания уничтожены порохом, некоторые снесены: там, где разрушать монастырские часовни было слишком дорого, они используются как склады или мастерские: мраморные памятники похороненным королям и королевам разбиты и унесены: руины трапезной, дортуара, библиотеки, дома главы стоят до сих пор, понемногу разрушаясь по мере того, как камни нужны для строительства : некоторые руины, действительно, сохранились до этого самого века, в частности, ворота Свято-Троицкого Приората, на задней стороне St. Катарины Кри, Лиденхолл-стрит, и некоторые здания женского монастыря Святой Елены, рядом с церковью Великой Святой Елены. Можно подумать, что присутствие всех этих руин должно было опечалить Сити. Но это не так. Жители были настолько глубоко протестантами, что относились к руинам с глубочайшим удовлетворением. Они были знаком избавления от ложного учения, которому учили их новые проповедники. Кроме того, были и другие причины, по которым горожане при королеве Елизавете не могли сожалеть о прошлом.

КАРЕТЫ В

ЦАРСТВОВАНИЕ ЕЛИЗАВЕТЫ.

(Из "Archcæologia".)

Приходские церкви изменились. Стены, некогда покрытые картинами с изображением святых и ангелов, теперь были выскоблены или побелены: вместо алтарей с пылающими светильниками стоял простой стол: больше не было чадающих свечей: не было пышных одеяний для священника и алтарников: священник превратился в проповедника: служба состояла из простых молитв, чтения Библии и проповеди. В очень немногих церквях был орган. В религии не было внешней красоты. Поэтому внешняя красота в самой церкви на триста лет перестала быть желанной. Требовалась лишь аккуратность, достаточно места для всех сидящих и такое расположение, чтобы все могли слышать проповедь. И если при Плантагенетах каждый человек был священником, монахом, офицером или служителем монастыря, то теперь можно было встретить лишь священнослужителя в черной мантии и с женовскими лентами.

Только эта перемена преобразила Лондон. Но были и другие перемены. Большинство крупных дворян покинули Сити. Задолго до их отъезда их ряды сократились до скромного количества: огромные казармы стали бесполезными: они сдавались в аренду и приходили в упадок: некоторые из них были снесены, чтобы освободить место для складов и офисов:

один или два оставались до Великого пожара 1666 года. Среди них были замок Байнарда, расположенный рядом с Блэкфрайерс, и Холодная гавань. Несколько дворян продолжали иметь дома в Сити. Во времена Карла II герцог Букингемский имел дом на Колледж-Хилл, а дворцы вдоль Стрэнда все еще сохранялись.

ГОРОД ИЗ ЮЖНОГО УОРКА.

Место дворцов заняли дома купцов. Они строились либо в форме четырехугольника, стоящего вокруг сада, с клуатром или крытой дорожкой, идущей вокруг, прекрасным примером которой был Грешем-хаус, снесенный в прошлом веке. Но поскольку немногие купцы могли позволить себе строить на таком большом участке, а земля была слишком ценной, чтобы тратить ее на широкие лужайки и открытые дворы, дома строились в четыре или пять этажей, с богатой резьбой по всему фасаду. Дом сэра Пола Пиндера на Бишопсгейт-стрит, снесенный всего год или два назад, был прекрасным примером такого дома. Большой зал отныне строился только в больших загородных домах: в Сити в частном доме богатейших купцов было всего несколько слуг; небольшие комнаты отныне стали правилом: когда устраиваются масштабные развлечения и праздники, можно использовать залы компаний. Низший вид елизаветинских домов до сих пор можно увидеть в Холборне за пределами Стейпл-Инн: на Уайч-стрит: на Суконной ярмарке: и еще в одном или двух местах. Они были узкими: три или четыре этажа в высоту: каждый этаж выступал за пределы нижнего: они были двускатными: окна были решетчатыми, с маленькими ромбовидными стеклами: они были построены из штукатурки и дерева. Кирпичные дома начали строить только во времена правления Якова Первого. Перед каждым домом висела вывеска, на которой была нарисована цифра, по которой дом был известен: некоторые из этих вывесок можно увидеть и сейчас: одна на Холиуэлл-стрит, другая в Айви-лейн, и есть много старых трактиров, которые до сих пор хранят свои старинные вывески.

42. ЕЛИЗАВЕТИНСКИЙ ЛОНДОН.

ЧАСТЬ III.

Население Лондона в это время составляло, возможно, но точно не известно, 150 000 человек. Пригородов не было, если только не считать пригородами Стрэнд и Смитфилд; лондонский горожанин выходил за ворота в открытую местность. Этот факт следует помнить, когда мы думаем об узких улочках. По-прежнему сохранялась главная опасность Сити - пожар, поскольку, хотя лучшие дома строились из камня, низшие, как уже говорилось выше, продолжали возводить из дерева и штукатурки. На улицах не было никакого транспорта, кроме телег, а их число ограничивалось 420. Когда вы думаете о лондонских улицах того времени, вспомните, что на большинстве из них, на всех, кроме оживленных улиц и главных магистралей, почти никогда не было шума грохочущих колес. Вьючные лошади шли друг за другом длинной процессией, нагруженные всякой всячиной; несомненно, были тачки и ручные тележки, но грохот колес еще не был частью повседневного шума.

Лорд-мэр получил от Елизаветы указание всегда держать определенное количество горожан, обученных владению оружием. Когда возникла угроза испанского вторжения, королева приказала немедленно собрать войска. За один день 1000 человек, полностью экипированных, были отправлены в лагерь. Затем было отправлено 10 000 человек и поставлено тридцать восемь кораблей. И люди, и матросы были набраны путем принудительной службы. Постоянную опасность для мира в Сити представляли буйные нравы принтиков: эти парни всегда были готовы выбежать на улицы с криками, готовые напасть или уничтожить все, что было непопулярно в данный момент. Так, в начале правления Генриха VIII, в то время, когда была сильна вражда к иностранным купцам, которых было очень много, помимо ганзейских купцов Стиляра, произошел бунт, в ходе которого было разрушено множество домов иностранцев, многие люди были убиты, Ньюгейт был штурмован и взят, одиннадцать бунтовщиков повешены, а еще 400 предстали перед королем с недоуздом на шее, чтобы получить его помилование. Это событие получило название "Злой майский день". Беспорядочное поведение прентиков продолжалось и в правление Елизаветы, и она приказала маршалу-провокатору, чтобы положить конец этим неприятностям, вешать всех нарушителей порядка, осужденных любым мировым судьей.

Много жалоб поступало на экстравагантность в одежде: Общий совет принял правила на этот счет. Подмастерьям особенно запрещалось одеваться во все, кроме самых теплых и простых материалов. Платье мальчика в синем плаще в точности повторяет одежду подмастерья того времени, включая плоскую шапочку, которую современный носитель этого платья носит в кармане.

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ЧАСТЬ ЛОНДОНА В XV ВЕКЕ, С ИЗОБРАЖЕНИЕМ БАШНИ И СТЕНЫ.

Наказания этого времени гораздо более суровы, чем это было необходимо в эпоху Плантагенетов. Преступников не только проносили в позорной процессии по Сити, но и пороли девушек за безделье, подмастерьев за безнравственность, а мошенников - за продажу товаров с ложным описанием. У Штандарта в Дешевом был установлен "столб реформации"; здесь в воскресенье утром мэр руководил поркой молодых слуг. Когда леди Джейн Грей была провозглашена королевой, одному молодому парню за небрежное отношение к ее титулу прибили уши к столбу, а затем отрезали их; еретиков сжигали, предателей сначала вешали на несколько минут, а затем снимали и разрезали - одно из самых ужасных наказаний, когда-либо применявшихся.

Реформация, подавившая религиозные дома, в то же время подавила госпитали, которые все были религиозными домами, и школы, принадлежавшие религиозным домам. Больницы святого Варфоломея, святого Фомы, святой Марии, святой Марии Вифлеемской, а также более мелкие дома были подавлены. Больных отправили обратно в их собственные дома; братья и сестры были рассеяны. В одном доме содержалось сто слепых, и все они были брошены на произвол судьбы; в другом - несколько престарелых священников, и они были выброшены на улицу. Восемь школ погибли во время Расторжения брака. Некоторое время в Лондоне не было ни школ, ни больниц.

Так продолжаться не могло. Варфоломеевская, Сент-Томасская, Вифлеемская и, при королеве Марии, Савойская больницы были основаны по новому уставу как госпитали. Что касается школ, то школа Святого Павла, которая так и не была закрыта, была пожертвована деканом Колетом; школа Святого Антония продолжала существовать, а на месте дома францисканцев была основана школа "Синий плащ". Мерсеры взяли на себя школу Святого Фомы. Мерчант Тейлоры основали свою школу. В Саутварке были основаны школы Святого Олава и Святого Спасителя. Через несколько лет Чартерхаус был превращен в богадельню и школу.

43. ТОРГОВЛЯ.

ЧАСТЬ I.

В древности Лондон был местом отдыха "иностранных" купцов. Он был богат, потому что "иностранные" купцы привозили и обменивали свои товары в этом порту. До правления короля Альфреда в Англии не строились корабли. Когда в королевстве стало спокойно, он, как говорят, сдал свои корабли в аренду иностранным купцам. Список пошлин, уплаченных иностранными кораблями в правление короля Этельреда II, показывает, что импорт был значительным. Однако иностранные купцы не должны были "отгораживать свои рынки от лондонских мещан", так что розничная торговля оставалась в руках местных жителей. Когда розничная торговля была отделена от оптовой, все, что оставалось лондонским купцам, - это сбор, складирование и продажа экспортируемых товаров. Разумно предположить, что иностранные купцы, приезжающие в Сити из года в год, сочли бы полезным иметь постоянное поселение - пристань со своими офицерами и слугами. Такое поселение, несомненно, было разрешено с самых ранних времен. Но в 1169 году была основана торговая ассоциация, которая по богатству, успеху и значимости могла бы сравниться с нашей Ост-Индской компанией. Это был Ганзейский союз (названный так от слова *Hansa* - съезд). В него объединились: сначала двенадцать городов на Балтике, во главе с Любеком; затем шестьдесят-четыре и даже восемьдесят немецких городов. Сначала они объединились для защиты от пиратов, но вскоре стали величайшей торговой компанией того времени. В правление Генриха III Лига получила Королевскую хартию, предоставлявшую им право постоянного проживания в одном из районов Лондона. Им было разрешено иметь постоянное представительство в месте, называемом Steelyard - i.e. место, где раньше находился Steelyard или Весы, на определенных условиях, включая уплату таможенных пошлин. Их называли купцами Стилярда: они сразу же привлекли к себе всю торговлю Англии с северными портами и оставались там почти 400 лет.

Была и другая ассоциация иностранцев, называвшаяся "Купцы скобы". То есть они торговали тем, что называлось "основными товарами" Англии - сырьем, таким как свинец, олово, шерсть и т. д. Однако постепенно слово "скрепка" стало применяться исключительно к шерсти как важнейшему предмету экспорта. Лорд-канцлер и по сей день восседает на шерстяном мешке. Купцы скрепок слились с купцами стального двора.

Эти иностранные купцы всегда были крайне непопулярны среди лондонцев, которые завидовали их богатству, нажитому, по их мнению, за счет Сити, не понимая долгое время, что тот же путь к богатству открыт и для них самих. Когда они начали пускать торговые суда за свой счет, то сначала искали южные порты, отправляясь в Данкерк, Слүйс, Руан, Гавр, Бордо, Лиссабон и даже в порты Средиземного моря. Торговля Уиттингтона была полностью связана с югом. Не в Любеке или на берегах Балтики он находил свои золотые ткани, богатые бархаты, шелка, золотое шитье, душистое дерево, вина, драгоценные камни. А причина, по которой он посылал свои корабли на Юг, заключалась в том, что торговля Севера находилась в руках Стилиарда.

Эдуард III, кажется, первым из наших королей понял ценность мануфактур и внешней торговли. Он впервые принял законы о ремонте дорог: при нем авантюристов-купцов поощряли и помогали им: он впервые стимулировал производство английских тканей вместо продажи нашей шерсти: при нем судоходство лондонских купцов стало расти и развиваться. Иностранцы по-прежнему занимали Стальной двор: нашим купцам по-прежнему был закрыт доступ в северные порты: другие иностранцы получили разрешение на поселение:

даже ремесленники приезжали из Германии и Низких стран и занимались своим ремеслом в Лондоне. Ричард III, желая угодить горожанам, приказал изгнать их, но не похуже, чтобы приказ был выполнен. Генрих VII, напротив, убедил многих фламандских производителей шерсти приехать в эту страну.

В начале XVI века экспорт английских тканей иностранными купцами составил 44 000 штук, в то время как английские корабли увезли не более 1 000 штук. Когда у наших купцов появились корабли и то, что можно назвать механизмами торговли: рынок, пристани, разрешение на покупку и продажу, - очевидно, что прежнее положение вещей больше не могло продолжаться. Однако только в правление Эдуарда VI иностранные купцы были окончательно лишены всех своих привилегий и хартий.

Убрав с дороги этих конкурентов с их мощными организациями и владением всеми северными портами, английские купцы начали разворачивать свои предприятия во всех направлениях. Вы сразу же увидите, как они процветали.

Пока же в память о Ганзейском союзе воздвигнут монумент. В правление королевы Анны гамбургские купцы подарили церкви, где в течение 400 лет служили купцы Стального двора, великолепную ширму из резного дерева. Если церковь, которой уже угрожает разрушение, не снесут, вам стоит сходить посмотреть на эту ширму и вспомнить все, что она означает и о чем напоминает.

44. ТОРГОВЛЯ.

ЧАСТЬ II.

Английская торговля, то есть торговля в английских руках, практически началась с Эдуарда III и, медленно увеличиваясь при его преемниках, получила огромное развитие при Елизавете. Этот рост был вызван несколькими причинами. В первую очередь, отмена Стального двора, хотя и была предписана Эдуардом VI, была полностью осуществлена лишь спустя много лет. За это время купцы узнали, какие огромные возможности откроются перед ними, когда этот инкуб будет устранен. Далее, великий соперник Лондона, Антверпен, как и остальные Нидерланды, страдал от религиозных войн. В-третьих, благодаря мудрым и дальновидным действиям Грешема торговый центр северного мира переместился из этого города в Лондон.

Антверпен в пятнадцатом веке был самым богатым и процветающим городом Западной Европы. В нем проживало 200 000 жителей, что намного больше, чем можно было насчитать в Лондоне: 5000 купцов ежедневно собирались на бирже для ведения дел: 2500 судов можно было насчитать на реке: 500 груженных повозок ежедневно прибывали из страны. Это был порт великих и богатых городов-производителей Брюгге и Гента. В последнем городе насчитывалось 40 000 ткачей, а армия из 80 000 человек, полностью вооруженная и экипированная, могла быть собрана в любой момент. Первый город, Брюгге, был рынком - настоящим торговым центром мира. Сюда приезжали купцы из Венеции и Генуи, привозя с Востока шелка, бархат, золотые ткани, пряности и драгоценные камни, чтобы обменять их на английскую шерсть и продукцию Германии и Балтики.

КОРОЛЬ

ЭДУАРД VI.

(С картины, принадлежащей Х. Хаксу Гиббсу, эск.)

Религиозные войны шестнадцатого века: свирепость, жестокость и дикость этих войн обезлюдили и разорили эту богатую и процветающую страну: инквизиция изгнала тысячи фламандцев, трудолюбивых и организованных людей, в Англию, где они основали шелковые мануфактуры: а торговля, которая была полностью в руках антверпенских судовладельцев, была перенаправлена и ушла через узкие моря в Лондон, где она с тех пор и осталась.

До разорения Антверпена, Брюгге и Гента именно из этих городов английские короли получали свои займы. Они были взяты купцами из Низких стран под 14 процентов. Этот огромный процент, который тогда считался вполне умеренным и разумным, объясняет, как купцы того времени стали такими богатыми. Кроме того, часть займов часто приходилось брать в драгоценностях. Для ведения переговоров по этим займам и выплаты процентов в Антверпене содержался агент английского государя, называемый королевским агентом. К

большому счастью для Лондона, королевским агентом при Эдуарде VI, Марии и в первые годы правления Елизаветы был сэр Томас Грешем.

Вы должны узнать кое-что об этом великом человеке. Он был сыном сэра Ричарда Грешема, бывшего лорд-мэра: племянником сэра Джона Грешема, тоже лорд-мэра (который сохранил Вифлеемский госпиталь после роспуска религиозных домов): он происходил из норфолкской семьи, первоначально из деревни Грешем: как и Уиттингтон, он был нежного происхождения. Образование он получил в Кембридже: после получения диплома он поступил в подмастерья к своему дяде, а в возрасте двадцати четырех лет был принят в Мерсерскую компанию. Следует отметить, что с самого начала молодой человек имел все преимущества - хорошее рождение, хорошее образование, хорошее общество и богатство.

СЭР ТОМАС

ГРЕШЕМ.

В возрасте тридцати двух лет он был назначен королевским агентом в Антверпене. В это время город находился на пике своего великолепия и процветания. Грешем гулял по длинным набережным, смотрел на вереницы кораблей, видел реку, оживленную лодками и баржами, загружающимися и разгружающимися, наблюдал за толпой купцов на бирже,

видел дворцы, ряды и улицы дворцов, в которых они жили, думал о Лондоне, который раньше воспринимал с такой гордостью, хотя теперь понял, что он даже беден и тих по сравнению с этим многолюдным центром огромной торговли - ведь город, который он считал завистью всего мира, мог выставить не более 317 купцов против 5000 в Антверпене: и те, хотя среди них и было несколько уважаемых богачей, не могли собрать в долг даже 10 000 ливров. Королю пришлось отправиться за границу за деньгами и заплатить за них 14 процентов. Тогда он начал спрашивать себя, нельзя ли сделать что-нибудь, чтобы перенести часть этой торговли в свой родной город.

ПЕРВЫЙ

КОРОЛЕВСКИЙ ОБМЕН.

Прежде всего он занялся снижением процента. Ему удалось снизить его с четырнадцати процентов до двенадцати и даже до десяти. Выигрыш в четыре процента при займе, скажем, 60 000 фунтов *стерлингов* означал экономию 2 400 фунтов *стерлингов* в год.

Вернувшись в Англию, он привез с собой открытие, которое кажется простым. Однако людям сложнее всего понять его: мы постоянно открываем его для себя, снова и снова.

Его открытие заключалось в следующем - оно применимо к любому виду бизнеса и предпринимательства - объединение усилий приведет к тому, что одиночные усилия окажутся бессильными. Город веками постигал это в вопросах управления: теперь им предстояло узнать то же самое в вопросах торговли. У купцов Антверпена было центральное место, где они могли собираться для объединения и сотрудничества. У лондонских купцов такого места не было. До сих пор союзы практиковались только для регулирования торговых

цен и работы. Правда, существовали купцы-авантюристы, но дух предпринимательства пока распространялся очень слабо.

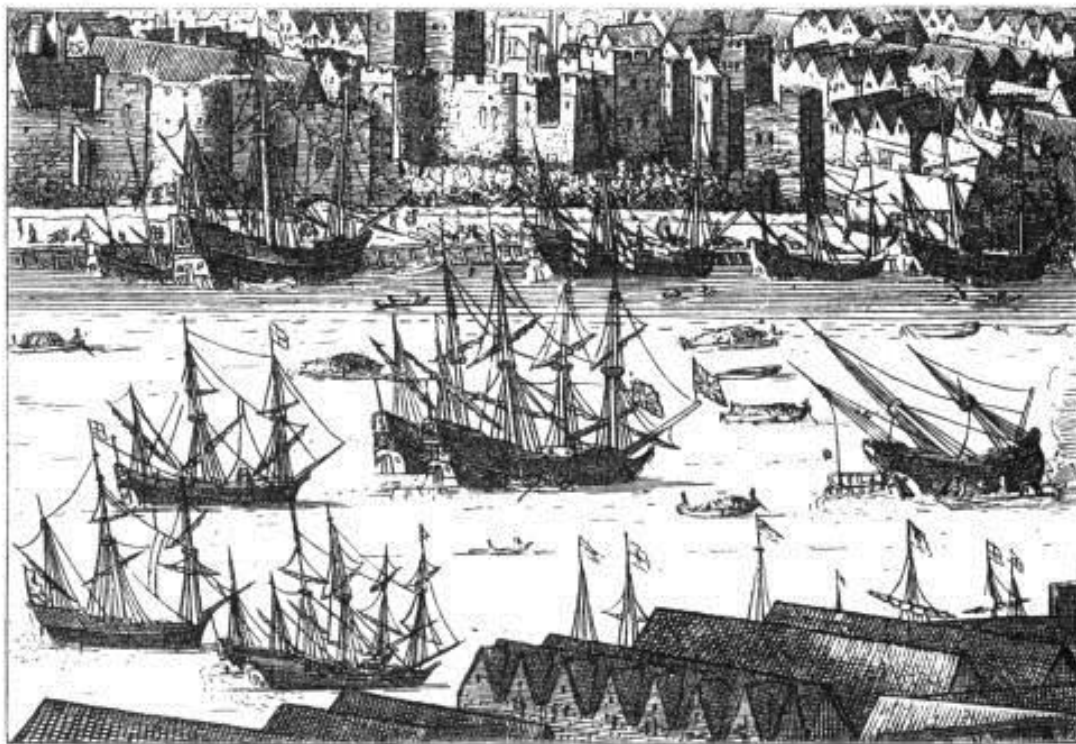
Грешем решил создать для своих сограждан такую биржу, какой на протяжении веков пользовались купцы Антверпена. Он построил свою биржу; он подарил ее городу; он подарил ее как место встречи купцов; он подарил ее для развития предпринимательства. Королева открыла ее с большой торжественностью и назвала Королевской биржей. Она стояла точно на том месте, где сейчас находится Королевская биржа, но вход в нее был с южной стороны, а не с западной. И никогда ни одному городу не было сделано более благородного, более дальновидного, более мудрого или приносящего больше пользы дара".

45. ТОРГОВЛЯ.

ЧАСТЬ III.

Купцы получили свою биржу. Что они на ней делали? Они делали на ней самые замечательные вещи. Большого никогда не делали ни на одной бирже. Впервые они получили возможность действовать сообща, и это была самая благоприятная возможность, которая когда-либо выпадала на долю любого торгового сообщества. Хартии иностранцев были отменены: рынки Брюгге были подавлены из-за начавшихся гражданских войн: сам город вместе с Антверпеном и Гентом находился на грани разорения. Путь был открыт, и дух предпринимательства пробудился. В обычные времена его пробуждала бы только любовь к наживе. Но это были не обычные времена. Жителям Западной Европы потребовалось сто лет, чтобы понять, что Колумб обогнул мир вдвое: за океаном открылся новый континент. Они начали посылать туда свои корабли: никто еще не знал возможностей этого континента с его островами: испанцы были первыми, но французы и англичане начали претендовать на свою долю. Затем был найден путь в Индию и на Восток: мы больше не должны были зависеть от венецианцев в отношении товаров из Персии, Индии, Молуккских островов, Китая. Все эти буйные и беспокойные духи, которые не могли успокоиться на мирных ремеслах или скучной кабинетной жизни, жаждали оказаться на борту корабля, плывущего на Запад. Там их ждала удача: удача, связанная с борьбой, лишениями, выносливостью - возможно, смертью от лихорадки или в бою: но все же славная жизнь. Или же они могли плыть на юг и обогнуть мыс Доброй Надежды, который сначала называли мысом Бурь, и пересечь Индийский океан до порта Каликут, где можно было торговать. Даже в этом плавании было достаточно опасностей, чтобы искушить самых отважных: Мавританские пираты у берегов Марокко: европейские пираты - английские пираты, выходящие из рек и портов Западной Африки: штормы у мыса: ураганы в Индийском океане: скалы и рифы еще не исследованных морей: вероломство туземцев. Однако никогда не было недостатка в людях, готовых добровольно отправиться в эти долгие и опасные плаванья. На родине дух предприимчивости, соединенный с духом авантюризма, достиг могущественных результатов. Купцы-авантюристы, получившие часть торговли Ганзейского союза, основали "суды", то есть отделения в Антверпене, Гамбурге и Дордрехте; у них также были суды в Йорке, Халле и Ньюкасле. Было основано множество других компаний. Была компания Истленда или купцов из Эббинга. Они торговали с Балтикой. Была "Торговая компания искателей приключений для открытия земель, ранее не известных англичанам и не посещаемых ими". Впоследствии она стала Русской компанией. Они отправили сэра Хью Уиллоуби с тремя кораблями, чтобы найти северо-восточный проход в Китай. Он и все его люди замерзли насмерть на берегах русской Лапландии. После этого компания занялась китобойным промыслом. Существовала

также Турецкая компания, которая просуществовала вплоть до нашего века. Существовала Королевская африканская компания, которая была возрождена. Были Купцы Испании: Купцы Франции: Купцы Вирджинии: Ост-Индская компания: Компания Гудзонова залива: Компания Южных морей: Гвинейская компания: Канарская компания. Некоторые из этих компаний были основаны позже, но все они проистекают из духа предпринимательства, впервые зародившегося в Грешеме, когда он построил свою биржу и собрал купцов вместе.

СУДОХОДСТВО

НА ТЕМЗЕ, ОКОЛО 1660 ГОДА.

(Из "Южного проспекта Лондона" Прайка).

Процветание Сити росло и продолжало расти на протяжении трехсот лет, прошедших с тех пор, как королева Елизавета открыла Королевскую биржу. Будет ли это процветание расти и дальше; приведут ли силы, пока еще незаметные, к упадку Лондона, никто не берется предсказать. Антверпен может снова стать ее соперником, а может и превзойти ее; значение порта Антверпена ежегодно растет, а порт Гамбурга, расположенный дальше к северу, имеет, как и Ливерпуль, свои мили набережных и пристаней и свои сотни судов. Но лондонская торговля по-прежнему намного превосходит торговлю любого другого порта в мире, и за ее трехсотлетнее процветание мы должны благодарить, прежде всего, мудрого купца сэра Томаса Грешема.

СЭР ФРЭНСИС

ДРЕЙК НА СОРОК ТРЕТЬЕМ ГОДУ ЖИЗНИ.
(С гравюры Эльстрака.)

Он сделал больше, чем просто дал городу биржу. Он подарил колледж: он отдал свой дом на Брод-стрит под колледж: он наделил его профессорскими званиями: он намеревался, чтобы он стал для Лондона тем же, чем Крайст-Черч был для Оксфорда, или Тринити для Кембриджа. Сейчас он превращен в место для чтения лекций, но есть признаки того, что в Сити снова появится такой колледж, как задумывал Грешем.

46. ПЬЕСЫ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ.

ЧАСТЬ I.

До правления королевы Елизаветы в Англии не было ни театров, ни пьес. Это утверждение верно, но требует пояснения. Дело не в том, что не было актерского мастерства. Напротив, актерская игра в том или ином виде существовала всегда. Актерское мастерство присутствовало на ярмарках, где "Дешевый Джек" и "Кряк" держали своих кувыркающихся мальчиков и клоунов, чтобы привлечь толпу. Всегда были менестрели и кувыркатели, мужчины и женщины, которые играли, пели, танцевали и кувыркались в зале для развлечения больших людей долгими зимними вечерами. Не считая бродячих муммеров, театру предшествовали религиозная драма, паж и маска.

Религиозная драма обычно разыгрывалась в церквях, но иногда на рыночных площадях и перед церквями. Они представляли сцены из Библии и деяния святых. Во времена, когда люди не умели читать, такие представления представляли Священную историю в наиболее яркой форме. Никто не мог забыть ни одной детали Страстей Господних, если однажды видел их в мистерии, в полном облачении, с соответствующими словами и действиями, с музыкой. В 1409 году в Клеркенвелле была поставлена пьеса, представляющая Сотворение мира. Она длилась восемь дней, и за ней наблюдало огромное количество зрителей всех сословий. Здесь были показаны рай, наши первые родители, наставления Творца, падение и изгнание. Такое зрелище было лучше сотни проповедей для обучения народа.

Пьесы, как правило, не были такими длинными и амбициозными. В них разыгрывались отдельные сцены: два человека из Эммауса встречают воскресшего Господа: воскрешение Лазаря: рождение Христа: потоп: падение Люцифера: вифлеемские пастухи и другие сцены. Мистерии или священные пьесы были воскресной школой средневековья. По этим пьесам изучали всю историю Священного Писания. В церквях преподавали отдельные фрагменты с помощью фресок на стенах, расписных окон и резьбы: но история в ее последовательности преподавалась в Священных драмах.

У нас есть очень полные отчеты об одной чудо-пьесе, которая ежегодно разыгрывалась гильдиями города Честера. Она разыгрывалась на Уитсунтид и длилась три дня. Пьеса начиналась с "Падения Люцифера", которое исполняли кожевники: затем швеи играли "Сотворение", потом "Потоп" и так далее. В первый день было сыграно девять пьес, во второй - девять, в третий - семь. Каждая гильдия предоставила подмости на колесиках. Подмости снабжались навесом, который изображал небо, или крышу дома, или палатку, или пещеру, в зависимости от пьесы: исполнители были одеты соответственно своим ролям: звучала музыка, а в некоторых случаях и песни. Под эшафотом находилась комната, где одевались актеры и хранилось их "имущество". Каждая пьеса разыгрывалась на каждой главной улице. По окончании одной из них эшафот перекатывали на другую станцию, и спектакль повторялся. Такой способ предотвращал скопление людей. На этих спектаклях выставлялись самые святые личности, и ничего не жалели, чтобы сделать их реалистичными до последней степени. Иногда на сцену выводили дьяволов: из их ртов вырывалось пламя: они показывали шутовские трюки: утаскивали грешников на верную гибель. Иногда вводились комические сцены, как, например, в пьесе "Потоп", где жену Ноя было принято представлять как строптивую женщину, которая бьет своего мужа и отказывается войти в ковчег.

Эти пьесы были сметены Реформацией. Долгое время они приносили скорее вред, чем назидание. Сквернословие комических сцен усилилось, и благоговение было разрушено,

когда в одной и той же сцене, представляющей самые священные события, появлялись самые разнузданные шуты. Религиозные пьесы не разрешались со времен Реформации. Если они снова выйдут на сцену, то должны быть под охраной тех, кому можно доверять, что они не допустят ничего другого, кроме представления в наиболее благоговейной манере священных предметов. У тех, кто руководит постановкой таких пьес, и у тех, кто играет в них, не должно быть никаких мыслей о выгоде. Многие сцены и события Библии прекрасно подходят для драматического воплощения. Но выбор их не должен быть оставлен на усмотрение арендатора театра, равно как и постановка таких пьес не должна быть разрешена тем, кто живет тем, что смешит народ.

47. ПЬЕСЫ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ.

ЧАСТЬ II.

После религиозных драм наступило время зрелищ и представлений. Представления устраивались по любому торжественному случаю: чтобы приветствовать государя, чествовать нового лорд-мэра, праздновать победу. Тогда они возводили триумфальные арки, украшенные замками, кораблями, домами, пещерами - всевозможными вещами из пастельного картона. Они либо несли с собой, как часть процессии, либо ставили в определенном месте городских гигантов. Лондон был не одинок в наличии гигантов. Городскими гигантами обладали Йорк, Норвич, Честер. В Бельгии городского великана до сих пор несут в процессии в Антверпене, Дуэ и других городах. Фигура великана символизировала силу и мощь города. После Азенкура Генриха V у южных ворот Лондонского моста встречали два великана: его сына, Генриха VI, семнадцать лет спустя тоже встречал великан. Два гиганта стояли на Лондонском мосту, приветствуя Филиппа и Марию: те же двое в Темпл-Баре впоследствии приветствовали Елизавету. Пара великанов, которые сейчас находятся в Гилдхолле, были вырезаны в 1707 году. Имена Гог и Магог ошибочны. Первоначально их звали Гогмагог и Коринеус.

В книге Стоу "Лондон" сохранился следующий рассказ о представлении в честь возвращения победителя Генриха V после Азенкура.

Мэр и олдермены, одетые в алое, с ошейниками и цепями, с 400 горожанами в "мурри", все хорошо одетые, выехали встречать короля в Блэкхит. Затем, после официальных приветствий, все они поскакали в Лондон. В Саутварке короля встречало все лондонское духовенство в самых роскошных одеяниях, с крестами и кадилами. У входа на Лондонский мост, на вершине башни, стояла пара великанов, мужчина и женщина, первый из которых держал в правой руке топор, а в левой - ключи от Сити. Вокруг них стояла группа трубачей.

На разводном мосту возвышались две высокие колонны, на одной из которых стояла антилопа, а на другой лев - оба герба короля.

На другом конце моста находилась еще одна башня, а внутри нее - образ святого Георгия с большим количеством мальчиков, изображающих ангелов. Они пели гимн "Благодари, Англия, Бога за победу". Предполагается, что этот гимн сохранился в песне "Наш король отправился в Нормандию".

На Корнхилле был возведен шатер из малиновой ткани, украшенный гербом короля. Внутри него находилась компания "пророков" в золотых плащах. При приближении короля они

выпустили на волю множество маленьких птичек, которые порхали вокруг, пока "пророки" пели "Cantate Domino canticum novum" - "Пойте Господу новую песнь".

В Чипсайте канал был завешен зеленью. Здесь сидели двенадцать апостолов и двенадцать королей, мучеников и исповедников Англии. Они также пели песнопения и заставляли водовод наполняться вином. Это символизировало принятие Авраама Мелхиседеком.

Над Крестом Чепе возвышалась высокая башня из дерева, покрытая со всех сторон великолепными гербами. Перед ней находился помост, на который выходила толпа девушек с бубнами, танцующих и поющих. Так девы приветствовали Давида, когда он возвращался после расправы над Голиафом. А вокруг здания стояли толпы мальчиков, представлявших небесное воинство, которые осыпали его монетами, похожими на золото, и ветвями лавра, и пели "Te Deum Laudamus".

Наконец, в западном конце Чепе находилась еще одна башня. В каждом углу ее стояла девушка, которая из чаши сыпала золотые листья к ногам короля. И еще был высокий балдахин, расписанный голубыми цветами и звездами, а под ним золотая фигура, изображающая солнце в окружении ангелов, поющих и играющих на всевозможных музыкальных инструментах.

Убедившись в этом, король отправился в собор Святого Павла, чтобы отдать дань уважения.

Когда вы читаете этот скудный рассказ об одном из величайших представлений, когда-либо отмечавшихся в городе, вы должны заполнить его, представив себе длинную процессию, каждый на своем месте. Трубачи, стрелки из лука в кожаных камзолах, оруженосцы в блестящих шлемах и кирасах, всадники в полном вооружении, рыцари, дворяне, герольды - все в полном облачении, со знаменами и баннеретами, епископ и все духовенство, король и его свита, лорд-мэр и четыреста его приближенных. Представьте себе звуки труб, пение песнопений, рев народа, пунцовые занавески вдоль всей линии шествия у каждого окна. Не было полиции, которая следила бы за порядком: вы могли бы увидеть, как из таверн выбегают бургеры с блекджеками Мальмси, чтобы поздравить доблестных солдат, которые сражались и одержали победу. Вы увидите короля с обнаженной головой. Почему он был босым? Потому что он был так скромен - этот храбрый король. Потому что он не хотел, чтобы люди видели его шлем, изукрашенный следами и шрамами тяжелой битвы, в которой он сыграл свою роль не хуже любого скромного лукаря в кожаной кольчуге. Ваши предки, эти солдаты и эти горожане: ваши предки. Они знали, гораздо лучше, чем вы когда-либо узнаете, как организовать галантный спектакль. Мы утратили искусство устраивать представления. Оно остается с нами - раз в год в шоу лорд-мэра. Но только подумайте, как скачет Генрих в Лондон по сравнению с шоу лорд-мэра!

48. ПЬЕСЫ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ.

ЧАСТЬ III.

Между представлениями и пьесами стоит маска, форма развлечения, которая достигла своего наибольшего великолепия как в сценическом оформлении, так и в словах и песнях в царствования Елизаветы и Якова I. Нигде маска не была так тщательно изучена и так великолепно представлена, как в Лондоне. Сценическая демонстрация, которая в раннем театре была столь скудной, в "Масках" была поднята на высоту, никогда не превзойденную до

великолепных шоу наших дней. Величайшие поэты также не гнушались писать слова для "Масок". Самые прекрасные из тех, что сохранились, можно найти в произведениях Бена Джонсона. В доме каждого великого человека был зал, который использовался для масок. Бэкон, давая указания по строительству дома, предписывает, что в нем должна быть комната, специально построенная для этих представлений. Под ним должна быть еще одна комната для переодевания актеров и для "имущества", то есть вещей, необходимых для представления масок, таких как декорации, лес, фонтаны, скалы, дворцы и т. д., которые могут потребоваться. Давайте покажем, что такое маска, описав одну из масок Бена Джонсона. Она называется "Маска Оберона" и была исполнена перед принцем Генрихом, старшим сыном Якова I, умершим в юности.

Сцена представляет собой скалу с деревьями за ней и "всю дикость, которую только можно представить". Все темно. Вскоре восходящая луна показывает сатира - одно из существ, которыми древние населяли леса и дикие места. Их рисовали с ногами и ступнями козла, короткими рогами на голове и телом, покрытым густой шерстью. Сатир поднимает голову и зовет своих спутников. Ему не отвечают. Он дует в свой корнет. Ему отвечает эхо. Он снова дует, и эхо снова насмехается над ним. Он дует в третий раз, и на сцену выходят другие сатиры, прыгая и танцуя. Силенус, их предводитель, велит им приготовиться к встрече с юным принцем Обероном.

Сцена открывается: скалы и леса исчезают: появляется великолепный дворец, стены и ворота которого прозрачны. Перед воротами спят два "сильвана", то есть лесных человека. Сатиры собираются вокруг этих спящих часовых и будят их пением:

Жужжит, жужжит голубая муха:
Жужжит, жужжит пчела:
Жужжат и жужжат они.
И мы тоже.
В ухо, в нос,
Так вы видите? (Они щекочут их.)
Он съел дремлющую мышь.
Иначе это был бы он.

Сильванцы просыпаются: они объясняют, что ворота еще рано открывать. А пока пусть поют и танцуют, чтобы скоротать время. Один из них поет. После песни они пускаются в "античный танец, полный жестов и стремительных движений", и так продолжается до тех пор, пока крик петуха не дает сигнал открыть весь дворец. Это похоже на сцену превращения в пантомиме. Вот дворец со всеми его обитателями - "всем народом фей", или фей. Кто-то играет на музыкальных инструментах, кто-то поет, кто-то несет светильники: в глубине сцены сидят "рыцари-маскарадники". С ними Оберон в своей колеснице. А затем, запряженная двумя белыми медведями, охраняемая тремя сильванами с каждой стороны, колесница движется по сцене. Обратите внимание, что для создания всех этих эффектов сцена должна была быть очень глубокой. Песня, которую они поют, восхваляет короля:

Растопи землю в море, море перелей в воздух,
А воздух - в огонь,
Пока мы в мелодии к креслу Артура
Исполняем желание Оберона:
Выше которого нет ничего.

Кроме Джеймса, к которому оно летит:
Но он - чудо языков, ушей и глаз...

Сатиры прыгают и пляшут от радости при виде такого великолепного зрелища.

Затем Силен говорит о принце Обероне, который, конечно же, является принцем Генрихом, старшим сыном Иакова, умершего молодым. Лесть не хуже, чем обычно в масках. Силен говорит, что принц...

Не дает времени стареть,
И держит возраст в золотой голове.
Он делает ее вечно день и вечно весна
Когда он сияет и все ускоряет.

Затем двое фей поют песню, и все фей танцуют, после чего все вместе поют. Затем Оберон и его рыцари танцуют. Затем следует еще одна песня. Затем они все вместе танцуют "меры, коранто и гальярды", пока не появляется дневная звезда Фосфор и не зовет их прочь.

На отдых! На покой! Предвестник дня,
Яркий Фосфор повелевает вам идти. Повинуйтесь.

Они быстро танцуют свой последний танец, один за другим попадая во дворец. Затем Звезда исчезает, наступает день, и во время исполнения последней песни "машина закрывается", то есть Дворец становится стеной комнаты, и представление заканчивается. Этой красивой песней заканчивается маска:

О, как рано и до срока
Завистливое утро поднимается,
Хоть не любит она свою постель!
Как спешит ревнивое солнце
Своих огненных коней поднять
И еще раз показать свою голову!
Чтобы, увлекшись яркостью этой ночи,
мир желает, чтобы она была последней и никогда не упускала его свет.

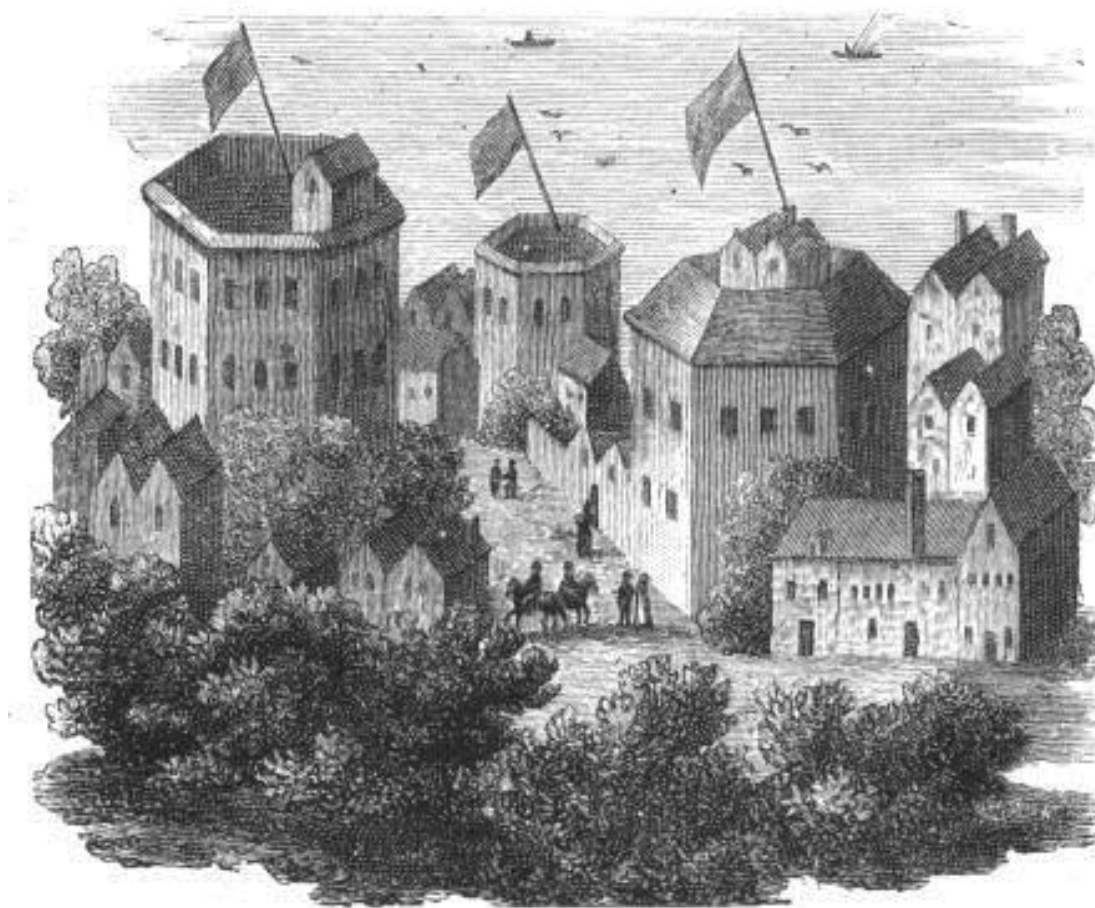
49. ПЬЕСЫ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ.

ЧАСТЬ IV.

Через религиозную драму, представление, маскарад мы переходим к собственно пьесе. Первые зачатки современной драмы должны быть здесь пропущены: грубые и неоформленные комедии, такие как "Игла Гаммера Гуртона", исполняемые в зале колледжа, или трагедии, разыгрываемые на досках, расстеленных на повозке во дворе постоянного двора. Предположим, что мы миновали начало и попали во времена Шекспира - то есть в конец правления королевы Елизаветы и весь период царствования Якова I.

Первый театр был построен в 1570 году. Через тридцать лет их было уже семь. Перед королевой выступали детские труппы. Это были мальчики из хоров собора Святого Павла, Вестминстера, Уайтхолла и Виндзора. Актеры называли себя слугами какого-нибудь великого лорда. Лорд Лестер, лорд Уорик, лорд Пемброк, лорд Говард, граф Эссекс и другие - все они имели свою труппу актеров, но не все одновременно. Главные дома находились в Саутварке, особенно на Бэнк-Сайде, где их было три, включая знаменитый "Глобус": "Блэкфрайерс Плейхаус", "Фортуна" в Голден-Лейн и "Занавес" в Шордиче. Если вы посмотрите на карту, то заметите, что ни один из этих театров не находится в пределах Сити - тот, что в Блэкфрайерсе, располагался на территории бывшего участка доминиканцев и находился за пределами Сити. Ни один театр не был разрешен в Сити. Так рано зародилось предубеждение против актеров. Вероятно, оно было давним и относилось к тому времени, когда менестрели и трюкачи, музыканты и танцовщицы, шуты и актеры, бродили по стране без правил и дисциплины, ведя беспечную и незаконную жизнь.

Театр был восьмиугольным по форме, но круглым внутри. То, что мы называем ямой, называлось "ярдом". Сцена выступала в "двор" на высоту около трех-четырех футов. Людей, заполнявших "двор", называли "землянами". Вокруг дома располагались три галереи, самая нижняя из которых содержала "комнаты" или частные ложи: то, что мы называем верхним кругом и галереей, находилось выше. В яме, как и в верхних кругах, не было сидений. По обеим сторонам сцены сидели или лежали джентльмены, в основном молодые, которые курили трубки с табаком и громко разговаривали, мешая представлению. В задней части сцены было нечто вроде верхнего помоста, поддерживаемого колоннами, на которых игроки могли изобразить башню, галерею, стену, город, верхний этаж дома или все, что им заблагорассудится. Перед началом пьесы и между актами шла большая продажа яблок, орехов и эля: мальчишки торговали новейшими книгами о "комнатах": люди в ожидании курили трубки, играли в карты. Над сценой с одной стороны была "музыка". Трижды прозвучали трубы. При первой те, кто был снаружи, поспешили занять места: при второй карточные игроки оставили свои игры: при третьей те, кто орал яблоками и элем и выкрикивал название новой книги, умолкли: зрители расселись: игра началась. Костюмов требовалось немного: елизаветинский дворянин-куртизан-молодой рыцарь-клоун подходил любому возрасту. Декораций требовалось немного: синие вешалки наверху означали день, черные - ночь: актеры выходили на авансцену и играли свои роли. Несомненно, иллюзия была настолько полной, насколько мы можем ее создать при всех наших декорациях, монтировках и правильности костюмов.

ТЕАТР

"ГЛОБУС".

Женские роли исполняли мальчики. Женщины не появлялись на сцене вплоть до правления Карла II. Пьеса начиналась с пролога, который произносил актер, одетый в длинный черный бархатный плащ, очень скромно кланяясь зрителям. После окончания пьесы клоуны начинали кувыраться и петь. Одним словом, фарс сменился трагедией. Время представления было назначено на час дня, а продолжалось оно до пяти.

В 1610 году лорд-мэр и олдермены, встревоженные растущей популярностью пьесы, распорядились, чтобы в городе было только два театра: "Фортуна" в Золотом переулке и "Глобус" в Бэнксайде. Однако этот приказ, как и многие другие законы, был принят только для того, чтобы удовлетворить мимолетный испуг, и, похоже, не был приведен в исполнение. Именно в таком театре и с такими декорациями были поставлены бессмертные пьесы Шекспира и Бена Джонсона. Когда в следующий раз вы будете читать пьесу Шекспира, вспомните сцену, выступающую в яму; людей, стоящих в яме, галантов на сцене, разговаривающих и курящих, дам в ложах, мальчиков, наслаждающихся яблоками, орехами, элем и новыми книгами, и актеров, играющих частично на сцене впереди, частично на сцене позади.

50. УЖАС ЧУМЫ.

ЧАСТЬ I.

Вы увидели Город таким, каким он предстал перед тем, кто ходил по его улицам и наблюдал за людьми. Он был свободен, оживлен и процветающ, за исключением редких случаев, когда внутренние раздоры, гражданские войны в стране или притязания государя нарушали покой города. За этим процветанием, однако, скрывались на протяжении всего средневековья и вплоть до двухсот лет назад четыре великих и постоянно присутствующих ужаса. Первый - ужас проказы, второй - ужас голода, третий - ужас чумы, последний - ужас пожара.

ГРАЖДАНСКИЙ КОСТЮМ ОКОЛО 1620 ГОДА.

(Из современного ширпотреба.)

КОСТЮМ АДВОКАТА.

(Из рекламного ролика, датированного 1623 годом.)

Что касается первых двух, то мы видели, как за каждым городом устанавливались лазарные дома и как строились общественные амбары. Давайте рассмотрим третий. Чума вспыхивала так часто, что в период с X по XVII век почти не было времени, когда какой-нибудь живой человек не помнил бы визита этого ужасного бедствия. Впервые она появилась в Лондоне - то есть первое упоминание о ней встречается в истории - в 962 году: в 1094 году: в 1111 году: затем, похоже, наступила передышка на 250 лет. В 1348 году чума унесла многие тысячи людей: в 1361 году она появилась снова: в 1367 и 1369 годах. В 1407 году в одном только Лондоне () от чумы погибло 30 000 человек. В 1478 году по всей стране свирепствовала чума, которая, как говорят, уничтожила больше людей, чем Война Роз. Но мы должны принять все средневековые оценки численности как свидетельствующие не более чем о большой смертности. С шестнадцатого века начался период в сто шестьдесят лет, отмеченный постоянными приступами чумы, с каждым разом все более смертоносными и более распространенными. Ничто так наглядно не показывает условия человеческой жизни, как история чумы в Лондоне. Мы живем в мире среди опасностей, и нам приходится самим искать способы борьбы с ними и защиты. Так, в стенах Сити скопилось огромное количество людей. Все улицы были узкими: дома, как правило, трех- и более этажные, построенные спереди так, чтобы препятствовать свету и воздуху; было много дворов, в которых дома были просто лачугами; не было никакого водоотвода: на улицах валялся всякий мусор: все, что требовалось для повседневной жизни, производилось в городе, что добавляло тысячу шумных запахов и вредных отходов. Потом пришла Чума, унесла тысячи людей и исчезла. Оставшиеся в живых продолжали жить как обычно. Ничего не изменилось. И все же Чума была голосом, который громко говорил. Он говорил: "Очиститесь: перестаньте осквернять почву Города своей гнилью: стройте свои дома на более широких улицах: не закрывайте солнечный свет, который является великолепным очистителем, или свет и воздух. Держите себя в чистоте - тело и одежду, дом и улицу". Голос говорил, но никто не слышал. Затем снова пришла Чума. И по-прежнему никто не слышал голоса. Она приходила снова и снова. Она пришла в 1500 году, в 1525 году, в 1543 году, в 1563 году, в 1569 году, в 1574 году, в 1592 году,

в 1603 году (когда умерло 30 575 человек), в 1625 году (когда умерло 35 470 человек), в 1635 году (когда умерло 10 400 человек), и, наконец, в 1665 году. И за все это время никто не понял этого голоса, и город так и не был очищен. Все, что было сделано, - это зажжены костры на улицах, чтобы улучшить циркуляцию воздуха. После последнего, самого страшного приступа в 1666 году город был сожжен, и в очищающем пламени он вышел чистым, и с тех пор чума никогда не появлялась. Тот же самый голос обращается к человечеству и сейчас, при каждом новом пришествии чумы. Раньше он кричал во время чумы: теперь он кричит во время тифа, дифтерии и холеры. Болезни возникают от невежества и порока. Врачи не могут их вылечить, но они могут узнать их причину и предотвратить.

Чума 1665 года началась осенью предыдущего года. В 1663 году она свирепствовала в Амстердаме и Гамбурге. Были приняты меры предосторожности, чтобы не допустить ее распространения: прекратили ввоз товаров из этих городов. Но они оказались неэффективными. Несколько тюков из Голландии были выгружены на берег и доставлены в дом на Лонг-Акр, Друри-Лейн. Здесь их вскрыли два француза, оба заразились и умерли. Третьего француза, которого схватили в том же доме, перевезли в Беарбиндер-лейн, Сент-Свитинс-лейн, где он тоже умер. А затем болезнь начала распространяться. Сильные морозы на время приостановили ее распространение. Но в марте, когда установилась более мягкая погода, болезнь вспыхнула вновь.

Когда болезнь настигала человека, он испытывал сильнейший душевный ужас. За этим следовали лихорадка и бред. Но верными признаками чумы были пятна, пустулы и припухлости, которые распространялись по всему телу. В большинстве случаев быстро наступала смерть. Некоторые выздоравливали, но большинство погибало при первом же появлении. Многие врачи бежали из зараженного города, многие приходские священники покинули свои церкви. Лорд-мэр и олдермены, однако, остались, своим присутствием поддерживая тех священнослужителей и врачей, которые остались, и своими благоразумными мерами предотвращая огромное количество дополнительных страданий, которые в противном случае обрушились бы на несчастных людей.

51. УЖАС ЧУМЫ.

ЧАСТЬ II.

В мае месяце было установлено, что двадцать городских приходов заражены. Мэр прибегнул к некоторым мерам профилактики, а не к средствам лечения, которых не было. Зараженные дома были закрыты: никому не разрешалось ни входить, ни выходить; пища доставлялась ведрами, спущенными из верхнего окна; мертвые тела спускались таким же образом, из окон; на дверях были нарисованы красные кресты со словами: "Господи, помилуй нас!". У дверей поставили часовых, чтобы несчастные узники не могли выйти. Всех собак и кошек в городе, которые, как предполагалось, могли переносить инфекцию в своей шерсти или волосах, убили - 40 000 собак, как утверждается, и 200 000 кошек, что кажется невозможным числом. Также пытались, но безуспешно, уничтожить крыс и мышей. Было испробовано все, кроме одного - воздуха и чистоты. В самом начале многие из лучших людей покинули город и остались в деревне, пока опасность не миновала: другие последовали бы за ними, но деревенские жители не хотели терпеть их присутствия и гнали их обратно дубинками и пиками. Так что им пришлось вернуться и умереть в Сити. Тогда закрылись все лавки, остановились все производства: люди больше не могли сидеть рядом друг с другом: мастера

уволоили своих подмастерьев, рабочих и слуг. В реке стояли корабли с наполовину разгруженными грузами, на причалах лежали нераскрытые тюки. В церквях не проводилось никаких служб, лишь скудные прихожане сидели поодиночке и отдельно. Суды пустовали: не было преступлений, которые следовало бы рассматривать: на улицах пассажиры избегали друг друга. На рынках, которые должны были оставаться открытыми, покупатель поднимал свою покупку крюком и опускал деньги в чашу с уксусом. Многие семьи добровольно закрыли свои дома и не входили и не выходили. Некоторые из них избежали заражения; сохранилась история одной такой семьи за шесть месяцев заключения. Каждое утро они торжественно благодарили Бога за здоровье: трижды в день они молились о безопасности. Некоторые отправились на корабль и, когда чума усилилась, спустились вниз по реке.

ДЕРЕВЕНЩИНА. ДЕРЕВЕНСКАЯ ЖЕНЩИНА.

Обычный гражданский костюм; временный. КАРЛ I.

(Из карты Спида "Королевство Англия", 1646 г.).

Число умерших, которое за четыре недели июля составило 725, 1 089, 1 843 и 2 010 человек соответственно, в августе и сентябре возросло до трех, четырех, пяти и даже восьми тысяч в неделю: но считалось, что реестры ведутся плохо и что число умерших больше, чем кажется. Каждый вечер по улицам разъезжали телеги, водители которых курили табак в качестве дезинфицирующего средства, кричали: "Выносите своих мертвецов. Выносите покойников" и звонили в колокол. Церковные дворы были заполнены, за городом вырыли ямы, в которые бросали тела без гробов. Когда мор прекращался, церковные дворы покрывались толстым слоем свежей плесени, чтобы предотвратить плохие последствия. Было замечено, что во время эпидемии болезни в городе царила необычайная тишина и безмятежное солнечное сияние. В течение многих недель не ощущалось ни малейшего дуновения ветра.

Когда лето закончилось и наступила осень, болезнь стала протекать в более мягкой форме: она длилась дольше, и если вначале не выздоравливал ни один из пяти, то теперь умирали двое из пяти. Вскоре вернулись холода, и чума осталась. Сжигали или стирали все белье, фланель, одежду, постельные принадлежности, гобелены и занавески, принадлежавшие

зараженным домам, и белили комнаты, в которых появилась болезнь. Но они не приняли мер для очищения города. Голос прозвучал напрасно. Число умерших за год составило 97 306 человек, из которых 68 596 были приписаны чуме. Однако мало кто сомневается, что учет велся неэффективно. Считалось, что число погибших только от чумы составляет не менее 100 000 человек.

Легко записать эти цифры. Трудно понять, что они означают. Среди них, по меньшей мере, четверть - кормильцы, отцы семейств. Во многих случаях погибли все вместе, родители и дети: в других - дети остались без средств к существованию. Потом не стало работы. Без работы остались 100 000 рабочих мужчин. Всех этих людей нужно было содержать. Лорд-мэр, которому помогали олдермены и два благородных лорда, Албемарл и Крейвен, организовал службу помощи. Король давал тысячу фунтов в неделю, Сити - 600 фунтов в неделю, купцы вносили тысячи каждую неделю. Таким образом, людям не дали умереть с голоду.

Когда все закончилось, Пепис, который вел свой дневник во время чумы, но не был одним из тех, кто остался в зараженном городе, отмечает огромное количество нищих. Кто же они, как не бедные существа, женщины и дети, старики и немощные, потерявшие своих кормильцев, мужчин, которые любили их и работали на них? История полна ужасных вещей: но эта удивительная толпа нищих - самая ужасная.

52. УЖАС ПЕРЕД ОГНЕМ.

ЧАСТЬ I.

ГРАЖДАНИН. ЖЕНА ГРАЖДАНИНА.

Обычный гражданский костюм; *временный*. КАРЛ I.

(С карты Спида "Королевство Англия", 1646 г.).

Лондонский Сити пострадал от пожаров больше, чем любой другой большой город. В 961 году было уничтожено большое количество домов: в 1077, 1086 и 1093 годах сгорела большая часть Сити. В 1136 году пожар, вспыхнувший на Лондонском камне в доме некоего Эйлварда, распространился на восток и запад вплоть до Олдгейта с одной стороны и святилища святого Эркинвальда в соборе Святого Павла - с другой. Лондонский мост, построенный тогда из дерева, погиб в огне, который в течение пятисот лет был известен как Великий пожар. В этих последовательных пожарах должно было погибнуть каждое здание саксонской постройки, не говоря уже о римском периоде.

Но все пожары вместе взятые нанесли меньше вреда, чем страшный пожар, который превратил в пепел большую часть Лондона в 1666 году. Если вы обратитесь к карте Лондона, то сможете выделить в стенах северо-восточный угол: ту часть, которая находится под стеной и прямой линией, идущей от Коулмен-стрит до Тауэр-Хилл. За исключением этого угла весь Лондон в пределах стен и за их пределами вплоть до Темпла был полностью уничтожен.

Пожар вспыхнул в булочной в Пудинг-лейн на Темз-стрит. Это случилось рано утром в воскресенье, во второй день сентября 1666 года. Как тогда, так и сейчас, дома здесь стояли очень плотно и близко друг к другу: кругом были склады, заполненные маслом, вином, смолой и всевозможными горючими веществами. В лавке пекаря было много хвороста, поэтому пламя разгоралось и распространялось очень быстро. Люди, в большинстве своем, успели вынести самое ценное, но мебель, одежду, запасы в лавках, инструменты для торговли им пришлось оставить. Некоторые поспешно разместили свои вещи в церквях, как будто огонь мог уважать святость этих зданий. Никогда не было более странного воскресенья, чем это, когда те, кто спасся, спрашивали, куда идти, а те, на кого надвигалось пламя, выносили из своих домов все, что могли унести, а остальные жители города смотрели и спрашивали, не остановится ли пламя, прежде чем оно достигнет их домов.

Среди тех, кто считал, что церковь будет безопасным местом, были книготорговцы с Патерностер-роу. Они перенесли все свои книги в собор Святого Павла и удалились - их товар был в безопасности. Но пламя охватило собор: оно настигло Патерностер-роу, так что букинисты, как и все остальные, были вынуждены бежать: и вот уже вздымаются к небу высокие крыши нефа, алтаря и башни. Затем с ужасающим треском пылающие бревна обрушились в церковь вниз. Вместе с остальными сгорел и собор, а вместе с ним и все книги.

ДЖЕНТЛЬМЕН.

ДЖЕНТЛЬМЕН.

Обычный гражданский костюм; временный. КАРЛ I.

(Из карты Спида "Королевство Англия", 1646 г.).

Все воскресенье, понедельник, вторник и часть среды бушевал пожар, и казалось, что ему не будет конца, пока город не будет полностью уничтожен. К счастью, как вы видели, удалось спасти остатки. Пожар наконец остановили, взорвав повсюду дома, чтобы задержать его продвижение. Недалеко от церкви Темпл (которая едва спаслась) его остановили таким образом. На Олдерсгейт, Крипплгейт и Бишопсгейт они использовали те же средства, а также на Пай Корнер, Смитфилд. Почти напротив больницы Бартоломью вы можете увидеть изображение мальчика, установленное в память об остановке пожара в этом месте. Если бы пожар пошел дальше, мы бы потеряли церковь Святого Варфоломея Великого и дома на Суконной ярмарке.

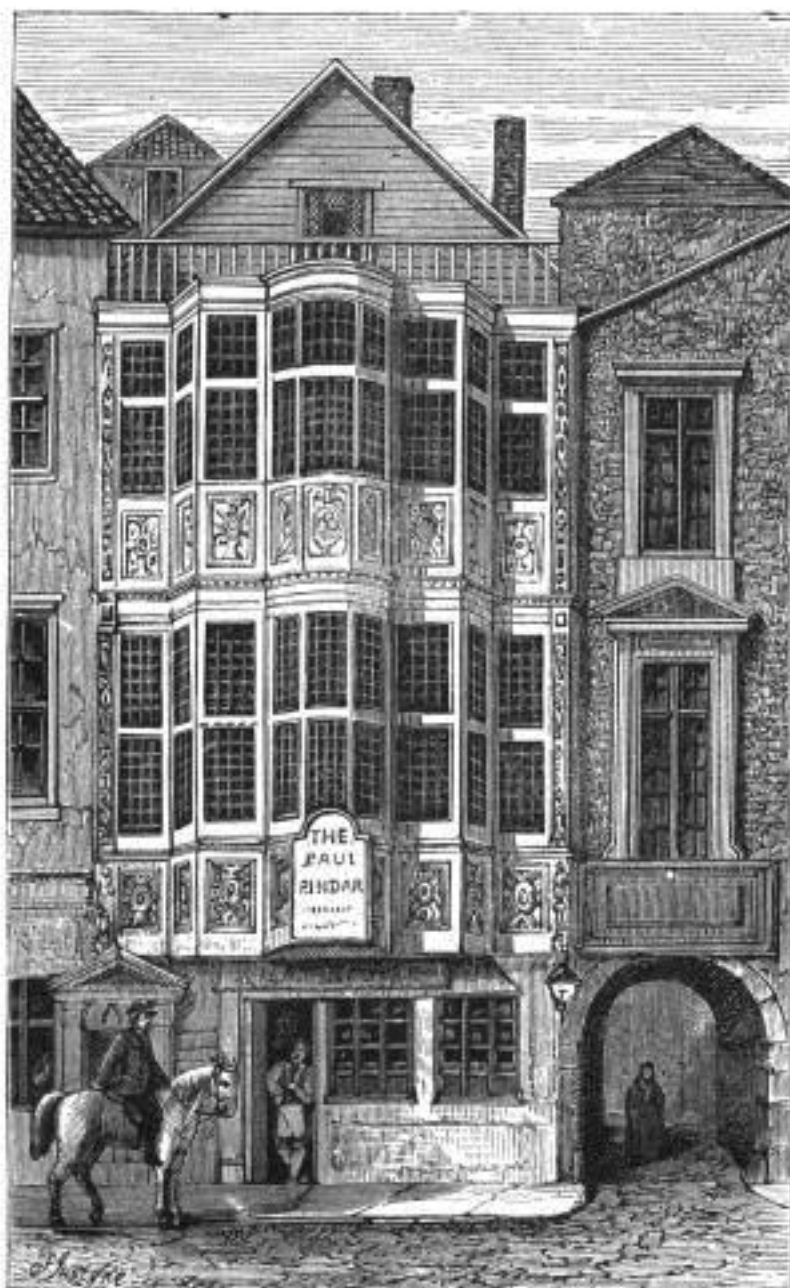

ГОРЯТ ВОРОТА

ЛУД-ГЕЙТ.

Когда пожар прекратился, люди сели за стол, чтобы обдумать понесенные ими потери и найти наилучший выход из сложившейся ситуации.

Собор Святого Павла, это древнее и почтенное сооружение с толстыми стенами и такой высокой крышей, что, казалось, никакой огонь, кроме небесного, не может его достать, представлял собой груды развалин: стены нефа и трансепта стояли, хор провалился в крипту внизу. Приходские церкви в количестве 88 были сожжены: Королевская биржа Грешема была разрушена, а все статуи превращены в известь, за исключением одной Грешема: почти все великие дома, оставшиеся в Сити, дома знати, такие как замок Байнард, Колдхарбор, дворец Брайдвелл, Дерби-хаус, лежали в пепле: все залы компаний исчезли: склады, магазины, частные дома, дворцы и лачуги - все было сравнено с землей и сожжено в пепел. Пять шестых города были разрушены: площадь в 436 акров была покрыта руинами: 13 200 домов были сожжены: говорят, что 200 000 человек остались без крова - по оценкам, в среднем по 15 человек на каждый дом. Вероятно, это преувеличение. Однако оставшиеся без крова люди образовали своего рода лагерь в Мурфилдсе за стеной, где они жили в палатках и наскоро сколоченных коттеджах. На месте этого любопытного лагеря сейчас находится площадь Финсбери-сквер.

ДОМ ПАВЛА ПИНДАРА.

Мы с удивлением спрашиваем себя, как возобновилась жизнь после столь великого бедствия. Документы на право собственности на дома и поместья были сожжены - кто мог предъявить претензии и доказать право на собственность? Все бухгалтерские книги были потеряны - кто мог потребовать или доказать долг? Склады и магазины с их содержимым исчезли - кто мог заниматься бизнесом? Ремесленники потеряли работу - как им жить дальше?

О долгах, аренде, закладных и прочих подобных вещах мало что можно было сказать. Сейчас не время говорить о прошлом. Нужно было думать о будущем: все они должны были начать мир заново.

53. УЖАС ОГНЯ.

ЧАСТЬ II.

Они должны начать мир заново. Для большинства купцов не оставалось ничего, кроме их кредита - их доброго имени: попробуйте представить себе, какой хаос вызовет пожар во всех доках, складах, пристанях, причалах и магазинах в Лондоне в наши дни, когда ничего не застраховано!

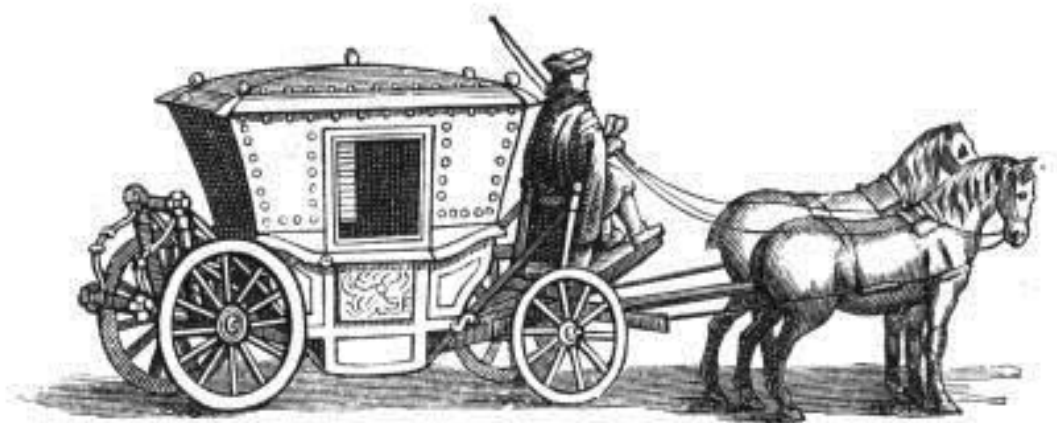
ЛОНДОН,

ОТСТРОЕННЫЙ ПОСЛЕ ПОЖАРА.

Но жители Лондона были не из тех, кто сидит и плачет. Первым делом нужно было отстроить свои дома. После этого можно было подумать о будущем. Лорд-мэр и олдермены вместе посоветовались, как восстановить город. Они пригласили сэра Кристофера Рена, который в последнее время стал архитектором после того, как стал астрономом в Кембридже, и Ивлина: те предложили разработать планы планировки Сити в более равномерной манере, с более широкими улицами и домами, более защищенными от пожара. И Рен, и Эвелин прислали свои планы. Но пока они рассматривались, горожане отстраивали свои дома.

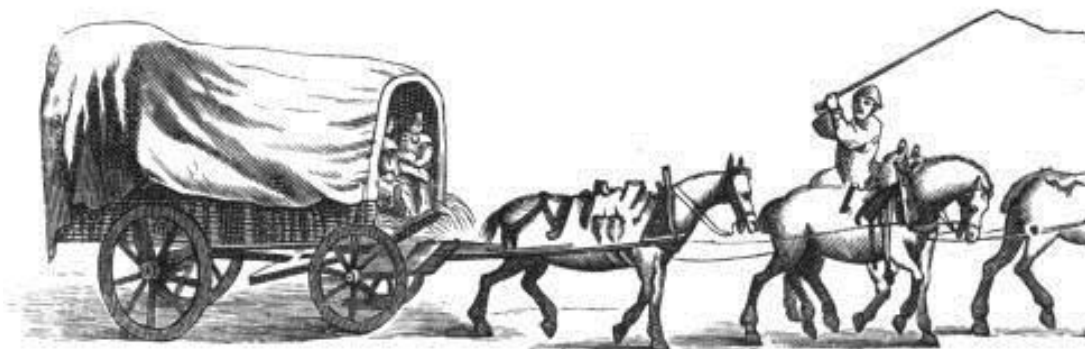
Они не ждали, пока остынет пепел. Как только пламя потухло и дым рассеялся, как только стало возможным проложить дорогу среди разрушенных стен, каждый искал место для своего дома и начинал отстраивать его заново. Так что отстроенный Лондон оказался почти - не совсем, поскольку были произведены некоторые улучшения, - застроен теми же улицами и переулками, что и до пожара. Однако прошло два года, прежде чем все руины были расчищены, и четыре года, прежде чем Сити был полностью отстроен. За это время было построено десять тысяч домов, и все они были из кирпича: старый бревенчатый дом с глиной между столбами исчез, как и соломенная крыша: все дома были из кирпича, крыши черепичные, главная опасность исчезла. В это время также был введен план тротуара, состоящего по обеим сторонам из гладких плоских камней со столбиками, чтобы телеги и повозки не мешали пешим пассажирам. На возведение Залов компаний ушло гораздо больше времени, чем четыре года. Около тридцати церквей так и не были перестроены вообще, приходы были объединены в другие. Первой через два года после пожара была отремонтирована, а не перестроена церковь Святого Дунстана: еще через четыре года была

достроена еще одна церковь. В каждый последующий год - по одной или две, а последняя из городских церквей была отстроена только через тридцать один год после пожара.

ТРЕНЕР

ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ СЕМНАДЦАТОГО ВЕКА.
(Из книги Логгана "Oxonia Illustrata").

ПОВОЗКА

ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ СЕМНАДЦАТОГО ВЕКА.
(Из книги Логгана "Oxonia Illustrata").

Именно в это время всеобщей бедности преимущества объединения были показаны тем, кто имел глаза, чтобы видеть. Прежде всего, корпорации нужно было найти пищу, а значит, работу. Тысячи людей были заняты на уборке мусора и его вывозе, чтобы сделать улицы, по крайней мере, свободными для движения. Мастера, которым нечем было заняться, были заняты на строительных работах, когда это было сделано. Причалы были расчищены, а склады построены, и порт продолжал работать. Корабли приходили, выгружали свои грузы и ждали, когда их отправят за границу. Возникали дома, снова открывались магазины. А компании поддерживали своих членов: давали им кредиты, предоставляли ссуды, открывали их заново в этом мире. Если бы не Компании, судьба Лондона после пожара была бы такой же, как судьба Антверпена после Религиозных войн. Но, должно быть, было немало тех, кого это страшное бедствие полностью разорило. Сотни купцов и розничных торговцев, потеряв все, не смогли выдержать стресс и тревогу, связанные с началом новой жизни. Продвинутые в жизни люди, беспокойные и робкие, некомпетентные и слабые - все были раздавлены. Они стали банкротами: они пошли ко дну: в огромной толпе никто не обратил на них внимания: их сыновья и дочери заняли более низкое место: возможно, они все еще находятся в рядах тех, в которые легко опуститься и из которых трудно подняться. Меньше всего пострадали ремесленники: их компании заменили им инструменты: работа вскоре возобновилась: их дома были отстроены, а что касается мебели, то ее и до пожара было немного, и после пожара ее осталось совсем мало".

Поэт Драйден так пишет о людях во время и после пожара:

Те, у кого есть дома, когда дома, они их ремонтируют,
На последний ночлег зовут своих бродячих друзей:
Их короткие тревожные сны прерваны заботой.
Чтоб посмотреть, как близка их гибель.

Те, у кого нет дома, сидят там, где он когда-то был.
И с полным вниманием взирают на каждый отвоеванный уголок:
Призрачно глядя на еще теплый пепел этого места,
Как убитые ходят там, где они умерли.

Самые большие в полях, как стадо зверей, лежат,
К росам несносным на травяном полу:
А младенцы во сне топят свое горе,
Печальные родители смотрят на остатки своих запасов.

ОБЫЧНАЯ ОДЕЖДА

ДЖЕНТЛЬМЕНОВ В 1675 ГОДУ.

(Из книги Лоррана "*Oxonia Illustrata*").

54. МОШЕННИКИ И БРОДЯГИ.

Город меняется из века в век: меняются улицы и дома, костюмы, язык, манеры. В одном отношении, однако, изменений нет: с нами всегда те же мошенники и то же мошенничество. Мы обращаемся с ними не совсем так, как наши предки: и как их методы были неспособны положить конец уловкам тех, кто живет хитростью, так и наши; поэтому мы не должны гордиться своим превосходством в этом направлении. Можно было бы собрать большую и очень интересную коллекцию книг на тему мошенников и бродяг. Коллекция начиналась бы с Елизаветы и могла бы продолжаться до наших дней, из года в год пополняясь новыми. Но очень немногие дополнения вносятся в обычаи и методы этой профессии. Например, трюк с доверием, когда честный незнакомец обманом заставляет деревенщину довериться ему.

Этот трюк практиковался еще триста лет назад. Или трюк с бросанием кольца - он стар, как холмы. Или мнимый моряк - сейчас его редко встретишь. Когда у нас начнется новая война, он снова выйдет на фронт. У нас еще есть жуликоватый игрок, но он всегда был с нами. Во времена короля Карла Второго его называли ряженым, хаффом или шаббароном. Женщина, которая сейчас попрошайничает на улицах, распевая гимн и ведя за собой одолженных детей, делала то же самое двести лет назад и называлась хлопушкой. Человек, притворяющийся глухонемым, ходил тогда по улицам и назывался тупицей. Взломщик тогда был взломщиком домов. Раньше кража со взломом была гораздо более страшным преступлением, чем сейчас, потому что люди в большинстве своем хранили все свои деньги в домах, и ограбление могло их разорить. Карманник занимался своим ремеслом, только тогда он был кошельком. Подставное лицо подстерегало на одинокой проселочной дороге или среди кустов на открытых полях у задней части Линкольнс-Инн. Наказания, которые казались такими мягкими при Плантагенетах, становились все более суровыми по мере того, как население превышало полномочия правительства. Вместо обычного стояния в столбе, уши прибавали к столбу и даже отрезали: бичевание стало применяться чаще и было гораздо более суровым: еретиков сжигали как при Елизавете, так и при Марии, хотя и не так часто. После гражданских войн наступил период, когда наказания стали дикими по своей жестокости, о чем вы еще узнаете. Пока же отметим, что, когда Сити был менее густонаселенным и никто не жил за пределами кварталов и стен, люди находились под контролем олдерменов и их чиновников: они также хорошо знали друг друга: они осуществляли то самоуправление - лучшее из всех, - которое заключается в отказе приютить среди них мошенника. Если бы на каждой лондонской улице жильцы отказывались терпеть, чтобы какой-нибудь злодей поселился среди них, лондонскую полицию можно было бы почти упразднить. Но Сити разрастался: приходы становились густонаселенными: потом появились дома и обширные пригороды в Уайтчепеле, Уоппинге, за Крипплгейтом, в Смитфилде к северу от Флит-стрит, в Ламбете, Бермондси и Ротерхите: олдермены больше не знали своих людей: жители приходов не знали друг друга: мошенники укрывались в Смитфилде и за Олдгейтом: простой механизм для обеспечения порядка перестал быть полезным: а новая полиция еще не была изобретена. Поэтому наказания стали жестокими. Поскольку правительство не могло предотвратить преступление и принудить к порядку, оно прибегало к сдерживанию.

ОДЕЖДА ЗНАТНЫХ ДАМ.

(Из книги Сэндфорда "Коронационная процессия Якова II").

ОБЫЧНАЯ ОДЕЖДА ЖЕНЩИН ИЗ

НИЗШИХ СЛОЕВ ОБЩЕСТВА.

(Из книги Сэндфорда "Коронационная процессия Якова II").

Помимо активной преступности, большим бедствием было бродяжничество. Войны и гражданские войны оставляли толпы праздных солдат, которые не имели вкуса к постоянной работе: они становились бродягами: также была и остается определенная доля мужчин и женщин, которые не хотят работать: они становятся бродягами в силу своего рода инстинкта: они рождаются бродягами. Постоянно принимались законы и прокламации, направленные на подавление бродяг. Их пропускали в родные места: им выдавали пропуска на дорогу. Но эти законы постоянно обходили, и число бродяг росло. При Генрихе VIII был принят очень строгий закон, согласно которому старым и немощным людям выдавалась лицензия на попрошайничество, а любого, кто попрошайничал без лицензии, били кнутом. Но, как и все подобные акты, он выполнялся несовершенно. На одного получившего порку приходилась дюжина беглецов. Колодки, столбы, хлеб и вода - все это применялось, но без видимого эффекта, потому что многие сбегали. Лондон особенно кишел нищими и притворными калеками. Они жили на Тернмилл-стрит, Хаундсдитч и Барбикан, за стенами. Время от времени на них устраивали облавы, и они разбегались, но только для того, чтобы собраться снова. В 1575 году, например, сообщалось, что в лондонских тюрьмах было мало или совсем не было мошенников. Но в 1581 году королева, заметив во время прогулки большое количество крепких плутов, подала жалобу, в результате чего на следующий день были арестованы 74 человека, через день - 60, и так далее, и в один день их набралось сто человек, все они были "крепко заплачены", то есть выпороты и отправлены по домам. Устав, предписывающий пороть бродяг, соблюдался и в нынешнем веке, причем пороли как женщин, так и мужчин. Никакие законы, однако, не могут уничтожить проклятие бродяжничества и безделья. Оно может быть подавлено только волей и решимостью самих людей. Если в течение одной недели мы все откажемся подавать нищим ни единого пенни, если на каждой улице мы примем решение, чтобы среди нас не было ни одного честного человека, тогда и только тогда мошенник обнаружит, что этот остров Великобритании не может больше быть населен им и его соплеменниками".

55. ПРИ ГЕОРГЕ ВТОРОМ.

ЧАСТЬ I.

Богатство Лондона.

Если в царствование королевы Елизаветы перед искателями приключений открылся новый мир, то двести лет спустя этот новый мир был исследован лишь наполовину и постоянно приносил новые сокровища. Львиная доля этих сокровищ попадала в Великобританию и выгружалась в Лондонском порту. Богатство и роскошь купцов восемнадцатого века превосходили все, что когда-либо было записано или когда-либо представлялось. Их процветание было столь велико, что историки и эссеисты предсказывали скорое падение Сити: само величие их успеха пугало тех, кто смотрел и вспоминал прошлое.

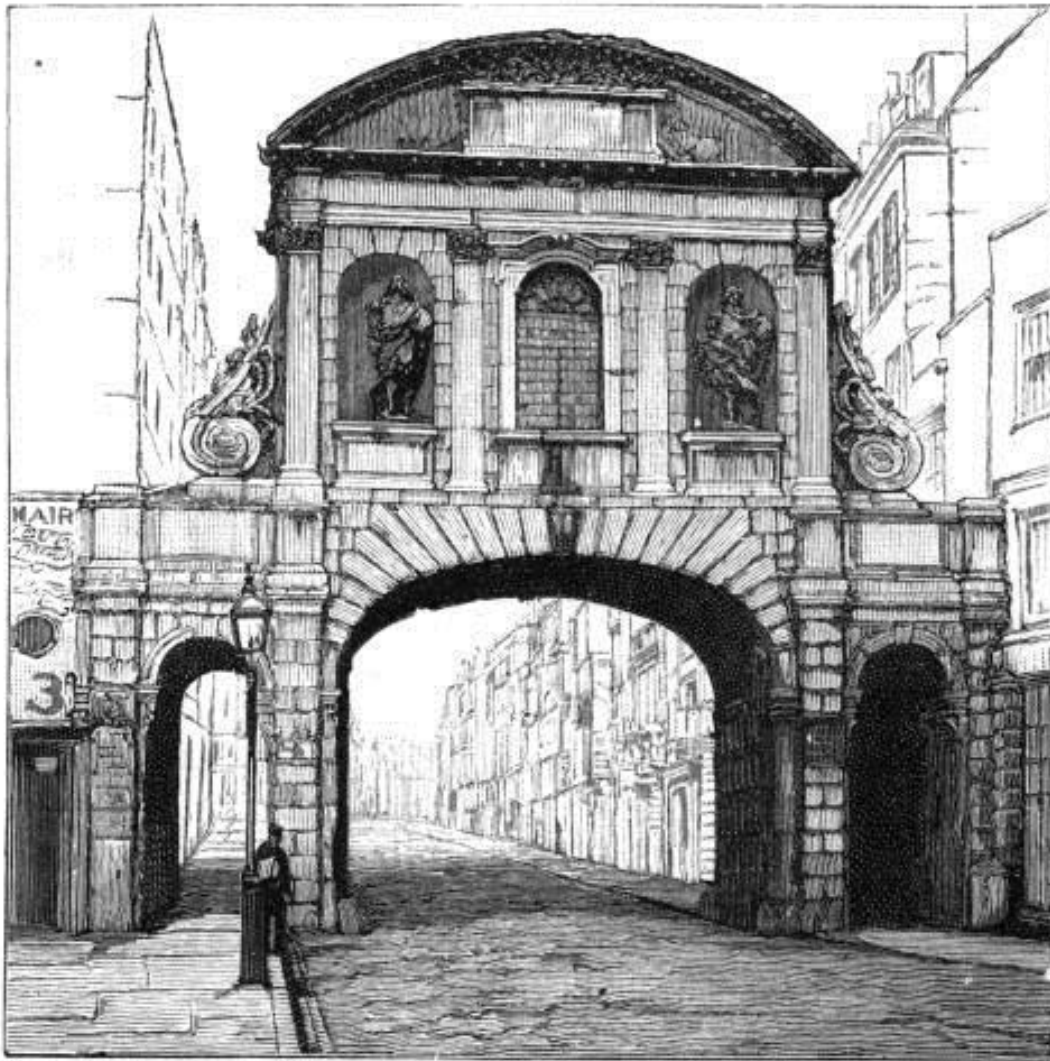

ГРУППА,

ДЕМОНСТРИРУЮЩАЯ КОСТЮМЫ И СЕДАЛИЩЕ, ОКОЛО 1720 ГОДА.

(С гравюры Кипа).

Хотя облик города изменился, исчезли его цвет и живописность, ни в какие времена Лондон не был более могущественным и величественным. В его стенах не жили вельможи: вдоль Стрэнда сохранились лишь два или три дворца на берегу реки: по улицам не разъезжали отряды слуг в ярких ливреях своих хозяев: живописные фронтоны, решетчатые окна, нависающие фасады - все это исчезло: Вместо старых церквей, богатых древней резьбой, фресками малинового и синего цвета, мраморными памятниками и расписными стеклами, стояли квадратные залы-проповеди Рена с круглыми окнами, богатые только резными изделиями из дерева: дома были квадратными, со створчатыми окнами: фасады магазинов были застеклены: улицы были заполнены серьезными и трезвыми купцами в больших париках и белых оборках. Они жили в величественных и роскошных домах, многие из которых сохранились до наших дней - посмотрите на площадь перед церковью Остин Фрайерс (Austin Friars Church) - у них были свои загородные дома: они ездили на колесницах и вели великолепный бизнес. Их корабли ходили по всему миру: они торговали с Индией, еще не вошедшей в состав империи, с Китаем и Дальним Востоком, с Вест-Индией, с Левантом. У них были компании для ведения торговли во всех уголках земного шара. Компания Южных морей, , Компания Гудзонова залива, Турецкая компания, Африканская компания, Российская компания, Ост-Индская компания - вот некоторые из них. Корабли были пришвартованы под мостом рядами, которые тянулись на милю вниз по реке.

ТЕМПЛ-БАР,

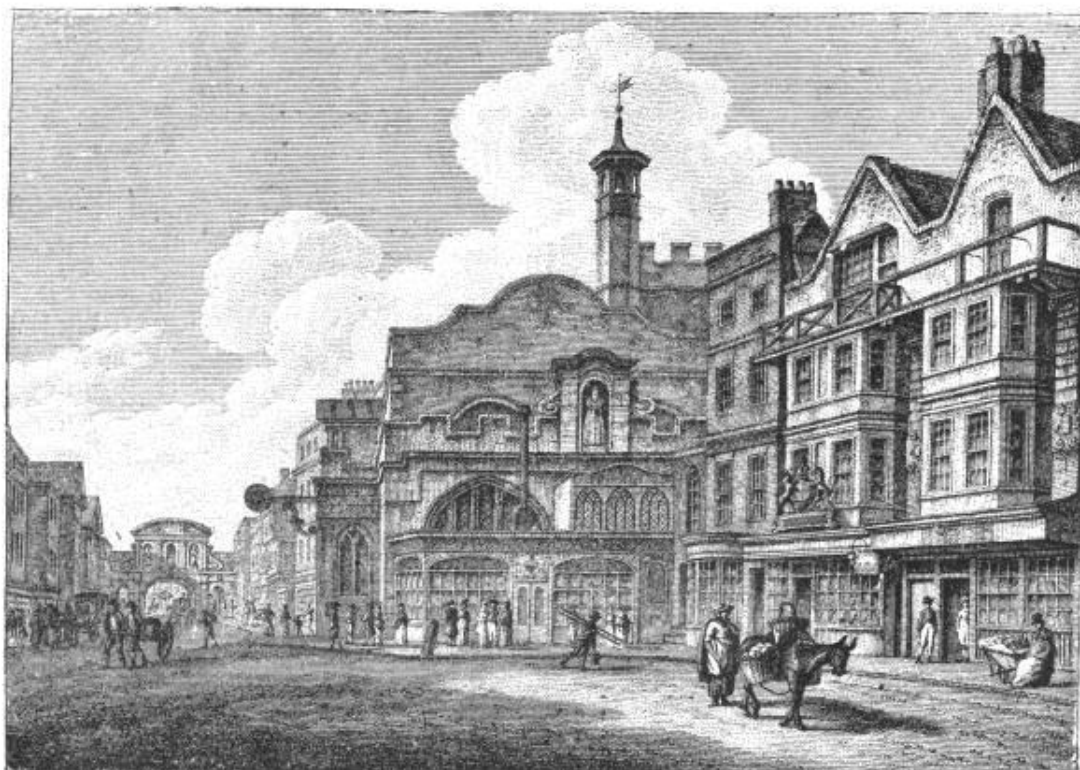
ЛОНДОН.

(Построен сэром Кристофером Реном в 1670 году; снесен в 1878 году и с тех пор перестроен в Уолтем-Кросс).

Все это процветание росло вопреки войнам, которые мы вели на протяжении всего прошлого века. Эти войны, хотя и прикрывали Ла-Манш и Бискайский залив каперами, мало способствовали росту лондонской торговли. А поскольку купцы жили в пределах Сити, на виду друг у друга, их богатство было заметно и известно всем. В наши дни, когда Лондон с ночи до утра превратился в мертвый город, никто не знает о богатстве купцов, и только учитывая масштабы пригородов, можно понять, каким огромным богатством обладают те люди, которые каждый день приезжают на поезде и без показной скромности идут среди клерков в свои конторы в Сити. Сто пятьдесят лет назад богатых людей видели: с ними ходили в церковь: с ними обедали в дни праздников компании: их знали. Видимое присутствие такого большого богатства помогало сделать Лондон великим и гордым. Было бы интересно, если бы это было возможно, выяснить, сколько семей, ныне знатных или джентльменских - семей графства, - ведут свое происхождение или богатство от купцов Сити прошлого века.

В одном произошли большие перемены. До середины семнадцатого века было принято, чтобы торговый чин набирался в Лондоне, по крайней мере, из младших сыновей. Теперь эта мода изменилась. Непрерывные войны открыли перед младшими сыновьями другую

карьеру: они поступали в армию и на флот. Отсюда возникло презрение к торговле, которое существовало в стране около ста пятидесяти лет. Сейчас оно быстро угасает, но еще не умерло. Младшие сыновья теперь снова идут в Сити.

ФЛОТ-СТРИТ И

ТЕМПЛ-БАР.

Старая исключительность ревностно поддерживается. Никто не должен был торговать в Сити, кто не был свободен от Сити. Но свободу Сити было легко получить. Ремесленник и клерк оставались на своих местах: их учили знать свое место: их учили, что было очень хорошо, много думать о своем месте и гордиться положением, к которому они призваны: уважать тех, кто занимает более высокое положение, и получать уважение от тех, кто ниже их. Хотя купцы не имели и не имеют никаких рангов, присвоенных им придворными чиновниками, различий в рангах и местах в Городе было столько же, сколько и за его пределами. И ни в какие времена не было больше личного достоинства, чем в эту эпоху, когда так ценились звания и должности. Но между дворянством и Сити не было ни общения, ни симпатии. Манеры, нравы, достоинства Сити плохо сочетались с аристократией в то время, когда пьянство и азартные игры разрушали старые семьи и уничтожали самые благородные имена. Лондонский купец всегда с большим уважением относился к личному характеру и поведению. Мы привыкли считать это наследием пуританства. Это не так: оно существовало до прихода пуританства: оно возникло в те времена, когда люди в приходах знали друг друга и когда хозяин многих слуг подавал пример порядка, чести и самоуважения, поскольку его жизнь была видна всем.

КАРЕТА

СЕРЕДИНЫ СЕМНАДЦАТОГО ВЕКА.
(С гравюры Джона Данстолла.)

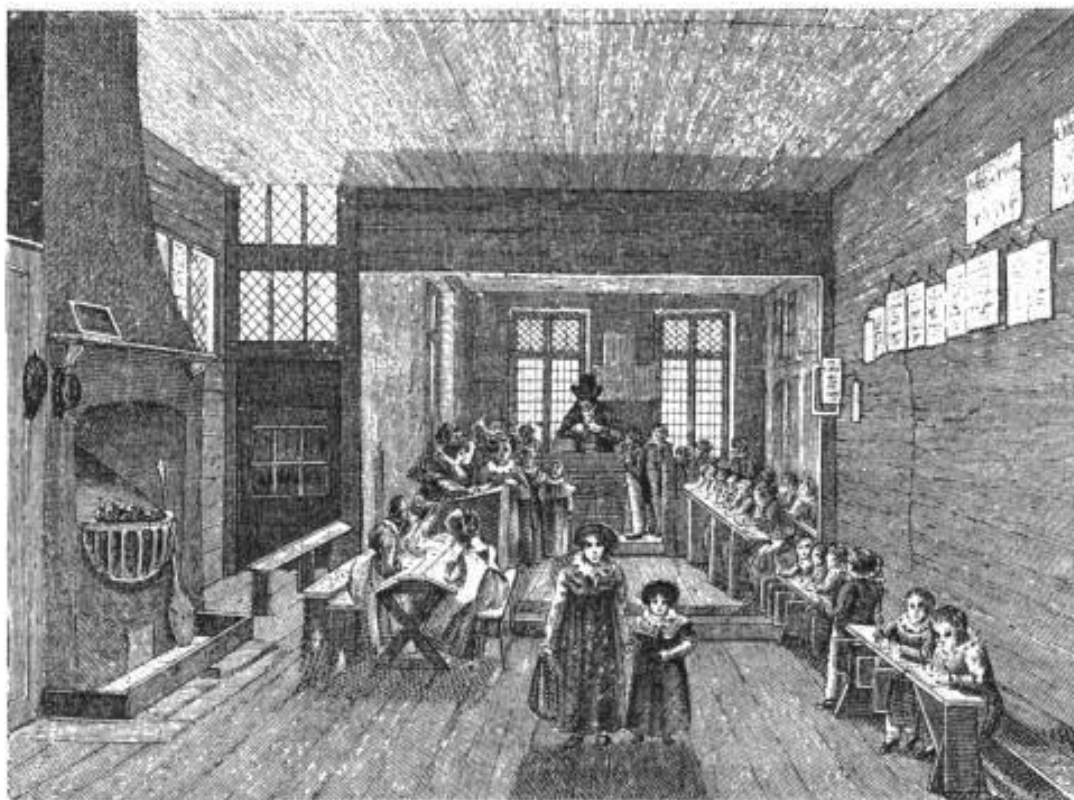
56. ПРИ ГЕОРГЕ ВТОРОМ.

ЧАСТЬ II.

После Великого пожара число городских церквей сократилось со 126 до 87. Те, что были перестроены, в большинстве своем были гораздо больше и вместительнее своих предшественниц. Во многих случаях Рен, великий архитектор, перестраивавший собор Святого Павла и все остальные церкви, чтобы получить более просторную церковь, забирал часть церковного двора, чем и объясняется тот факт, что многие городские церковные дворы сейчас так малы. Опять же, если старые церкви строились в основном для того, чтобы читать и петь мессу, то новые церкви строились в основном для того, чтобы слушать проповеди. Поэтому они были снабжены скамьями для размещения слушателей и по своему первоначальному дизайну напоминали скорее удобную квадратную комнату, где проповедника могли видеть и слышать все, чем крестообразную церковь. Однако некоторые из церквей Рена, хотя их и можно назвать квадратными комнатами, чрезвычайно красивы, например, церковь Святого Стефана в Уолбруке, и почти все они украшены прекрасной деревянной отделкой. В прошлом веке было принято часто посещать церковные службы и слушать множество проповедей. Приходская церковь вошла в повседневную жизнь гораздо больше во времена правления Георга Второго, чем сейчас, несмотря на улучшенные службы и их увеличение. В сорока четырех городских церквях служба шла каждый день, иногда дважды, иногда один раз. Во всех из них были вечерние службы по средам и пятницам: во многих существовали одаренные лектории, которые читали дополнительную проповедь раз в неделю или в указанное время. Обычно соблюдались посты, хотя не было принято закрывать магазины или приостанавливать дела в Страстную пятницу или Пепельную среду: не более половины городских церквей имели орган: в воскресенье после обеда детей

должным образом катехизировали: если мальчики плохо себя вели, бидл или пономарь бил их розгами на церковном дворе: все еще действовали законы, штрафовавшие прихожан за отсутствие в церкви и за укрывательство в своих домах людей, не ходящих в церковь. Кроме воскресных служб, проповедей и посещений больных, духовенству нечем было заняться. То, что сейчас считается работой приходского духовенства - работой, которая занимает все его время, - полностью соответствует современности. Раньше такой работы не было вообще; люди были предоставлены сами себе: духовенство не организовывало материнские собрания, загородные поездки, атлетику, клубы мальчиков и развлечения. Нонконформисты по-прежнему составляли важную часть города. У них было много часовен, но их общественное влияние в Лондоне, которое было очень велико в начале века, неуклонно снижалось, пока тридцать или сорок лет назад не достигло очень низкого уровня.

Улицы были вымощены круглой галькой - "булыжником": пешеходная дорожка была защищена столбиками, расставленными через определенные промежутки: брусчатка, которая существовала только на главных улицах до 1766 года, была маленькой и плохо уложенной: после дождя она разбрызгивала грязь и воду, когда на нее наступали. Вывески, которые мы видели на елизаветинских домах, по-прежнему висели на каждом магазине и каждом доме: они стали еще больше: их установили в огромные рамы из железных конструкций, которые шумно скрипели и иногда вырывали фасад дома своим огромным весом. Витрины магазинов теперь были застеклены маленькими стеклами, в основном продолговатыми, и часто в носовых окнах: вы можете найти несколько таких магазинов, сохранившихся до сих пор: один в верхней части Хеймаркета: один на Ковентри-стрит: один на Стрэнде: не было фасадов из листового стекла, блестяще освещенных, чтобы показать содержимое, выставленное на продажу: старомодный владелец магазина гордился тем, что держит внутри и вне поля зрения свои лучшие и самые лучшие товары. Несколько свечей освещали магазин зимними вечерами.

ВИД НА
ШКОЛУ, СВЯЗАННУЮ С ДОМОМ СОБРАНИЙ БАНЬЯНА.

Ходить по улицам означало сталкиваться с грубостью и хамством, которые сейчас считаются непереносимыми. Не было полиции, которая следила бы за порядком: если человек хотел порядка, он мог драться за него. Драки, действительно, были обычным явлением на улицах: извозчики, кучера, люди с тачками, носильщики, перевозившие вещи, постоянно дрались на улицах: джентльменов задирали хулиганы, и им часто приходилось драться с ними: большинство мужчин носили с собой толстую дубину для самозащиты.

В прошлом веке улицы стали гораздо более шумными, чем когда-либо прежде. В основном это было связано с огромным ростом колесного транспорта. Раньше все ввозилось в город и вывозилось из него на вьючных лошадях и повозках. Теперь дороги настолько улучшились, что повозки можно было использовать для всего, а длинные вереницы вьючных лошадей исчезли с главных дорог. Но на проселочных дорогах вьючная лошадь все еще использовалась. Все умели ездить верхом, и городской подмастерье, когда у него был отпуск, всегда проводил его верхом. Но для повседневной жизни использовалась карета хэгни. Появились и небольшие повозки. А для перетаскивания бочек с пивом и тяжелых ящиков использовалась железная повозка без колес. Все эти новшества означали больше шума и еще больше шума. Если бы Уиттингтон во времена Георга II сел на Хайгейтском холме (все еще травянистом склоне), он бы услышал, громче звона колоколов Боу, грохот повозок на Чипсайде.

57. ПРИ ГЕОРГЕ ВТОРОМ.

ЧАСТЬ III.

Прогуливаясь сегодня по Сити, можно заметить, что здесь очень мало продажных вещей. На некоторых улицах, таких как Брод-стрит, Уайткросс-стрит, Уайтчепел или Мидлсекс-стрит, есть что-то вроде открытой улицы, ярмарки или рынка; но таких уличных криков, какие изобразил Хогарт, больше не существует. Раньше люди продавали на улицах тысячи вещей, которые теперь продаются в магазинах. Все мелочи - нитки, бечевки, булавки, иголки, мелкий уголь, чернила и ремни, которые нужны в доме, - продавались лоточниками и целый день гудели на улицах: фрукты всех видов продавались из дома в дом: рыба: молоко: пироги и хлеб: травы и лекарства: спички с серой: бесконечная процессия проходила мимо, все выклинивая свой товар. А еще были люди, которые точили ножи, чинили стулья, паяли кастрюли и сковородки: они кричали вместе с лоточниками. Мы больше не можем говорить о грохоте Лондона: его нет: автомобили, почти все снабженные рессорами, плавно катятся по ровной поверхности асфальта: нет больше повозок без колес: нет больше уличных драк: сравнительно мало криков о том, что нужно продать.

ГРЕНАДЕР ВО ВРЕМЕНА ПЕНЗЕНСКОЙ ВОЙНЫ.

В те времена люди любили шум. Это была часть городской жизни: она показывала, насколько велик и занят город, раз он мог производить такой огромный шум, просто совершая ежедневный обход. Может ли какой-нибудь другой город - даже Париж - похвастаться таким шумом? Людям, приехавшим из страны, чтобы посетить Лондон, предлагалось рассматривать шум Сити как часть его великолепия и гордости.

Что еще они должны были рассмотреть? Какие достопримечательности Лондона?

Прежде всего, собор Святого Павла и Вестминстерское аббатство. Затем Тауэр и Монумент, Королевская биржа и Особняк, Гилдхолл и Банк Англии, Лондонский мост, Ньюгейт, Сент-Джеймс и Конная гвардия. Их нужно было посетить днем. Вечером - театры, Друри-Лейн и Ковент-Гарден, и сады.

Горожане всегда любили свои сады. Их открывали, как только позволяла погода, и они оставались открытыми до тех пор, пока осенние холода не делали их невозможными. Это

были сады Воксхолла, которые до сих пор существуют в виде небольшого парка: Ранелаг, в Челси: Мэрилебон, напротив старой приходской церкви на Хай-стрит: Бэгнидж-Уэллс, расположенный к востоку от Грейс-Инн-роуд: Белсайз, близ Хэмпстеда: Белый дом Кондуит в полях близ Ислингтона: Флоридские сады в Бромптоне: Храм Флоры, Сады Аполлона и Сады Бермондси Спа, все на южной стороне. Все эти сады, ныне застроенные, были похожи друг на друга. В каждом из них был декоративный водоем, дорожки и кустарники, зал для танцев и пения, а также трибуна для оркестра на открытом воздухе. Люди гуляли, смотрели друг на друга, ужинали, пили пунш и расходились по домам. Если сады находились на каком-то расстоянии от города, они шли вместе, чтобы обеспечить безопасность.

Река по-прежнему оставалась излюбленной дорогой - тысячи лодок курсировали вверх и вниз: добраться на веслах из Вестминстера в Сити было гораздо безопаснее, короче и приятнее, чем идти пешком или нанимать карету.

ФОРМА

МОРЯКОВ ОКОЛО 1790 ГОДА.

Дороги в стране быстро улучшались. Из Лондона во все главные города отправлялись сценические кареты. Они отправлялись, в основном, в восемь часов вечера. Стоимость проезда составляла четыре пенса за милю, и они утверждали, что преодолевают путь со скоростью семь миль в час. Вы можете легко сравнить стоимость поездки, если вспомните, что сейчас вы можете проехать куда угодно за пенни за милю - одна четвертая прежней платы при скорости в пять или шесть раз выше. В пригороды и обратно ходили "короткие стадионы", которых было великое множество: они были похожи на омнибусы, но ходили не так часто, и стоили гораздо дороже. Обычная плата составляла три пенса за милю. В Лондоне существовала пенни-почта, впервые созданная частным лицом. Письмо, отправленное из Лондона, стоило два пенса за первый этап: три пенса за два этапа: свыше 150 миль - шесть пенсов: Ирландия и Шотландия - шесть пенсов: любая иностранная страна -

шиллинг. Банкнот достоинством менее 20 фунтов не было: не было почтовых переводов или каких-либо удобств подобного рода. Деньги переводились в Лондон либо через перевозчика, либо через какого-нибудь торговца. Банки к тому времени уже существовали, но большинство людей предпочитали хранить свои деньги в собственных домах. Кроме того, в банках было мало золота: этим отчасти объясняется распространенность разбоя на дорогах: вполне вероятно, что пассажиры любого длинного плацкартного вагона имели при себе несколько сотен гиней: целый железнодорожный состав в наши дни не дал бы столько: ведь люди больше не носят с собой больше денег, чем нужно для мелких расходов дня: трамвай, омнибус, кэб, обед или ужин.

58. ПРИ ГЕОРГЕ ВТОРОМ.

ЧАСТЬ IV.

Пока мы понимаем, что Лондон 1750 года был городом, наполненным достойными купцами, которые все богатели, и приличным, уважающим себя населением, состоящим из розничных торговцев, клерков, ремесленников и слуг всех видов, - шумным, но воспитанным народом. Люди, посещающие церковь, любящие проповеди и порядок.

В основном это честная и справедливая оценка Города. Но есть и другая сторона, которую нельзя упускать из виду, а именно та, которая представляет порок, грех и несчастье, всегда сопутствующие скоплению большого количества людей и накоплению богатства.

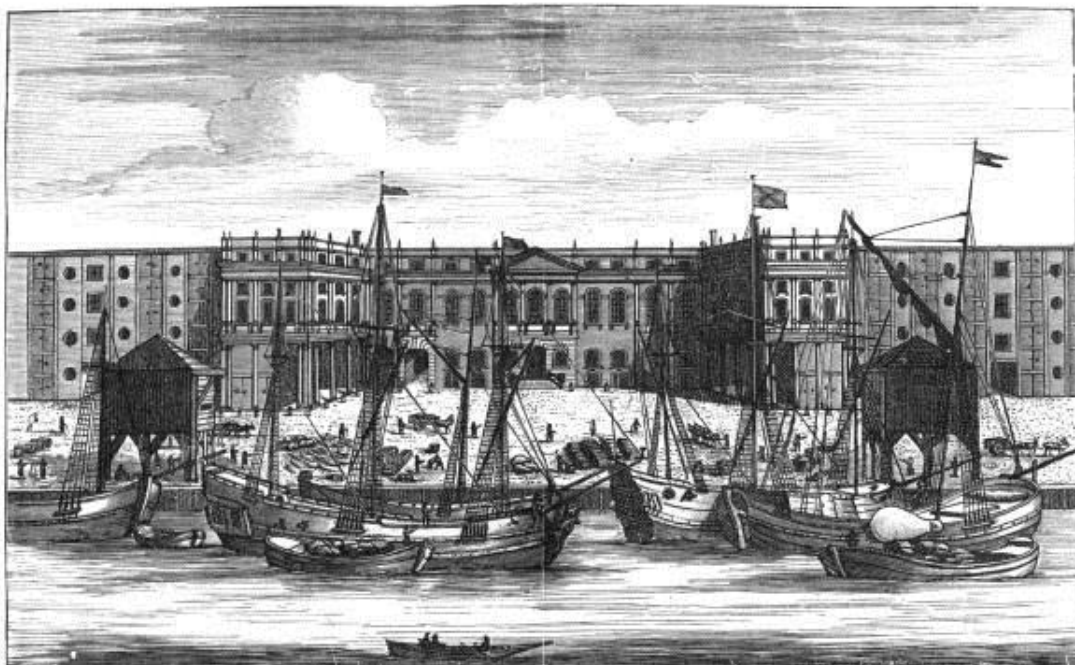

КОСТЮМЫ ДЖЕНТЛЬМЕНОВ,

ОКОЛО 1784 ГОДА.

Порок, который всегда был отцом большинства страданий, - это пьянство. В середине прошлого века все пили слишком много. Достоинство серьезного торговца слишком часто омрачалось потаканием портвейну и пуншу: городское духовенство пило слишком много: даже дамы пили слишком много: едва ли можно было назвать упреком, в любом сословии, быть побежденным спиртным. Что касается низших классов, то их привычным напитком было пиво - Франклин рассказывает, что, когда он работал печатником в Лондоне, каждый мужчина выпивал семь или восемь пинт пива в день: это был не эль или портер, а хорошее крепкое пиво: пиво, возможно, не причиняло им такого вреда - хотя деньги, потраченные на выпивку, были огромны - но, к сожалению, теперь они перешли на джин или вместо него. В свое время употребление джина грозило в буквальном смысле уничтожить весь рабочий класс Лондона. В 10 000 домов - в каждом четвертом - джин продавался тайно или открыто. Рекламировали, что человек мог напиться за пенни, а мертвецки пьяным - за два пенса. Для борьбы с этой привычкой был введен налог в размере 5 фунтов *стерлингов* с каждого

галлона джина. Это произошло в 1735 году, а в 1750 году было закрыто около 1700 джин-шопов. С тех пор постоянные усилия, направленные на искоренение пагубной привычки употреблять спиртные напитки, значительно сократили это зло. Но это было не только питье джина: был еще и ромовый пунш, который играл такую большую роль в жизни грузинского горожанина. У каждого мужчины был свой клуб, куда он приходил вечером после трудового дня. Здесь он сидел и по большей части пил то, что называлось трезвым стаканом: то есть он не шел домой пьяным, но каждый вечер пил больше, чем ему было полезно. В результате подагра и другие заболевания передались его детям. Действительно, очень серьезно задуматься о том, что каждой своей дурной привычкой мы навлекаем беды и страдания не только на себя, но и на своих детей. Привычка пить внешне проявлялась в раздутом теле, одутловатых и красных щеках, большом и распухом носе, дрожащих руках, толстых губах и кровоточащих глазах: у любителей джина она проявлялась в том, что лицо буквально синело. Говорят, что короля Георга Третьего убедили вести умеренный образ жизни - во времена всеобщей несдержанности этот король всегда оставался умеренным - на примере его дяди герцога Камберленда, который в возрасте сорока пяти лет из-за чрезмерного употребления спиртного демонстрировал раздувшееся и истерзанное болезнями тело.

РАЗГРУЗКА

СУДОВ НА ТАМОЖНЕ, НАЧАЛО XVIII ВЕКА.

Если вы посмотрите на карту Лондона того времени, то увидите, что город простирался на большое расстояние вверх и вниз по реке на обоих берегах. За стенами находились многолюдные районы Уайтчепел, Крипплгейт, Бишопсгейт, Сент-Кэтринз, Уоппинг, Рэтклифф, Шэдвелл, Степни и другие. Эти места находились не только вне приходов и юрисдикции Сити, но и вне всякого управления. В некоторых районах они росли без школ, церквей и каких-либо правил, порядка или дисциплины. Люди во многих из этих кварталов принадлежали к рабочему классу, но слишком часто - к преступному. Они были грубыми, неотесанными и невежественными до чрезвычайности. Да и как могло быть иначе, если они жили так, как жили? Они были так неуправляемы, так многочисленны, так готовы сорваться с места, что стали представлять опасность для самого существования порядка и правительства. Их удерживали в некотором роде в порядке с помощью жесточайших наказаний. Их вешали за то, что мы сейчас называем легкими преступлениями: их держали полуголодными в грязных тюрьмах; их безжалостно пороли. В армии нередко получали по

500 ударов плетью: на флоте постоянно пороли людей. Как бы ни было ужасно читать об этих наказаниях, мы должны помнить, что люди, которые их получали, были жестоки и мертвы для любого другого убеждения. Пьянство, невежество и привычный порок убили в них чувство стыда и заглушили голос совести. Единственное, что они чувствовали, - это боль от кнута.

59. ПРИ ГЕОРГЕ ВТОРОМ.

ЧАСТЬ V.

Несколько лет спустя после рассматриваемого нами периода было подсчитано, что в Лондоне насчитывалось 3000 приемщиков краденого, то есть людей, которые беспрекословно покупали все, что им приносили на продажу; что стоимость товаров, ежегодно похищаемых с кораблей, стоящих на реке - тогда не было больших доков, и погрузка и разгрузка осуществлялась на лихтерах и баржах - составляла полмиллиона стерлингов ежегодно; что стоимость имущества, ежегодно похищаемого в Лондоне и его окрестностях, составляла 700 000л.: и что товары на сумму не менее полумиллиона ежегодно похищались из магазинов Его Величества, верфей, военных кораблей и т. д. Моральный принцип, как прямо заявляет один писатель, "полностью уничтожен среди огромного количества низших слоев народа". Чтобы соответствовать этому плачевному положению вещей, существовало сорок восемь различных преступлений, караемых смертью: среди них кража из магазина на сумму свыше пяти шиллингов, кража белья из отбельного цеха, срезание лозы хмеля и отправка писем с угрозами. Было девятнадцать видов преступлений, за которые предусматривались транспортировка, тюремное заключение, порка или наказание: двадцать один вид преступлений, наказываемых поркой, наказанием, штрафом и тюремным заключением. Среди последних были "комбинации и заговоры с целью повышения цен на заработную плату". Классификация, по-видимому, была сделана бессистемно: например, хищение военно-морских запасов кажется столь же плохим, как и кража товаров хозяина: но последнее преступление было капитальным, а первое - нет. Опять же, поджог дома, несомненно, является самым отвратительным преступлением, однако это причисляется к более легким преступлениям. Таким образом, это было время, когда существовал большой и постоянно растущий класс преступников: и, как естественная причина или естественное следствие, в зависимости от того, что нам больше нравится, существовал очень большой класс людей, настолько невежественных, настолько грубых и настолько опасных, насколько можно себе представить. Я не думаю, что когда-нибудь, даже в самые отдаленные времена, в Лондоне жили дикари более жестокие и более невежественные, чем те, которых можно было найти в некоторых районах за пределами Сити Второго Георга. Но у этих несчастных была одна великая добродетель - они были храбры: они укомплектовывали наши корабли и давали Британии морскую власть: их сбивали с ног, загоняли и затаскивали на борт кораблей банды прессы. Попав туда, они становились в строй, несли доблестные пики, с усердием укомплектовывали пушки, с готовностью шли на abordage и с лицами, не выражающими страха, несли свои тесаки к обретенной надежде. Они были так сильны, так упрямы и так храбры, что остается только вздохнуть, вспомнив о плетях, которые поддерживали в них дисциплину и порядок. Есть еще одна сторона Лондона, о которой нельзя забывать. Это был великий и процветающий город: мы никогда не можем слишком много говорить о его процветании: но кораблекрушений было много и они были катастрофическими. И судьба человека, который не мог заплатить свои долги, была хорошо

известна всем, и ее можно было наблюдать каждый день, как пример и предупреждение. Ибо он попадал в тюрьму и в тюрьме останавливался. "Заплати, что должен, - говорили должнику, - а не то оставайся на месте". Должник не мог заплатить: в тюрьме у него не было возможности заработать деньги, поэтому он оставался там, где был, до самой смерти. Для содержания этих несчастных существовали тюрьмы Кингз Бенч и Маршалси, обе в Саутварке; два Комптера, оба в Сити; и тюрьма Флит.

Жизнь в этих тюрьмах описана во многих романах. Это была убогая и жалкая жизнь среди разорившихся игроманов, транжир, распутников, разорившихся купцов, разорившихся торговцев и беспомощных женщин всех сословий. Если у человека не было пособия от друзей, он мог умереть с голоду. По крайней мере в одном из них в общей зале по стенам были расставлены полки для кроватей: все находилось в одной комнате, жили, спали, ели, готовили. И вот в такое помещение попадал несчастный должник, чтобы оставаться там до тех пор, пока смерть не освободит его.

СТАРЫЕ

ЗДАНИЯ ПАРЛАМЕНТА И ВЕСТМИНСТЕРСКОГО АББАТСТВА, 1803 ГОД.

Таким был Лондон сто пятьдесят лет назад. Уже не живописный, как в былые времена, но прочно построенный, красивый и основательный. Купцы еще жили в городе, но дворяне уже уехали. Компании владели большей частью города и по-прежнему управляли им, хотя уже не диктовали зарплату, часы и цены. Внутри стен царил относительный порядок, а снаружи не было никакого правительства. Река под мостом была переполнена кораблями, пришвартованными по два и четыре рядом друг с другом, с открытым проходом посередине. Тысячи барж и лихтеров занимались грузами: каждый день церковные колокола звонили для многочисленной и упорядоченной паствы: каждый день на каждой улице поднимался такой шум, какой мы даже не можем себе представить: однако в Сити были тихие уголки с тенистыми садами, где можно было спокойно посидеть: богатство быстро росло, но вместе с ним росла и толпа со страхом анархии и свободы, вкус которой дали Гордонские бунты. Пройдет еще восемьдесят лет, прежде чем город осознает необходимость полиции.

60. ПРАВИТЕЛЬСТВО ГОРОДА.

ЧАСТЬ I.

Давайте пройдемся по улицам. Вы не заметите, потому что привыкли к этим вещам, воспитаны среди них и привыкли к ним, что все мужчины ходят без оружия: что они не носят с собой даже палки для защиты: что они не дерутся и не ссорятся друг с другом: что сильные не сбивают с ног слабых, а терпеливо ждут их и освобождают им место: что дамы ходят без защиты или сопровождения: что вещи выставляются на продажу без охраны, кроме мальчика или девочки: что самые ценные вещи вывешены за тонкой стеклянной панелью. Далее вы увидите мужчин в синем - вы называете их полицейскими - которые неторопливо прогуливаются, наблюдая за происходящим и не принимая никакого участия в суматохе. Чем же занимаются эти полицейские? На дорогах машины не сталкиваются друг с другом, а следуют по порядку, причем те, кто едет в одну сторону, занимают свою. У всех порядок. Все расставлено и расположено так, словно не существует ни насилия, ни преступлений, ни беспорядка. Вы думаете, так было всегда? Нет: порядок в человеческих делах не растет сам по себе. Беспорядок, если хотите, растет, как сорняки у живой изгороди, но не порядок.

Опять же, вы всегда найдете магазины, хорошо снабженные и заполненные товарами. Есть продовольственные магазины - те, где продаются мясо, хлеб, фрукты, овощи, кофе, чай, сахар, масло, сыр. Эти магазины всегда полны всего этого. За весь год не бывает ни одного дня, когда бы не было недостатка в товарах. Вы думаете, все эти вещи появляются сами по себе? Не так: они появляются потому, что их рост, импорт, перевозка и распределение настолько упорядочены накопленным веками опытом, что сбоев в поставках быть не должно.

И снова вы видите, что все виды бизнеса и занятий ведутся без помех. Никто не мешает человеку работать по своему ремеслу или продавать то, что он сделал. Один работник не досаждают другому, хотя тот и является его конкурентом. Возможно, вы думаете, что это спокойствие пришло случайно? Нет: раздоры приходят к людям, оставшимся без правил, но не мир.

Далее, вы можете заметить, что улицы вымощены широкими камнями, удобными для ходьбы и легко содержащимися в чистоте; что проезжие части асфальтированы или вымощены деревом и также чисты; вещи, которые необходимо выбросить, не бросают на улицах: их собирают в телеги и увозят. Вы думаете, что улицы городов остаются чистыми благодаря дождю? Это не так: если бы у нас был только дождь в качестве мусорщика, мы были бы в плачевном положении.

Вы видите, что в каждом доме есть вода. Откуда берется эта вода? Газ освещает дома и улицы. Откуда берется газ? Сточные канавы отводят дождь и жидкий мусор. Как появились стоки?

Вы можете увидеть человека, который ходит от дома к дому, разнося письма. Делает ли он это по собственной воле? Вы прекрасно знаете, что нет; что ему за это платят: он выполняет свой долг. В чем же заключается его долг? Кто отдает ему приказы?

Или вы видите другого человека, который ходит от дома к дому, оставляя в каждом бумажку. Это сборщик налогов. Что такое сборщик пошлин? Кто дает ему право брать деньги с людей? Что он делает с деньгами?

Или вы можете увидеть на стенах плакаты с просьбой проголосовать за этого человека или за того человека в школьный совет, в совет округа, в палату общин или в ризницу. Почему этот

человек хочет быть избранным в один из этих советов? Что он будет делать, когда его изберут? Для чего нужны все эти советы?

Опять же, в вашей памяти никогда не было иначе, и поэтому вы не наблюдаете этого, но если вы прислушаетесь, то увидите, что люди разговаривают с величайшей свободой, когда гуляют с друзьями: никто не вмешивается их разговор, никто не вмешивается в их одежду, никто не спрашивает их, чего они хотят или куда идут. Всегда ли существовала эта личная свобода? Конечно, нет, ведь личная свобода не растет сама по себе.

Проходя по улице, вы увидите церкви всех конфессий: на стенах вы найдете объявления о публичных собраниях для обсуждения или для лекций и выступлений на всевозможные темы: вы увидите плачущие газеты, в которых все темы рассматриваются с максимальной свободой. Возможно, вы полагаете, что свобода мысли, слова, обсуждения, письма приходит в общину, как дождь и ветер? Это не так. Рабство приходит в общество, если хотите, но не свобода. Этого нужно достичь.

Вы видели, как город становится все больше и богаче: люди обзаводятся лучшими домами, более широкими улицами и более обустроенными дорогами. Есть одна вещь, которая сопутствует развитию народа: это хорошее правительство. Если с ростом богатства не улучшится правительство, народ придет в упадок. Но, что примечательно, хорошее правительство может существовать и развиваться только по мере того, как сам народ развивается как в мудрости, так и в богатстве. Такое правительство, какое мы имеем сейчас, было бы бесполезно во времена короля Этельреда или короля Эдуарда I. Такое правительство, какое мы имеем сейчас, было бы невозможно, если бы жители Лондона не продолжали усваивать уроки порядка, хороших законов, уважения к закону, которые из поколения в поколение подавались народу.

61. ПРАВИТЕЛЬСТВО ГОРОДА.

ЧАСТЬ II.

Поскольку все эти вещи не растут сами по себе, кем они были впервые введены, посажены и развиты? Кем они поддерживаются сейчас? Совокупностью органов власти и управления, которую мы называем правительством города и графства Лондона.

Таким образом, на улицах царит порядок: в редких случаях, когда возникают беспорядки, полицейский присутствует, чтобы остановить их. Его присутствие останавливает беспорядки. Не потому, что он сильный человек, а потому, что он неотразим: он слуга закона: он представляет власть. Раньше олдермен округа ходил по своим улицам в сопровождении двух судебных приставов. Если кто-то осмеливался сопротивляться олдермену, ему отрубали руку топором. Таким образом людей учили уважать закон. Такими резкими уроками им внушали, что закону нужно повиноваться. Так постепенно среди них росло стремление к порядку. Полицейский, назначенный начальником полиции, является символом и напоминанием о Законе.

Вы видели, как у жителей Лондона были народные собрания, собрания приходов и собрания избирателей. От первого из них произошел Общий совет, который управляет лондонским Сити в старых границах. Народное собрание было парламентом народа - грубым и бурным, несомненно, но свободным собранием. Когда Сити стал большим, такой парламент стал

невозможен. Поэтому он стал выборным парламентом. Выборы проводились - и проводятся до сих пор - в приходских мотах, причем каждый приход избирает в Общий совет столько членов, сколько составляет его население. Советники избираются только на один год. Если появляется вакансия, избирается также олдермен, но уже пожизненно.

Раньше каждый житель Лондона занимался каким-либо ремеслом, поэтому он принадлежал к какой-либо компании. И как раньше мэра выбирали все жители Лондона вместе взятые, то есть все члены всех компаний, так и по сей день выборщиками лорд-мэра являются члены компаний. Никто другой не имеет права голоса на выборах. Компании уже не включают всех горожан, а ремесленники почти все покинули город. Но власть осталась.

Лорд-мэр - главный магистрат. Вместе с ним работает суд олдерменов, тоже магистратов. При нем находятся высшие должностные лица города: регистратор, или главный судья, городской клерк, камергер, который является казначеем, памятник и сержант.

Воспитание молодежи, содержание стариков, мощение и очистка улиц, освещение, вывоз мусора, машины для тушения пожаров, регулирование дорожного движения, поддержание порядка - всем этим занимаются различные городские советы и суды, а расходы обеспечиваются за счет налогов, называемых тарифами. Иными словами, каждый дом "оценивается" или оценивается как стоящий столько-то арендной платы. Арендатор, который платит ренту, должен дополнительно оплатить сбор в размере столько-то фунтов стерлингов на те или иные цели. Так, за образование, если ставка составляет 1s. в фунте, житель дома, чья арендная плата составляет 100l., должен заплатить 5l. на эту сумму. Он также должен платить за полицию, пожарную бригаду, содержание бедных, освещение и мощение. Его водоснабжением занимается частная компания, другая частная компания поставляет ему газ или электричество. Точно так же продукты питания поставляются частными лицами и привозятся в город частными компаниями. Таким образом, вами управляют люди, которых вы, как предполагается, выбираете сами: для вас поддерживается порядок: для вас найдены образование, защита и удобства: одним словом, жизнь для вас сделана сноской вашим собственным правительством, избранным вами самими - и за ваш собственный счет.

62. ПРАВИТЕЛЬСТВО ГОРОДА.

ЧАСТЬ III.

То лучшее правительство, которое дает наибольшую возможную свободу своему народу: только тот народ может быть счастлив, который способен правильно использовать свою свободу. Вы видели, как обеспечивается ваша личная свобода от насилия, грабежа и посягательств на вашу работу, как вы можете жить в комфорте и чистоте благодаря огромному правительственному механизму, рост которого был постепенным и который всегда должен быть готов к изменениям, чтобы соответствовать потребностям народа. Вы должны помнить, что ваша величайшая свобода - это свобода слова, мысли и печати. Не так давно мученики - как католики, так и протестанты - были казнены за свои религиозные убеждения: Католики и евреи до недавнего времени не допускались в парламент. Сто лет назад о дебатах в парламенте нельзя было сообщать: нужно было очень тщательно взвешивать свои слова, говоря о государе или министрах: некоторые формы мнений не допускались к публикации. Все это изменилось. Вы можете верить во что хотите и отстаивать что хотите, если это не противоречит Божественному закону или закону страны. Таким образом, если бы кто-то стал проповедовать о долге убийцы, его бы очень правильно

остановили. Поэтому, покупая ежедневную газету, заходя в церковь или часовню, слушая обращение или лекцию, помните, что вы пользуетесь свободой, завоеванной для вас упорством и стойкостью ваших предков.

Мы уже говорили о городских компаниях. Они все еще существуют, и хотя их прежние полномочия ушли в прошлое, и они больше не контролируют те профессии, в честь которых названы, их власть все еще очень велика благодаря доходам, которыми они обладают, и управлению благотворительными организациями, учреждениями и т. д., находящимися под их опекой. Всего их было 109, но многие из них были распущены. Тем не менее, их осталось 76. Примерно половина из них владеет залами, которые сейчас являются великими домами города. Число ливрейщиков, то есть членов компаний, составляет 8 765 человек. Компании сильно различаются по численности: например, есть 448 габердашеров: 380 рыботорговцев и 356 изготовителей очков, в то время как флетчеров, то есть изготовителей стрел, всего 16. Многие из этих профессий сейчас вымерли, например, вышеупомянутые флетчеры, луки, гирдлеры, изготовители тетив и оружейники.

Некоторые из этих компаний сегодня очень богаты. Доход одной из них, включая трастовые деньги, составляет 83 000 л. в год. Следует признать, что на свои деньги компании выполняют множество полезных дел. Многие из них, однако, не имеют почти ничего: у изготовителей корзин всего 102 фунта в год, у продавцов стекла - 21 *фунт* в год, у жестянщиков - 7 фунтов. 7s. в год. Поэтому, если вы слышите о большом богатстве городских компаний, помните: (1) что 25 из них имеют менее 500 *фунтов* в год каждая; (2) что богатые компании поддерживают технические колледжи и школы, предоставляют стипендии, поощряют торговлю, проводят выставки, содержат богадельни и делают крупные пожертвования на объекты, достойные поддержки. Маловероятно, что привилегия избирать лорд-мэра будет долго оставаться в руках компаний. Действительно, недостойно великого города, чтобы его главный магистрат избирался столь незначительным меньшинством, как 8 765 человек из сотен тысяч, имеющих свои офисы и ведущих дела в городе: но пока эта привилегия будет утрачена, Компании могут оставаться и продолжать оказывать центральное влияние, по крайней мере, в Лондоне, на ремесла и искусства, которые они представляют. Давайте никогда не разрушать то, что было полезным: давайте, с другой стороны, сохранять его, изменяя в соответствии с изменившимися обстоятельствами. Ведь учреждение не похоже на дерево, которое растет и умирает. Если это хороший институт, построенный на потребностях и приспособленный к обстоятельствам человеческой природы, он никогда не придет в упадок, но, подобно саксонской форме народных выборов, будет жить, развиваться и меняться по мере того, как будет меняться сам народ от эпохи к эпохе.

63. ЛОНДОН.

БОЛЬШОЙ ЛОНДОН.

Большим несчастьем для Лондона стало то, что, когда стена перестала быть истинной границей города, а люди начали распространяться во всех направлениях за пределы стен, не нашлось государственного деятеля с достаточно ясным зрением, чтобы понять, что старая система должна быть расширена или отменена: что Сити должен перестать означать Город Эдвардса и должен включать в себя эти новые пригороды, от Ричмонда на западе до Поплара на востоке и от Хэмпстеда на севере до Балхама на юге. Правда, кое-что было

сделано: появились приходы Бридж-без, который является Саутварком, и Фаррингдон-без. Должно было быть предусмотрено создание новых приходов, когда рост пригорода требовал их добавления. Однако этого сделано не было. Старый Лондон остался таким, каким он был, и таким, каким мы его видим сейчас, окруженный другим, огромным Сити, или совокупностью городов, находящихся под управлением Совета.

Это было сделано в соответствии с Законом 1888 года, согласно которому было создано графство, границы которого совпадают с границами бывшего Столичного управления работ; другими словами, оно охватывает все пригороды Лондона, правильно называемые так. Округ простирается от Патни и Хаммерсмита на западе до Пламстеда на востоке: на севере находятся Хэмпстед и Хайгейт, на юге - Тутинг, Стрейтем, Льюишем и Эльтхэм. В округе 138 советников, из них 19 олдерменов и один председатель. Консервативные тенденции наших жителей проявляются в сохранении старого деления на олдерменов. Это снова короли, лорды и общины. Но функции олдерменов не отличаются от функций советников. Советники избираются плательщиками на три года, олдермены - на шесть, но существует правило, согласно которому они уходят на пенсию в порядке ротации.

Полномочия Совета графства огромны. Он регулирует строительство домов и улиц, дренаж, места развлечений, может закрывать улицы и сносить дома, управляет парками, мостами, туннелями, метро, молочными заводами, болезнями скота, взрывчатыми веществами, приютами для умалишенных, исправительными школами, весами и мерами. Он выдает лицензии на музыку и танцы: по сути, он осуществляет все управление величайшим городом в мире, а в некоторых отношениях и самым управляемым городом.

Для выполнения этих работ Совет расходует около 600 000 л. в год. Его долг составляет 30 000 000 л., против которого используются различные активы, так что реальный долг не превышает 18 000 000 л. Рейтинг за пределами Сити в прошлом году составлял 12½ д. в фунте. Первым председателем был лорд Розбери. Его сменили сэр Джон Лаббок и мистер Джон Хаттон. В списке советников графства есть люди всех рангов и взглядов. Герцоги, графы и бароны заседают в Совете рядом с простыми рабочими людьми - прекрасное обещание на будущее.

Таково правительство Лондона. В Сити то, что должно было быть демократическим, стало олигархическим. Выборы всем народом превратились в выборы только 8000 человек. Без Сити большой демократический парламент привлекает людей, чьи исторические имена и титулы принадлежат аристократии. В Совете лондонского графства пэры могут, если их изберут, сидеть рядом с общинниками.

И наконец, какой главный урок вы должны извлечь из этой истории? Он короткий и может быть сформулирован в нескольких предложениях.

1. Подумайте, как тихо и неуклонно росли ваши свободы из первоначальных свободных институтов ваших саксонских предков. Они выросли, как ствол, дерево, листья, цветок, плод, выросшие из одного семени. Народная соринка, "законопослушность" каждого человека, отсутствие какого-либо владыки, кроме короля, сохранили Лондон всегда свободным и готовым к любому расширению своих свобод. Поэтому уважайте древние вещи, которые сделали город и страну такими, какие они есть. Верьте, что дальнейший естественный рост старого дерева - все еще энергичного - будет для нас безопаснее, чем вырубка и посадка саженца, который может оказаться ядовитым деревом. А со старыми учреждениями уважайте старые места. Никогда, если вы можете помочь, не допускайте, чтобы старый памятник был снесен и разрушен. Держите перед глазами то, что напоминает вам о прошлом. Когда вы смотрите на Лондонский камень, помните, что Генри из Лондонского

камня был одним из первых мэров. Поднимаясь на Колледж-Хилл, вспомните Уиттингтона, который дал ему такое название. Когда вы проходите мимо Королевской биржи, вспомните Грешема: Когда вы поднимаетесь по Уолбруку, вспомните ручей под ногами, римскую крепость справа и британский город слева. Лондон полон ассоциаций для тех, кто читает, знает и думает. Вы станете лучшими гражданами настоящего, если будете знать о гражданах прошлого.

2. Следующий урок - ваш долг перед своей страной. Что это значит - право Народной соринки? Теперь мот стал палатой общин, советом округа, школьным советом. У вас есть те же права, что и у вашего предка. Он ревностно относился к ним: он сражался насмерть, чтобы сохранить и укрепить их. Будьте столь же ревностны, ведь для вас они гораздо важнее, чем когда-либо были для него. Вам приходится защищать в сто раз больше: вы сталкиваетесь с опасностями, которых он не знал и не боялся. Проявите свою ревность, используя свое право как самый священный долг, который вы должны выполнить. Ваш голос - это наследство и доверие. Вы унаследовали его непосредственно от англов и ютов: как вы воспользуетесь этим правом, так и будет плохо или хорошо вам и вашим детям. Будьте очень ревнивы к человеку, которого вы ставите у власти: научитесь отличать человека, который хочет места, от человека, который хочет справедливости: голосуйте только за правильного человека: и делайте все возможное, чтобы найти правильного человека. Это сложно во все времена. Вы можете сделать ее менее трудной, отправив в различные парламенты страны человека, которого вы знаете, который жил среди вас, чья жизнь, чей личный характер, чей послужной список вам известны, вместо незнакомца, который приходит просить у вас голоса. Прежде всего *голосуйте всегда*, и пусть первым долгом в вашем сознании всегда будет защита ваших прав и свобод".

Вот два урока, которые должна преподать вам эта книга: уважение к прошлому и долг перед настоящим.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ОСНОВАНИЕ ЛОНДОНА. ЧАСТЬ I.

Эней - троянский принц, бежавший из Трои, когда она была разрушена греками.

Венера, римская богиня любви и красоты, была матерью Энея.

Троя - знаменитый город на северо-западе Малой Азии. Он был разрушен греческими захватчиками около 1 000 лет до нашей эры, а истории, связанные с ним, составляют одну из главных тем греческих и латинских поэтов.

Тройновант означает Новая Троя.

Константин Великий был императором Рима, то есть всего известного тогда мира, с 305 по 337 год н. э. Он был первым римским императором, принявшим христианство и отдавшим ему предпочтение. В его честь назван Константинополь, который он сделал столицей империи.

Джеффри Монмутский - британский историк XII века. В 1152 году он стал епископом Сент-Асафа. Его "истории" в основном состоят из рассказов, например, о Бруте, в которые сейчас никто не верит.

Исторический документ: письменный документ, который может быть использован для доказательства какого-либо события в истории прошлых времен.

архитектура: искусство строительства; стиль, в котором построены дома.

Корнхилл: улица в лондонском Сити, идущая с запада на восток от Королевской биржи до Лиденхолл-стрит. Вероятно, она была названа в честь семьи с таким именем, а не из-за кукурузного рынка на этом месте.

Бастион: мощная башенка или башня на углу укрепленного здания.

Уолбрук: небольшой ручей, пересекавший город с севера на юг. Он протекал недалеко от того места, где сейчас стоит Особняк (Уолбрук - улица со стороны Особняка), и впадал в Темзу у Даугейта, недалеко от того места, где сейчас стоит железнодорожный вокзал Кэннон-стрит.

Река Флит: небольшой ручей, впадавший в Темзу недалеко от железнодорожного вокзала Блэкфрайарс.

Мурфилдс - участок болотистой местности, расположенный к северу от Сити, за стенами. Ворота Сити, которые вели в этот район, назывались Мургейт, название которых сохранилось в названии улицы Мургейт.

Кен Вуд в Хэмпстеде, **Хайноулт Форест**, небольшой участок леса в Эссексе, примерно в восьми милях к северо-востоку от Лондона, и **Эппинг Форест**, более крупный участок, также в Эссексе, к западу от Хайноулт Форест, - все это оставшиеся части большого леса, который когда-то простирался от Лондона далеко вглубь страны.

Челси, Бермондси: во всех этих словах ea или eu - старое слово, обозначающее остров. Таким образом образованы Уинчелси, Бэттерси и т. д.; **Торни** (где сейчас находится Вестминстер) - остров терновника, а **Джерси** - остров Сезара.

Саутварк: район Лондона напротив Сити, на южной стороне Темзы. Это была Южная работа, или форт, и о нем говорят как о деревне уже в 1327 году, когда на престол вступил Эдуард III.

2. ОСНОВАНИЕ ЛОНДОНА. ЧАСТЬ II.

Малярийный: вызывающий плохой воздух и тем самым приводящий к лихорадке; нездоровый. (Латинское *malus* - плохой; *aer* - воздух).

Вейбридж, в Суррее, недалеко от места, где река Вей, протекая мимо Годаминга и Гилфорда, впадает в Темзу.

Вырыть траншею: сделать траншею или ров. Выкопанная земля была сформирована в курган. Курган и ров, а также острог защищали это место.

Заграждение: барьер из кольев, воткнутых в землю.

Галлия: старое название страны, которая сейчас называется Францией, - земля галлов, или кельтов. *Гэльский* язык - язык, на котором до сих пор говорят кельты в Шотландии.

Танет: округ на северо-востоке Кента, включающий Рамсгейт, Маргейт и Бродстейрс. Река Стоур отделяет его от остальной части Кента, так что он до сих пор является "островом", хотя раньше канал был гораздо шире и глубже.

Капитан Кук: знаменитый мореплаватель, родился в 1728 году, убит на Сандвичевых островах в 1779 году. Он одним из первых посетил Австралию и Новую Зеландию и совершил множество открытий в Тихом океане.

Полинезийцы: коренные жители Полинезии, или небольших островов в южной части Тихого океана. Они имеют смуглую кожу и по расе схожи с маори Новой Зеландии и малайцами.

Брайтоны: та часть кельтов, потомками которой являются валлийцы, бретонцы (в Бретани, на западном побережье Франции) и корнуэльцы.

Баски: уроженцы части северной Испании, расположенной вблизи Пиренеев. Их язык не связан ни с каким другим, кроме, возможно, языка финнов. В их честь названа провинция и Бискайский залив.

Финны: уроженцы Финляндии в России. Как и баски, они представляют собой остатки народа, который когда-то занимал всю Европу, а теперь почти исчез.

Курган: курган, возвышающийся над могилой.

Верулам: старый британский, а затем римский город, на месте которого сейчас находится Сент-Олбанс в Хартфордшире.

3. РОМАНСКИЙ ЛОНДОН. ЧАСТЬ I.

Стационарный лагерь: стационарный или постоянный лагерь; форт. Римская армия на марше разбивала лагерь, если проводила в нем только одну ночь. Такие лагеря не были стационарными.

Порчестер: небольшой город на северной стороне Портсмутской гавани. Честер - латинское *castra*, лагерь, встречается в Лестере, Колчестере, Честере, Силчестере и т. д.

Щебень: небольшие грубые камни, часто используемые для кладки.

Силчестер: место в окрестностях Рединга, где были выкопаны остатки старых римских зданий.

Минсинг-Лейн: узкая улица в восточной части Сити.

Трибунал: место, где заседают судьи для отправления правосудия.

Биржа: место, где встречаются и ведут свои дела купцы.

Стивидоры: те, кто занимается погрузкой и разгрузкой кораблей.

4. РОМАНСКИЙ ЛОНДОН. ЧАСТЬ II.

Тесселированный: состоящий из небольших кусочков камня или плитки разных цветов, расположенных так, чтобы образовать узор, подобно мозаичной работе.

Диана: римская богиня охоты; также Луна.

Аполлон: римский бог поэзии, музыки и пророчества.

Гилдхолл: зал гильдии или корпорации лондонского Сити, расположенный недалеко от Чипсайда.

Узурпатор: тот, кто силой захватывает и занимает не принадлежащую ему должность.

Пикты: дикие дикари из страны, которую мы называем Шотландией; **шотландцы**, также дикари, которые, хотя впоследствии и дали свое название Шотландии, в то время пришли из Ирландии.

Гонконг - остров у побережья Китая; **Сингапур** - крупный британский морской порт на одноименном острове у южной оконечности Малайского полуострова; **Вест-Индия** - ряд островов к востоку от Центральной Америки в Атлантике: из тех, что принадлежат Великобритании, Ямайка - самый большой.

5. ПОСЛЕ РИМЛЯН. ЧАСТЬ I.

Восточные саксы жили в Эссексе - графстве, названном в их честь.

Крейфорд: на реке Крей в северном Кенте. Здесь саксы под командованием Хенгиста полностью разгромили бриттов под командованием Вортимера в 457 году н.э.

Кентербери - бург, город или укрепленное место мужчин Кента.

Пулборо, в Сассексе, дает нам другую форму суффикса.

летописец: историк, особенно живший в ранние времена.

Саксы: Германские племена из района у устья Эльбы; **юты** - из части Дании, которая до сих пор сохранила свое название Ютландия; **англы** - из нынешних Шлезвига и Гольштейна.

Граф Саксонского берега: римский адмирал, поставленный защищать южные части английского побережья, которые назывались "Саксонским берегом", поскольку наиболее подвержены нападению саксов.

Наемники: солдаты, которые сражаются не ради безопасности и славы своей страны, а по найму.

6. ПОСЛЕ РИМЛЯН. ЧАСТЬ II.

Блэкфрайарс, расположенный в восточной части набережной Темзы, получил свое название от стоявшего здесь монастыря или дома черных монахов.

Уотлинг-стрит, Эрмин-стрит, Вицинальная дорога: проложены римлянами, которые были знаменитыми создателями больших дорог, многие из которых до сих пор используются. (См. карту на с. 15.)

Ньюгейт - ворота на западе стен, ограждавших Сити; **Бишопсгейт** - на северо-востоке.

victualling: обеспечение пищей.

чрезвычайные обстоятельства: время трудностей и опасностей.

Остров Танет: следует помнить, что река Стоур в задней части острова Танет когда-то была гораздо шире и глубже, чем сейчас. Фактически, это был общий маршрут для судов, идущих вверх по Темзе.

атрибуты: мебель, фурнитура.

мимики: актеры, игравшие в фарсах, вроде наших *пантомим*.

писцы: у римлян - клерки в государственных учреждениях.

7. ПОСЛЕ РИМЛЯН. ЧАСТЬ III.

Аларих, король германского племени вестготов (вестготов), вторгся в Грецию и Италию и после нескольких поражений взял и разграбил Рим в 410 году н. э. Именно такое положение дел вынудило римлян вывести свои войска из Британии.

На западе бритты еще держались: Уэльс и Корнуолл никогда не были захвачены вторгшимися саксами: Уэльсцы и корнуоллцы - кельты, у которых в Уэльсе есть свой язык, а корнуоллский язык исчез только в последние сто лет.

Уэссекс: земля западных саксов примерно соответствует Англии к югу от Темзы.

Забвение: быть забытым.

Река Ли берет начало в Бедфордшире, недалеко от Лутона, проходит мимо Хартфорда и Уэйра, образует границу между Мидлсексом и Эссексом и впадает в Темзу у Блэкуолла, пройдя сорок миль.

quagmires: marshy, boggy ground that *quakes* under the feet (трясина, трясина).

8. ПЕРВОЕ САКСОНСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ.

Экклезиастический: связанный с церковью. На протяжении многих веков Рим был центром христианского влияния и остается таковым для всех римских католиков.

Ритуал: обычаи и церемонии, используемые при совершении службы в церкви.

Григорий I, или **Великий**, был папой римским в 590-604 гг. н. э. Именно он послал Августина попытаться обратить англичан в 597 году.

Кинглет: мелкий король. В то время Англия была разделена между многими королями, так что владения каждого из них были очень малы.

Распятие: фигура Христа, закрепленная на кресте.

Беда: монах и церковный историк, который жил и умер в Ярроу в графстве Дарем в 735 году н.э.

Линдесфарн, или Святой остров, у побережья Нортумберленда.

Нортумбрийцы: жители Нортумбрии, то есть Йоркшира, Дарема и Нортумберленда.

Мерсийцы: жители Мерсии, или среднеанглийской земли.

верховенство: Нортумбрия, Мерсия, Уэссекс были отдельными королевствами, которые последовательно, в том порядке, в котором они приведены, были достаточно сильны, чтобы одержать верх над остальными. Король Уэссекса в конце концов стал королем Англии.

Witan, или в более полной форме **wit-an-a-ge-mote**, "собрание мудрецов", был национальным советом, который впоследствии вырос в наш современный парламент.

9. ВТОРОЕ САКСОНСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ.

Язычники - язычники, еще не обращенные в христианство.

Король Альфред, прозванный Великим, был королем Англии в 871-901 годах нашей эры.

Олдермен в ранней Англии означал правителя большого округа, такого как шир или королевство. Когда Мерсия перешла под власть Уэссекса, ею управлял олдермен.

Бенфлит: место в Эссексе, на северном берегу Темзы, недалеко от Саутенда.

Брунанбург был местом поражения датчан от Ательстана в 937 г. н. э.; место теперь невозможно определить.

Свейн, король Дании, вторгся в Англию вместе со своим сыном Канутом в 1013 году н.э.

Редрифф сейчас называется Ротерхит, к югу от Темзы.

Король Этельред II, прозванный Унредигом, или лишенным совета, правил с 979 по 1013 год нашей эры.

Олаф или **Олаф** и **Магнус** - скандинавские имена: так назывались первые короли Норвегии.

Портрив: рив или губернатор Лондона - главный магистрат или мэр города.

Сталлер, или **маршал**, вел лондонских мужчин в бой.

Рыцарская гильдия была правящим советом Лондона: они не выбирались на выборах, а были главными владельцами собственности, и, как и их земля, должность передавалась от отца к сыну.

соринка: собрание.

hustings: общее собрание граждан, проводившееся каждую неделю; позднее это слово стало означать платформу, с которой кандидаты в депутаты обращались к своим избирателям.

10. АНГЛО-САКСОНСКИЙ ГРАЖДАНИН.

Ательстан (925-940), внук Альфреда Великого, и **Этельред II**. (979-1013) были королями Англии.

граф или **эорл** - то, что мы сейчас называем джентльменом из хорошей семьи; **таны:** дворяне, которые в большинстве своем получали свои титулы от короля в качестве награды за заслуги.

муниципальный: имеющий отношение к муниципалитету или городу.

Французский: Нормандско-французский язык - язык, на котором говорили норманны.

Мясо и рыбу солили: в отсутствие корнеплодов было трудно содержать животных в течение зимы. Поэтому запасали много соленого мяса и рыбы.

Вышивка: искусство нанесения рисунка на ткань при рукоделии.

пряха: незамужняя женщина; так называется потому, что незамужние дочери занимались прядением и ткачеством для домашнего хозяйства, изготавливая для них "домотканую" ткань.

мародерствовать: бродить в поисках добычи.

солнечная: в ранних домах комната над залом, служившая спальней для хозяина и хозяйки дома (см. рисунок на с. 73).

Гобелен: толстые полотнища или занавеси с вытканными на них фигурами.

медовуха: перебродивший напиток из меда: метеглин - другая форма этого слова.

Плетень: гибкие ветки, прутья осины или ольхи: **мазила**, грязь.

turbulent: беспорядочный, буйный.

Темз-стрит: очень узкая улица, идущая вдоль берега Темзы между Блэкфрайерс и Тауэром.

Приход: часть города. До сих пор существует **приходской мот** или приходское собрание, на котором избирается олдермен или представитель прихода в городском совете.

11. ЛОНДОНСКАЯ СТЕНА.

Белая башня - это центральная часть Лондонского Тауэра, начатая Вильгельмом Завоевателем и законченная Красным королем. Ее высота составляет 92 фута, а толщина стен - 17 футов.

Даугейт: место, где находились одни из ворот Старой Лондонской стены, недалеко от железнодорожной станции Кэннон-стрит: здесь Уолбрук впадал в Темзу.

Квин Хите: "Место высадки королевы". Купцы были вынуждены выгружать здесь свои товары, чтобы уплаченные пошлины шли королеве.

Слияние: стечение, место, где встречаются две реки. Флот впал в Темзу у Блэкфрайарса. (Латинское *sum*, с, вместе; *fluo*, течь. Сравните, *текучий*, *беглый*).

Башня Монфише находилась рядом с замком Байнарда, в юго-западном углу старых стен в Блэкфрайарсе. Обе башни были названы в честь занимавших их норманнских арендаторов.

Сейчас **Хаундсдитч** - это поперечная улица, соединяющая Бишопгейт-стрит и Олдгейт, с церковью Святого Ботольфа в каждом ее конце. Она примыкала ко рву или канаве вокруг городской стены.

Allhallows: то же, что и All Saints - все святые, которым часто посвящались церкви и память которых отмечается 1 ноября, в День всех святых.

На церковном дворе **Сент-Джайлс, Крипплгейт**, находится часть Лондонской стены. Мильтон был похоронен здесь в 1674 году.

12. НОРМАН ЛОНДОН.

Епископ и портье: два главных должностных лица Сити, один из которых управляет церковью, а другой - гражданским правителем.

Хартия: грамота, подтверждающая или предоставляющая привилегии.

Бюргеры или бюргерши: жители города.

Гилдхолл содержит необходимые офисы и помещения для гильдии или корпорации, городского клерка и т. д., городскую библиотеку, музей и судебные инстанции, а также большой зал, вмещающий 7 000 человек.

Феодальные требования: требования, предъявляемые владельцами при феодальной системе к своим арендаторам. Обычно такие требования касались военной службы или чего-то эквивалентного.

Матильда, дочь Генриха I, мать Генриха II и вдова императора Германии Генриха V, была противницей Стефана (1100-1135) в гражданской войне его правления. Она отдала Лондон в качестве "демесна" графу Эссексу с Тауэром в качестве его замка.

Данегельд, или датские деньги: налог, взимавшийся для выкупа датчан.

Шериф, или шир-рив, губернатор шира, был представителем короля в каждом шире: он собирал доходы, вызывал и вел солдат, а также вершил правосудие.

Justiciar: судья. Это была одна из привилегий города - иметь собственного судью для рассмотрения дел в его пределах.

stipulated: оговоренный.

конституция: форма правления.

Приорат: дом для монахов или монахинь под управлением настоятеля или настоятельницы.

Св. Катерины Кри: эта церковь находится на Лиденхолл-стрит, недалеко от Олдгейта. Кри в этом имени означает Христос.

Портсокен - один из районов Сити, расположенный рядом с Олдгейтом и Минорисом.

13. РАССКАЗ ФИЦСТЕФЕНА О ГОРОДЕ. ЧАСТЬ I.

Св. Варфоломея Великого в Смитфилде - часть госпиталя св. Варфоломея.

Этельбурга на Бишопсгейт-стрит, недалеко от железнодорожного вокзала Ливерпуль-стрит.

Крипта - это часовня или склеп под землей.

Церковь Святого Свитина находится рядом с железнодорожной станцией Кэннон-стрит. В стену этой церкви вделан "лондонский камень", предположительно римская веха. Святой Свитин, которому посвящена церковь, был саксонским епископом Винчестера, под опекой которого в Винчестере прошла юность Альфреда.

Томас Бекет, архиепископ Кентерберийский, был убит в своем соборе четырьмя рыцарями, которые думали, что исполняют волю Генриха II. (1170 Г. Н.Э.).

Конвентуальный: относящийся к монастырям.

Палатинский обычно означает "принадлежащий дворянину, получившему королевские полномочия".

Вестминстер назван в честь деревянного минстера, впервые возведенного здесь около 604 года н. э.: таким образом он отличался от собора Святого Павла, который был "восточным минстером". На этом месте находилось болотистое место, которое тогда называлось Торни, или остров Торн.

Чаринг-Кросс получил свое название от памятного креста, воздвигнутого здесь Эдуардом I в 1294 году в честь его королевы Элеоноры, которую привезли для погребения из Линкольна в Вестминстер, и каждое место (девять), где покоилось ее тело, было отмечено подобным крестом. ("Чаринг" - это словосочетание от французского *chère reine*, дорогая королева).

Чипсайд: важная улица, проходящая между собором Святого Павла и Мэншн-Хаусом, названа так потому, что на ее месте находилась южная сторона Чепе, или старого лондонского рынка.

Ист-Чепе, или Восточный рынок, дал название Истчипу, улице, идущей от Сити в сторону Тауэра.

Мерсер: торговец, продающий шерстяные и шелковые ткани.

Фолькмоты: собрания народа или племени: в саксонские времена они собирались по оружию, а председательствовал на них олдермен.

14. РАССКАЗ ФИЦТЕФЕНА О ГОРОДЕ. ЧАСТЬ II.

Тайберн: ручей, давший название месту Тайберн, где сейчас стоит Мраморная арка.

Уэстборн: этот ручей дал название Уэстборн-парку в Паддингтоне.

О **Холиуэлл** можно вспомнить по Холиуэлл-стрит в Стрэнде.

Клеркенвелл назван в честь колодца приходских клерков, вокруг которого они совершали свои "таинства".

Четверть посоха: длинный посох, используемый в качестве оружия защиты, который держат посередине, а также на расстоянии четверти от конца.

табор: вид маленького барабана, в который били одной барабанной палочкой.

консулы: главные магистраты Рима: каждый год в должность вступали двое из них с равными полномочиями.

сенаторский: назначаемый и контролируемый сенатом или правящим советом Рима.

оленина (произносится *vel ' -zon*): мясо оленя.

клирик: священнослужитель.

аббат: глава аббатства или монастыря.

магнат: великий человек, человек большого богатства и ранга. (Латинское *magnus*, великий).

митрополит: епископ митрополии или главного кафедрального города, так как Кентербери в этом смысле является митрополией Англии.

ordinances: законы, повеления.

15. ЛОНДОНСКИЙ МОСТ. ЧАСТЬ I.

Архитектор: тот, кто проектирует здания и руководит их строительством.

Еврейство: район в городе, населенный евреями; ибо в ранние времена евреям не разрешалось жить, где им вздумается, а только в отведенных для них кварталах. Улица, называемая сейчас Старой Еврейской, выходит из Птицефабрики на северной стороне.

essential: что-то очень важное, без чего нельзя обойтись.

Интеркоммуникация: общение, сделки между людьми, которые значительно облегчаются благодаря наличию хороших дорог и мостов, по которым можно передвигаться.

Ла-Рошель: морской порт во Франции на берегу Атлантического океана, на некотором расстоянии к северу от Бордо.

Сент: французский город в тридцати восьми милях от Ла-Рошели.

Святой Томас Бекет, убитый архиепископ Кентерберийский, который после смерти был канонизирован, то есть причислен к лику святых.

Титулярный: давший свое имя мосту.

Склеп: подземное или нижнее помещение, используемое в качестве часовни или места погребения.

16. ЛОНДОНСКИЙ МОСТ. ЧАСТЬ II.

Король Эдуард I: 1272-1307 ГГ. Н.Э.

Галантерейщики: торговцы "мелкими товарами", такими как вата, лента, иглы и булавки.

Ганс Гольбейн: знаменитый немецкий художник, который приехал жить в Англию и был представлен Генриху VIII.

Морские живописцы: художники, специализирующиеся на изображении лодок, кораблей и морских пейзажей. (Латинское *mare* - море).

Стрелять по мосту: проплывать через арки на лодке.

Королева Генриетта была английской королевой Карла I. После Гражданской войны она удалилась во Францию, где и умерла в 1669 году.

Рубенс - знаменитый фламандский живописец, родился в 1577 году, умер в Антверпене в 1640 году.

Сэр Томас Уайетт возглавил восстание в Кенте, которое было спровоцировано браком Марии с Филиппом Испанским и восстановлением римского католицизма. Он собирался пересечь Лондонский мост, но, обнаружив, что это невозможно, переправился через Темзу в Кингстоне. Восстание провалилось, и Уайетт был казнен, 1554 год.

Сэр Уильям Уоллес: храбрый шотландский джентльмен, возглавивший шотландцев против Эдуарда I, который пытался лишить Шотландию независимости. В конце концов Уоллес был схвачен и казнен как предатель в Тайберне, 1305 год.

Джек Кейд возглавил восстание в Кенте в 1450 году из-за недовольства правительством Генриха VI: 30 000 повстанцев собрались в Блэкхите, но движение закончилось неудачей, а Кейд был убит.

Сэр Томас Мор: добрый и ученый канцлер Генриха VIII, автор знаменитой книги "Утопия". Он был казнен как предатель в 1535 году.

Святой Томас на мосту: то есть Томас Бекет, которому был посвящен мост.

представление: великолепное зрелище или шествие.

бывший подмастерье: тот, кто когда-то был подмастерьем.

17. ЛОНДОНСКАЯ БАШНЯ. ЧАСТЬ I.

Dominare - господствовать, властвовать, быть хозяином. (Латинское *dominus* - господин, повелитель).

Крестовый поход: экспедиция под *крестным* знаменем с целью отвоевать Святую землю у турок. Ричард I отправился в третий крестовый поход в 1191 году.

антиквары: люди, изучающие древние вещи.

mediaeval: сделанный в средние века; период, грубо говоря, между временем римлян и правлением Генриха VII. (400-1485).

лейтенант: офицер, командующий в Тауэре.

кипер: самая сильная часть крепости или замка.

знаки отличия: знаки отличия какой-либо должности.

зверинец: коллекция диких животных.

Королева Анна Болейн, чтобы жениться на которой, Генрих VIII развелся с Екатериной Арагонской. Она была матерью королевы Елизаветы.

Леди Джейн Грей была провозглашена королевой герцогом Нортумберлендом после смерти Эдуарда VI, но попытка предотвратить воцарение Марии оказалась неудачной, и леди Джейн Грей была казнена в 1554 году.

Гай Фоукс: заговорщик, пытавшийся взорвать короля и парламент в 1605 году.

Несчастливыми принцами были Эдуард V., сын Эдуарда IV. и законный король, и Ричард герцог Йоркский, его младший брат, убитый в Тауэре узурпатором Ричардом III. в 1483 году.

18. ЛОНДОНСКАЯ БАШНЯ. ЧАСТЬ II.

Подданство: долг подданного перед своим сеньором-государем.

Лорд Гастингс был казнен по приказу герцога Глостера, впоследствии Ричарда III, в 1483 году за то, что поддерживал сторону Эдуарда V и его родственников.

ordnance: артиллерия, пушки, большие пушки.

antipast: послевкусие.

Клерк: священнослужитель, ученый, поскольку в ранние времена все обучение ограничивалось духовенством.

19. ПИЛИГРИМЫ.

ague: лихорадка, наступающая через определенные промежутки времени, с приступами дрожи.

Изоляция: жизнь вдали от внешнего общения, одинокое положение, как у людей на *острове*, отрезанных от остального мира.

Фламандцы: жители Фландрии, области, которая в настоящее время включает в себя часть Бельгии, Южной Голландии и Северной Франции.

Уолсингем: место на севере Норфолка, где находилась знаменитая святыня.

Гластонбери: небольшой городок недалеко от Уэллса, в графстве Сомерсетшир.

Компостелла: место в Испании, где находится святилище святого Иакова, покровителя Испании.

Чосер: великий ранний английский поэт, родился в Лондоне в 1328 году, умер в 1400 году.

Экспирация: возмещение ущерба, искупление.

Гроб Господень: место погребения Господа в Иерусалиме, спасение которого от турок было целью крестовых походов.

20. ST. ВАРФОЛОМЕЕВСКАЯ БОЛЬНИЦА.

Эндаумент: деньги, выделенные на постоянную поддержку какого-либо учреждения, например церкви, больницы или школы.

Госпитальер: тот, кто отвечает за госпиталь. Термин обычно применяется к рыцарям Святого Иоанна, которые построили госпиталь для больных крестоносцев в Иерусалиме.

Свалка: скотобойня.

Уиттингтон, первоначально подмастерье в Лондоне, стал богатым мерсером, трижды лорд-мэром и был посвящен в рыцари. Он умер в 1423 году, не имея детей, и оставил свое состояние для общественных объектов, таких как тот, о котором идет речь в тексте.

Роспуск религиозных домов, проведенный Генрихом VIII в 1536-1540 гг. ради грабежа, который они приносили.

Хлороформ: бесцветная жидкость, которая при вдыхании вызывает полную нечувствительность к боли.

Нормандские окна: то есть построенные в стиле, привнесенном норманнами. Закругленные верхушки дверей и окон можно увидеть на иллюстрации на с. 44.

Ланторн: приподнятая конструкция на крыше, с роговыми или стеклянными боками для освещения.

клинический: присутствующий у постели больного.

residential college: где они проживают или обитают.

больница для выздоравливающих: где те, кто перенес какую-либо болезнь, могут снова стать здоровыми и сильными.

21. УЖАС ПРОКАЗЫ.

Проказа: страшная болезнь кожи и крови, некогда распространенная в Европе, а теперь в основном распространенная на Востоке.

lazar: прокаженный; тот, кто страдает от нечистой болезни, как Лазарь в Евангелии от Луки xvi.

congregate: собираться вместе, толпиться.

stringent: строгий.

устав: правила или законы.

Книга еврейского закона: то есть книга Левит.

ulcerates: пораженный язвами или болячками.

Месса: празднование Вечери Господней в Римско-католической церкви.

Бертон Лазарс: деревня в одной миле от Мелтон-Моубрей, в Лестершире. Здесь, благодаря отличным серным источникам, в царствование Стефана была основана главная больница для прокаженных.

Наследственный: передающийся от родителей к детям.

22. УЖАС ГОЛОДА.

24 шиллинга за четверть: это недалеко от нынешней цены на пшеницу, которая дает нам дешевый хлеб. Но в 1257 году 24 *шиллинга* были бы эквивалентны по крайней мере 20 фунтам *стерлингов* в наших деньгах.

ретейнеры: люди, состоящие на службе у дворянина и носящие его ливрею и значок.

Ганзейские купцы: купцы, торговавшие с ганзейскими городами в Германии (среди которых был Гамбург), которые образовали лигу для самозащиты примерно в XII веке.

амбар: место для хранения зерна или кукурузы.

23. СОБОР СВЯТОГО ПАВЛА. ПАВЛОВСКИЙ СОБОР. ЧАСТЬ I.

460 футов: самый высокий шпиль в Англии, шпиль Солсберийского собора, составляет около 404 футов.

Его длина составляла не менее 600 футов: нынешний собор, третий по счету на этом месте, имеет длину 500 футов.

Святилище: вместилище для реликвий и других священных вещей. (Слово означает "сундук").

Придел (произносится как "*иле*") - боковая сторона или крыло церкви.

писец: писатель. В те ранние времена так мало людей умели читать и писать, что людям часто приходилось прибегать к услугам профессиональных писателей.

deed: письменный документ, относящийся к какой-либо юридической сделке.

Передача: письменный документ, юридически оформляющий передачу имущества, особенно домов и земли, от одного человека к другому.

Хамфри герцог Глостерский был младшим братом Генриха V, после смерти которого он стал регентом в Англии в 1422 году. Он умер в 1447 году.

Святой Катберт был монахом, миссионером и епископом Линдесфарна, острова у побережья Нортумберленда, где он умер в 687 году н. э. и был похоронен в Даремском соборе.

ризница: помещение, примыкающее к церкви, где хранятся священные сосуды, облачения и т. д.

24. ST. СОБОР ПАВЛА. ЧАСТЬ II.

Иниго Джонс (родился в 1572 г., умер в 1652 г.) - знаменитый архитектор.

Портик: ряд колонн перед зданием.

Биржа: здание, где собираются купцы для ведения дел.

Неф: основная часть церкви, по обе стороны от нефа расположены нефы.

Король Карл II вернулся в 1660 году во время Реставрации.

Сэр Кристофер Рен (родился в 1632 г., умер в 1723 г.) - величайший английский архитектор. После великого пожара он восстановил собор Святого Павла, пятьдесят лондонских церквей и множество общественных зданий. Над его могилой в соборе Святого Павла высечена надпись на латыни: "Если вы ищете его памятник, оглянитесь вокруг".

Райсвикский мир 1697 года, заключенный Англией, Испанией и Голландией с Людовиком XIV Французским.

Доктор Джонсон (родился в 1709 г., умер в 1784 г.): один из великих представителей английской литературы, автор знаменитого словаря.

Востоковед, или **ориенталист**, - человек, изучающий восточные или индийские языки, такие как персидский, арабский, хинди, санскрит и т. д.

саркофаг: каменный сундук для хранения трупа.

Порфир: твердый камень, окрашенный в пурпурный и белый цвета.

Битва при Ниле, 1798 г.; **мыс Сент-Винсент**, 1797 г.; **Кампердаун**, 1797 г.

Лорд-альмонер: чиновник, распределяющий королевские благотворительные и щедрые пожертвования.

Славянский: группа родственных языков, включая русский, польский и болгарский.

25. ЦЕРКОВНЫЙ ДВОР ПАВЛА.

Эмбатлед: построенный с крепостными стенами.

Малые каноники: священнослужители собора, которые ведут службы и следят за музыкой.

Чертог: место, где хранятся кости умерших.

Финсбери Филдс: *болотистая* местность, лежащая к северу от Мургейт старых стен Сити.

Папские буллы: декреты и распоряжения, изданные папой, названные так из-за приложенной к ним печати.

Латимер (родился в 1470 г., умер в 1555 г.), епископ Вустера, сожженный на костре за свои протестантские взгляды вместе с Ридли, епископом Лондона.

Дом главы: здание, где собирается глава или духовенство собора.

Сакрист: служащий в соборе, который переписывал и заботился о музыке и книгах.

Цепь Павла: названа так потому, что во время службы движение останавливалось цепью.

26. РЕЛИГИОЗНЫЕ ДОМА.

Лесник: тот, кто отвечает за лес, рубит дрова, сажает новые деревья и т. д.

викарий: тот, кто действует вместо другого; отсюда священник, который от имени своего монастыря проводил службы в приходской церкви.

ордена: различные братства, на которые делились монахи.

Неразборчивая благотворительность: подаяние без раздумий, независимо от того, хорошо или плохо оказана благотворительность.

Минориты: монахи или монахини, принадлежащие к францисканскому ордену, которые в своем смирении называли себя "меньшими" (*minores*) братьями или сестрами.

Блэкфрайерс - доминиканцы; **Уайтфрайерс** - кармелиты; **Грейфрайерс** - францисканцы, судя по цвету их платьев.

Хартия: дом монахов-картузианцев.

Храм: когда-то это был дом **тамплиеров**, рыцарского ордена, чьей обязанностью было охранять Гроб Господень.

Часть церкви... еще можно увидеть: в Клеркенвелле до сих пор стоят ворота приорства Святого Иоанна.

27. МОНАХИ, МОНАХИНИ И МОНАХИ.

Без разбора: не делая никаких различий между ними.

Отшельник, с греческого, и **одинокка**, с латинского, означают одно и то же - тот, кто удаляется от мира и живет в уединенном месте.

Монте-Казино, в Кампании, недалеко от Неаполя, где святой Бенедикт основал свой монастырь в 529 году нашей эры.

Святого Бенедикта часто сокращают до Бенета, как в названии нескольких лондонских церквей.

Аскетизм: суровые правила жизни и поведения.

Монахи, или братья (фр. *frères*, лат. *fratres*): те ордена, которые пошли в народ.

Ассизи: город в Центральной Италии, где родился святой Франциск.

Святой Доминик: родился в Кастилии, в Испании, в 1170 году, умер в 1221 году; основал свой орден для обращения "еретиков" и добился создания **инквизиции**, или суда для наказания еретиков.

Убежище: убежище, где преступники были в безопасности от закона. Сэр В. Скотт в "Судьбах Найджела" хорошо описывает незаконный характер этого района во времена правления Якова I.

Святой Бернард: знаменитый брат ордена цистерцианцев (родился в 1091 г., умер в 1153 г.).

28. ЛОНДОНСКИЕ ЦЕРКВИ.

Святой Августин был послан папой Григорием Великим в 597 году для обращения язычников-англичан: он был "апостолом англичан" и первым архиепископом Кентерберийским.

Святой Дунстан, ставший архиепископом Кентерберийским и умерший в 988 году, был не только ревностным священником, но и великим государственным деятелем и правителем.

Святой Алфег: архиепископ Кентерберийский, убитый датчанами в 1012 году нашей эры.

Сайз-лейн: переулок в Сити, недалеко от Кэннон-стрит.

Бэсинги: старинная семья из Сити, чья фамилия сохранилась также в районе Бэссишоу и на Бэсингхолл-стрит.

Хлебная улица, выходящая из Чипсайда, показывает, где в старом Лондоне жили в основном пекари.

Джон Мильтон (родился в 1608 г., умер в 1674 г.) написал "Потерянный рай", "Покоренный рай" и несколько прекрасных коротких произведений.

Три поэта: i. грек Гомер, предполагаемый автор благородных эпосов "Илиада" и "Одиссея" (около 1000 г. до н. э.); ii. римлянин Вергилий, автор "Энеиды" (родился в 70 г. до н. э.); iii. англичанин Мильтон. Знаменитая эпитафия была написана Джоном Драйденом.

Уильям Тиндал помог Реформации, переведя на английский Новый Завет (1526) и часть Ветхого Завета. Он был сожжен как еретик в Вильвурде, недалеко от Брюсселя, в 1536 году.

Уильям Каупер (родился в 1731 г., умер в 1800 г.), автор "Задачи" и других прекрасных стихотворений.

29. УЛИЦЫ.

Плантагенеты: Генрих II, 1154-1189, был первым из рода королей, носивших это имя, названное так по значку, который носил отец Генриха, - веточке метлы.

Chesel - англосаксонское слово, означающее "галька", а **Kiesel** - немецкое, означающее то же самое. **Чесил-Бич**, расположенный недалеко от Уэймута, представляет собой замечательную галечную отмель, соединяющую Портленд-Билл с материком.

Сомерсет-хаус на Стрэнде: дворец протектора Сомерсета был снесен, а на его месте возведены государственные учреждения.

Нортумберленд-хаус, ныне снесенный, дал название Нортумберленд-авеню, расположенной недалеко от Чаринг-Кросс.

В Саутварке... много трактиров: в частности, "Табард", где собирались паломники Чосера.

mediæval: живущий в средние века, то есть примерно до 1500 года нашей эры.

железные мастера в их переулке: то есть в переулке Железных мастеров, выходящем из Чипсайда.

30. УИТТИНГТОН. ЧАСТЬ I.

Мерсер: купец, торгующий шелковыми или шерстяными товарами.

Исполнители: те, кто назначен исполнять последнюю волю и завещание умершего человека.

Левантинец - в Леванте, или восточной части Средиземного моря.

Гвинея - на западном побережье Африки.

Писарро: испанский авантюрист, отвоевавший Перу у туземных правителей, инков, и убитый в своем дворце в Лиме в 1541 году.

Восьмерка (долларов), то есть около 30 с.

Оценка: стоимость дома или имущества для определения суммы налогов, которые необходимо уплатить.

31. УИТТИНГТОН. ЧАСТЬ II.

Винник: продавец вина.

Уайклифф, родившийся около 1324 года, был ученым теологом и настоятелем Люттерворта в Лестершире. За проповедь протестантских доктрин он был вызван в собор Святого Павла для ответа на обвинение в ереси в 1377 году.

Таким образом, **Джон Гонт** предпринял вторую попытку лишить Лондон его вольностей и хартии; Матильда, противница Стефана, пыталась сделать это задолго до него, но все закончилось ее низвержением (см. с. 45).

Маршал был командующим королевскими войсками. Подчинить ему Лондон означало уничтожить его свободу. Эта должность передавалась по наследству в семье герцога Норфолка и, как и другие королевские должности, стала неважной, когда стала наследственной.

Восстание крестьян, 1381 год, против чрезмерных налогов и привязанности к земле в качестве крепостных своих помещиков. **Джон Болл**, популярный проповедник, обычно спрашивал:

"Когда Адам заблудился, а Ева разбежалась,
Кто тогда был джентльменом?"

Архиепископ Кентерберийский Саймон Садберийский, будучи канцлером, предложил налоги, на которые жаловались; поэтому крестьяне убили его.

rescinding: отмена закона.

32. УИТТИНГТОН. ЧАСТЬ III.

Сожжение еретиков и лоллардов: в 1401 году, в царствование Генриха IV, был принят парламентский акт о сожжении еретиков.

Лоллардами называли тех, кто отличался от церкви до Реформации. Название происходит от немецкого слова *lollen* - петь - из-за обычая этих реформаторов.

Особняк: официальный дом лорда-мэра. Нынешнее здание было построено в 1739 году; до этого для этой цели использовался дом в Чипсайде.

Облигация: письменное обязательство, обязывающее кого-либо выплатить определенную сумму денег. Когда нужны были деньги, король брал займы у богатых граждан и давал залог или обещание вернуть долг.

Королевская церковь Святого Михаила Патерностер находится на Колледж-Хилл, рядом с Кэннон-стрит. Церковь получила такое название от Королевского Тауэра, подаренного Эдуардом III в 1331 году своей королеве Филиппе для ее гардероба.

33. ПОДАРКИ И ЗАВЕЩАНИЯ.

Марка: монета, ныне устаревшая, стоимостью 13 с. 4d.

interdicted: запрещенный, препятствующий.

техническая школа: место, где обучают полезным и практическим искусствам и ремеслам.

акведук: искусственный канал для воды.

Севеноукс, в Кенте.

Хайам Феррерс - небольшой город в Нортгемптоншире.

34. ДВОРЦЫ И ВЕЛИКИЕ ДОМА.

Создатель королей: Уорик был назван так потому, что помог Эдуарду IV стать королем в 1461 году и на время восстановил Генриха VI в 1470 году. Он был убит в битве при Барнете в 1471 году.

Четырехугольник: открытый двор, квадрат, вокруг которого расположены здания.

Коллегия герольдов: правительственное учреждение при графе-маршале, занимающееся родословными и гербовыми знаками.

Хэмптон-Корт: королевский дворец, построенный кардиналом Уолси.

Сент-Джеймский дворец: официальная резиденция королевы в Лондоне; Букингемский дворец - ее личная резиденция.

Маслобойня: кладовая, где хранились спиртные напитки и прочая провизия.

Замок Байнард дал название одному из районов Сити.

Герцог Бекингем добился короны для Ричарда III, а затем, будучи недостаточно вознагражденным, восстал против него и был казнен в 1483 году.

Джордж, герцог Кларенс, брат Эдуарда IV, сначала встал на сторону своего тестя, графа Уорика, а затем присоединился к брату в 1471 году. Поэтому Шекспир справедливо назвал его "ложным, мимолетным, лживым Кларенсом". Он был обвинен в государственной измене и найден мертвым в Тауэре в 1478 году.

35. РАЗВЛЕЧЕНИЯ.

Турнир: притворный поединок, на котором рыцари, в основном верхом, показывали свое мастерство.

Двенадцатый день: двенадцать дней после Рождества, в прошлом повод для больших празднеств, которые сейчас почти угасли.

Моррис: *мавританский* танец под аккомпанемент колокольчиков и тамбуринов.

Крессет: вид фонаря, состоящего из открытого мангала, наполненного горючими материалами.

Демиланс: вид конного солдата, вооруженного коротким копьем.

Маммерии: развлечения, проводимые людьми в масках.

Комендантский час: колокол, звонивший в восемь часов вечера в знак того, что нужно погасить все огни. Древние города, в которых было много дерева, подвергались серьезным пожарам.

36. ВЕСТМИНСТЕРСКОЕ АББАТСТВО.

Thorney, Isle of Thorns; *ey* и *ea* означают остров, как в Anglesey, Chelsea, Winchelsea.

участок: граница территории, принадлежащей церкви или другому учреждению.

комиссар: назначенный следить за выполнением работ.

Сэр Г. Гилберт Скотт, родился в 1811 году, умер в 1878 году, был величайшим современным английским архитектором.

прибежище: бежала за убежищем в аббатство, откуда ее нельзя было забрать, не нарушив привилегий церкви.

Уильям Кэкстон установил в 1476 году первый печатный станок в Англии.

Кресло для коронации: под ним находится знаменитый камень, привезенный Эдуардом I из Скоуна, на котором короновались все шотландские короли, начиная примерно с 800 года нашей эры.

37. СУД В ВЕСТМИНСТЕРЕ.

Суд Звездной палаты, в котором дела рассматривались несколькими членами Тайного совета и двумя судьями без присяжных. Он был учрежден в 1487 году для восстановления порядка, поскольку крупные лорды и землевладельцы пугали присяжных, чтобы те не выносили правдивых вердиктов.

Медведь и потрепанный посох: оружие графа Уорика состояло из медведя, стоящего во весь рост и обнимающего грубый посох. (См. изображения на стр. [111](#), [113](#).)

аррас: гобелен для подвешивания; назван так от Арраса, на севере Франции, где он был изготовлен.

трапезная: зал, где монахи или монахини принимали пищу.

38. ПРАВОСУДИЕ И НАКАЗАНИЯ.

исполнительные чиновники: те, чья обязанность - следить за соблюдением закона.

contrition: раскаяние.

ценные бумаги: акции и паи; бумаги, которые не могут быть полезны обычному вору.

Брайдвелл: место, где находилась тюрьма, ныне снесенная. Она примыкала к Уайтфрайерсу, и на карте ее можно увидеть к западу от Блэкфрайерса.

amende honorable (фр.): когда тот, кто поступил неправильно, дает удовлетворение без потери чести.

Столб: каркас, опирающийся на вертикальный столб. В нем были отверстия, через которые просовывали голову и руки преступников. В таком неудобном положении они должны были стоять, подвергаясь оскорблениям толпы.

Зубчатый: нагруженный так, чтобы всегда падать определенным образом.

титулы: документы, составленные в надлежащей юридической форме, подтверждающие владение имуществом.

39. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ ЛОНДОНА.

Фруассар: ранний французский летописец или историк, посетивший Англию во времена правления Эдуарда III и Ричарда II и умерший в 1401 году.

besotted with: stupidly and excessive fond of.

commonalty: простые люди.

Замок Беркли в Глостершире, где в 1327 году был убит Эдуард II.

родился сын: Эдуард, принц Уэльский, родившийся в 1453 году. После победы йоркистов при Нортгемптоне в 1460 году притязания Эдуарда на трон были отменены в пользу Ричарда, герцога Йоркского, отца Эдуарда IV. Принц был убит в битве при Тьюксбери в 1471 году.

Благодения: денежные ссуды, якобы добровольные, но на самом деле обязательные, которые купцы и другие богатые люди давали королю.

чарты: бумаги; **пустые чеки:** поручения в банке на получение денег, в которых заполнено и должным образом подписано все, кроме требуемой суммы.

фактор: если 2×3 составляет шесть, то 2 и 3 - это факторы 6; следовательно, это то, что помогает достичь какого-то результата.

40. ЕЛИЗАВЕТИНСКИЙ ЛОНДОН. ЧАСТЬ I.

Стоу (родился в 1525 г., умер в 1605 г.): знаменитый писатель времен правления королевы Елизаветы о древностях Лондона и других мест.

Уайтчепел получил свое название от белой часовни облегчения, построенной для облегчения Степни, в приходе которого этот район находился до 1763 года.

ТЕНТЕРЫ: колышки для растягивания ткани. Иногда использовались крючки, откуда и пошло выражение "to be on tenter hooks" - быть на растяжке с тревогой.

От имени святой Катарины получили свое название большие доки к востоку от Тауэра.

bull-, bear-baiting: спорт, когда собаки натравливают быков или медведей.

Альсатия: за яркой картиной этого притона мошенников во времена правления Якова I читателя отсылают к "Судьбе Найджела" сэра В. Скотта.

Остинские монахи: место, известное как Драперс Гарденс (потому что к нему примыкает зал компании драпировщиков) на Трогмортон-стрит, находится на территории этого монастыря.

Канвик-стрит (ныне Кэннон-стрит) была названа так потому, что в этой части улицы жили торговцы воском и свечами.

41. ЕЛИЗАВЕТИНСКИЙ ЛОНДОН. ЧАСТЬ II.

Уильям Шекспир (родился в 1564 г., умер в 1616 г.): принц поэтов, живший в эпоху правления Елизаветы и Якова I.

Руины монастырей, которые были подавлены Генрихом VIII в 1536-1540 годах.

Холодная гавань: купеческий особняк, когда-то стоявший на берегу Темзы на Темз-стрит.

Женевская лента: вид воротника, который носили протестантские священнослужители, названный так потому, что Женева, родина Кальвина, была центром протестантизма.

Дворцы вдоль Стрэнда: если вы пройдете по Стрэнду, то заметите, что многие из коротких улиц, спускающихся к реке, носят имена знатных особ, например Арундел-стрит, Норфолк-стрит, Солсбери-стрит и т. д. от старых дворцов, которые когда-то там стояли.

Стейплз Инн: живописная группа старых домов в Холборне раньше была рынком шерсти (*стейпл* означает "постоянный рынок"). **Уайч-стрит** находится рядом с Холиуэлл-стрит в Стрэнде.

Суконная ярмарка - теперь бедный квартал рядом со Смитфилдом.

42. ЕЛИЗАВЕТИНСКИЙ ЛОНДОН. ЧАСТЬ III.

Внушение: в отсутствие какого-либо упорядоченного механизма, например, призыва (где служат все) или добровольной системы (как у нас), банда пресса похищала людей и заставляла их служить.

враждебность: злость, неприязнь.

Стилиард, на месте которого сейчас стоит железнодорожная станция Кэннон-стрит, был домом купцов Ганзы (см. [примечание к главе XXII](#)).

Джон Колет, декан собора Святого Павла (родился в 1466 г., умер в 1519 г.), был одним из лидеров возрождения образования в Англии. Школа Святого Павла, которую он основал в 1512 году, была перенесена в Хаммерсмит.

43. ТОРГОВЛЯ. ЧАСТЬ I.

Лесничать на рынке: то есть покупать вещи до их поступления на рынок, чтобы продать их по более высокой цене.

Любек: крупный порт на севере Германии на Балтике.

Скрепки (staples), первоначально все виды сырой продукции, стали применяться только к шерсти. Стейплз Инн когда-то был рынком шерсти.

Вместо того чтобы продавать нашу шерсть: Эдуард III привез в Англию фламандских ткачей, чтобы поощрить мануфактуры. До этого времени Англия производила и экспортировала шерсть в Антверпен и другие промышленные центры, но не делала из нее ткани.

Гамбург был членом Ганзейского союза.

Эта ширма была подарена ганзейскими купцами церкви All Hallows the Great на Темз-стрит в 1710 году.

44. ТОРГОВЛЯ. ЧАСТЬ II.

Инкуб: то, что отягощает и мешает.

Религиозные войны в Нидерландах: между протестантами-голландцами и католиками-испанцами, которые угнетали страну на протяжении большей части XVI века.

Биржа: то же, что и **биржа**, где купцы встречаются для ведения своих дел.

Английская шерсть в Брюгге, потому что ее много экспортировали из Англии до развития домашнего производства.

Фламандцы: уроженцы Фландрии, которые были главными производителями Европы задолго до того, как Англия заняла лидирующие позиции.

14 процентов: о величине этой ставки можно судить, сравнив ее с 2½ процентами, которые сегодня выплачивает Англия в качестве процентов по своим долгам.

Вифлеемская больница, превращенная в Бедлам, по-прежнему является больницей, но только для умалишенных.

45. ТОРГОВЛЯ. ЧАСТЬ III.

Брюгге... гражданские войны: то есть религиозные войны, о которых говорится в [главе XLIV](#).

Венецианцы: до открытия морского пути в Индию и на Восток Венеция была первой морской и торговой державой в мире. Путь вокруг мыса Доброй Надежды был открыт Васко де Гамой в 1497 году.

Молуккские острова: группа тропических островов между Целебесом и Новой Гвинеей, богатых жемчугом, пряностями и ценными породами дерева.

Каликут: порт в Мадрасе, где Васко де Гама впервые высадился на берег в мае 1498 года. Отсюда впервые была привезена хлопчатобумажная ткань, называемая *бязью*.

Мавританские пираты: Северная Африка всегда была прибежищем пиратов. В 1816 году лорду Эксмуту пришлось бомбардировать Алжир, и даже в 1860 году европейским державам пришлось подавлять пиратство в Марокко.

Дордрехт: торговый город на юге Голландии, недалеко от Роттердама.

Компания Южных морей прославилась среди других торговых компаний тем, что в 1720 году она провела большую спекуляцию своими акциями, получившую название "**пузырь Южных морей**".

46. ПЬЕСЫ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ. ЧАСТЬ I.

Муммеры: люди, которые играли в развлечениях в масках и в различных переодеваниях.

Маска: вид пьесы, в которой актеры носили маски. Комус" Мильтона - известная маска высокого уровня.

мистерия: название религиозной пьесы, представляющей какой-либо эпизод из Библии или сцены из жизни святого.

наставление: предупреждение.

Фрески: роспись на стене, покрытой штукатуркой, выполненная, пока штукатурка еще влажная или *свежая*.

последовательность: то есть связь одного события с другим.

свойства: предметы, используемые в пьесе, декорации, платье и т. д.

реалистичный: выглядящий так, как будто это действительно изображенные лица.

tableau: сцена.

арендатор: тот, кто арендует театр или держит его в аренде у владельца.

47. ПЬЕСЫ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ. ЧАСТЬ II.

Пьесы: грандиозные представления, шествия.

кадильницы: сосуды для сжигания благовоний.

Конduit: труба или канал для отвода или *проведения* воды.

Крест Чепе: мемориал, установленный в центре Чепе, или рынка, в память о королеве Элеоноре.

джеркины: разновидность куртки, часто из кожи.

Панопли: полный доспех.

баннерет: маленькое знамя.

блэкджеки: кожаные сосуды для хранения спиртного.

Мальмси: крепкое сладкое вино.

marshal: выстраивать и организовывать.

Шоу лорд-мэра: 9 ноября, когда народ имеет возможность приветствовать нового лорд-мэра при его вступлении в должность.

48. ПЬЕСЫ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ. ЧАСТЬ III.

либретто: слова маскарада или пьесы, положенные на музыку.

сценический: на сцене.

Бен Джонсон (родился в 1574 г., умер в 1637 г.): великий английский драматург и поэт, друг Шекспира.

Фрэнсис Бэкон, лорд Верулам (родился в 1561 г., умер в 1626 г.), лорд-канцлер и великий писатель на философские темы.

Оберон: король фей и муж Титании, как в пьесе Шекспира "Сон в летнюю ночь".

Спасти Джеймса: то есть короля Джеймса I; часть придворной лести, вызванной связью Джонсона с двором.

Принц Генрих, которого Оберон имеет в виду в маске, умер в 1612 году, к большому сожалению народа.

Фосфор: Люцифер, утренняя звезда, приносящая день.

49. ПЬЕСЫ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ. ЧАСТЬ IV.

Игла Гаммера (то есть старой матери) Гуртона - очень грубая старая пьеса о старухе, которая потеряла свою иглу, чиня бриджи, и, обвинив всех в краже, находит ее в самой одежде. Она была написана примерно в 1560 году. ("Гаммер", французское *grand'-mère*, бабушка, сократилось до "ганмер", а затем "гаммер").

Контрабандист: тот, кто скручивает себя в необычные позы, чтобы развлечь публику.

восьмиугольный: с восемью сторонами.

Пролог: стихи, произносимые перед началом пьесы, чтобы представить ее зрителям.

Золотой переулок: улица рядом с Барбиканом, сворачивающая с Олдерсгейт-стрит.

Бэнксайд, в Саутварке, на южной стороне Темзы.

50. УЖАС ЧУМЫ. ЧАСТЬ I.

Притязания: амбициозные претензии.

Войны Роз: гражданская война 1455-1485 годов. Говоря о потерях в людях, вызванных этой войной, следует помнить, что они в наибольшей степени ложились на знатные семьи; масса населения не была так сильно обеспокоена ими.

Лонг-Акр: улица рядом с Друри-Лейн, ныне занятая в основном извозчиками.

Бред: блуждание ума, вызванное лихорадкой.

51. УЖАС ЧУМЫ. ЧАСТЬ II.

Реестры: запись имен умерших людей. В настоящее время такие записи точно ведутся регистраторами рождений, смертей и браков.

Король: Карл II, который, какими бы ни были его недостатки, был, по крайней мере, добродушен и не склонен к страданиям.

Сэмюэл Пепис (родился в 1632 г., умер в 1703 г.) был секретарем Адмиралтейства во времена правления Карла II и Якова II. Его знаменитый дневник дает наглядное представление о жизни во время этих царствований.

52. УЖАС ПЕРЕД ОГНЕМ. ЧАСТЬ I.

Коулмен-стрит идет на север от Лотбери (за зданием Банка Англии) до Мургейта. Название восходит еще к саксонским временам и, вероятно, происходит от имени некоего Сеолмунда, у которого была ферма неподалеку.

Святой Эркинвальд: ранний саксонский епископ Лондона, который призывал горожан восстанавливать разрушенный город и сам построил Епископские ворота (названные в его честь). Его святыня в соборе Святого Павла долгое время была объектом почитания.

Патерностер-роу: всегда был крупным центром книжной торговли: до посягательств он примыкал непосредственно к собору. Естественно, большая часть товаров книготорговцев была религиозной - патерностеры, аввы, кредо и т. д.

Алтарь: восточная часть церкви, в которой находится алтарь, отделенный от остальной части церкви ширмой или перилами. (Латинское *cancelli*, решетка).

трансепт: часть собора, выступающая по обе стороны. Соборы обычно строятся в форме креста; трансепт - это руки креста на плане земли.

53. УЖАС ОГНЯ. ЧАСТЬ II.

Астроном: тот, кто изучает звезды или небесные тела.

Джон Эвелин (родился в 1620 г., умер в 1706 г.), джентльмен времен правления Карла II, был назначен одним из комиссаров по восстановлению Лондона после Великого пожара. Он вел дневник, который не так забавен, как дневник Пеписа (см. главу LI.).

Церковь Святого Дунстана-на-Востоке на Тауэр-стрит была первой церковью, восстановленной Реном после пожара.

Джон Драйден (родился в 1631 г., умер в 1700 г.): один из величайших английских поэтов. Он был сторонником дома Стюартов и стал поэтом-лауреатом.

несносный: подверженный.

54. МОШЕННИКИ И БРОДЯГИ.

Бродяги: странники, не имеющие оседлого дома.

Уоппинг: назывался Уоппинг-Уош (или Болото) во времена королевы Елизаветы, когда он был впервые осушен и засыпан, находится на северном берегу Темзы в Мидлсексе, недалеко от туннеля Темзы.

Ламбет, расположенный на южном берегу реки напротив Вестминстера, находится в низине и в саксонские времена назывался Ламбхит, что означает суглинистое или илистое место для посадки.

Бермондси (*Ey-island*), на южном берегу Темзы, в одной миле к юго-востоку от собора Святого Павла, - центр торговли кожей и шерстью.

Ротерхит (или Редрифф), расположенный на южном берегу Темзы, лежит к востоку от Бермондси и выходит на Уоппинг. В Ротерхите находится южный конец тоннеля Темзы.

stringent: строгий.

impotent: бессильный, неспособный к работе.

колодки: деревянная рама, в которую заключались ноги преступников.

Барбакан: улица рядом с местом, где находились старые Олдерсгейтские ворота. Барбакан означает оборонительные сооружения для ворот. **Тернмилл-стрит** находится рядом с железнодорожной станцией Фаррингдон.

55. ПРИ ГЕОРГЕ II. ЧАСТЬ I. БОГАТСТВО ЛОНДОНА.

Эссеисты: люди, пишущие эссе, то есть короткие сочинения на любую тему.

Живописность: красота и изящество; качества, которые, как можно предположить, делают что-либо хорошим предметом для *картины*.

рюши: кусочки какого-либо белого материала, скрученные в косичку и прикрепленные в виде оборки к воротнику и рукавам одежды.

показной: выставлять напоказ.

Пуританизм: более трезвый стиль жизни и мышления, введенный пуританами, которые были религиозной партией во времена Елизаветы и Стюартов и стремились к более чистой и простой доктрине и образу жизни.

56. ПРИ ГЕОРГЕ II. ЧАСТЬ II.

Предшественники: те, кто был до них.

Крестообразный: в форме креста. План многих церквей имеет форму креста.

Церковь Святого Стефана в Уолбруке стоит за особняком, где раньше протекал Уолбрук.

Лекторство: должность лектора, который читает лекции, рассуждения или (как в данном случае) проповеди. Деньги были оставлены для оплаты этих проповедей, то есть лекторские должности были **одарены**.

harbouring: укрытие.

организаторы: те, кто берется и организует что-либо.

Хеймаркет (очевидно, когда-то бывший сенным рынком) находится рядом с Трафальгарской площадью, а **Ковентри-стрит** - рядом с Лестер-сквер.

новшества: новинки, новые вещи.

57. ПРИ ГЕОРГЕ II. ЧАСТЬ III.

Брод-стрит: между Королевской биржей и Ливерпуль-стрит.

Уайткросс-стрит находится рядом с Барбаканом, Олдерсгейт-стрит; **Уайтчепел**, в котором находится **Мидлсекс-стрит** (широко известная как Petticoat Lane), достигается через Олдгейт.

Хогарт (родился в 1697 г., умер в 1764 г.): знаменитый английский художник, прославившийся в основном нравоучительными, сатирическими и юмористическими картинами, взятыми из повседневной жизни.

Асфальт: вид минерального смолистого вещества, которое плавится при нагревании и может быть уложено так, чтобы образовать твердое и гладкое дорожное полотно.

Воксхолл: в Суррее, в приходе Ламбет, на юге Темзы. Когда-то здесь находилось старинное поместье под названием Фоукс или Фокс-холл.

Бермондси Спа: назван так из-за минерального источника, открытого здесь в 1770 году. (Спа - место, где есть минеральный источник, - получило свое название от знаменитого водоема в Бельгии с таким названием).

Пунш: напиток, состоящий из пяти ингредиентов - воды, спиртного, сахара, лимонного сока, специй.

58. ПРИ ГЕОРГЕ II. ЧАСТЬ IV.

Приличный: ведущий себя прилично и респектабельно.

оценка: оценка, суждение о чем-либо.

конгрегация: собрание людей.

Бенджамин Франклин (родился в 1706 г., умер в 1790 г.): уроженец Бостона, США, некоторое время жил в Англии. Как ученый он известен своими экспериментами с электричеством; как политик - своей долей в отстаивании независимости американских штатов.

transmission: передача от отца к сыну.

externally: внешне.

Сент-Катаринс, Рэтклифф, Шэдвелл, Степни - все они находятся в Ист-Энде Лондона.

юрисдикция: юридическая власть.

59. ПРИ ГЕОРГЕ II. ЧАСТЬ V.

Лихтеры: большие лодки или баржи, используемые для разгрузки кораблей.

Площадки для отбеливания: место, где ткань раскладывали для отбеливания или отбеливания ветром и солнцем.

Хмель: стебли растения хмель.

транспортировка: перевозка осужденных преступников за границу. До 1869 года каторжников отправляли в Австралию; теперь их содержат в каторжных тюрьмах на родине.

классификация: разделение и распределение по классам.

присвоить: украсть что-то, доверенное человеку.

пресс-банда: группа матросов под командованием офицера, который насильно забирал людей на службу в Королевский флот.

анархия: отсутствие правил, беспорядок.

Гордонские бунты: в 1780 году, возглавляемые фанатичным лордом Джорджем Гордоном. Толпа подняла крик "Нет папизму!" из-за закона, предлагавшего отменить тяготы для римских католиков. Настоящей целью толпы были беспорядки и грабежи. Беспорядки пришлось подавлять военной силой.

Полиция: организована в 1829 году сэром Робертом Пилем, в честь которого ее сотрудников стали называть "бобби" и "пильщиками".

60. УПРАВЛЕНИЕ ГОРОДОМ. ЧАСТЬ I.

Деноминации: религиозные организации или секты, члены которых называются одним и тем же именем. (Латинское *nomen* - имя).

every conceivable topic: все темы, которые только можно придумать.

сообщество: народ, публика.

достигнутый: завоеванный усилиями.

61. ПРАВИТЕЛЬСТВО ГОРОДА. ЧАСТЬ II.

Symbol of: представитель; presence of a policeman is the outward form taken by the law in the eyes of the people.

mote: собрание; отсюда **folks' mote**, собрание народа или людей; **ward mote**, собрание тех, кто живет в одном приходе или городском районе.

Компании: такие, как компании ювелиров, торговцев, драпировщиков и т. д.

Quarter Sessions: сессии или заседания судов графства или города, проводимые каждый квартал.

архивы: государственные документы.

Сержант означает "слуга", "офицер" - в данном случае служитель закона. Обычно это звание в армии.

62. ПРАВИТЕЛЬСТВО ГОРОДА. ЧАСТЬ III.

Advocate: приводить доводы в пользу.

упорство: настойчивость, стойкость. (Латинское *teneo*, держать).

ливрея: потому что члены различных торговых компаний носили отличительную форму или ливрею.

флетчеры: изготовители стрел. (Французское *flèche*, стрела.)

доверительные деньги: деньги, доверенные для определенной цели, для которой только они и могут быть использованы.

технический: где обучают полезным профессиям и наукам.

63. ЛОНДОН. БОЛЬШОЙ ЛОНДОН.

Консервативный: сохраняющий, насколько это удобно, существующее положение вещей.

функции: полномочия и обязанности.

исправительные школы: куда отправляют мальчиков и девочек, совершивших какое-либо преступление, для исправления в лучшую сторону.

активы: имущество, которым реально владеют, чтобы его можно было зачесть в счет долга.

демократический: предоставление власти и влияния народу.

олигархический: предоставление власти и влияния немногим.

"законопослушность": право на помощь в создании законов.

Spottiswoode & Co. Печатники, Нью-Стрит-Сквер, Лондон

[Примечание переводчика: В данном тексте исправлены следующие ошибки:

Страница 6: Fitzstephen's - FitzStephen's

Стр. 68: fiteenth - fifteenth

Страница 108: Семнадцатый - Пятнадцатый

Страница 135: Вестминтер - Вестминстер

Страница 223: alway - always

Страница 246: Архиепископ - архиепископ

Стр. 256: supressed - подавленный

В оригинальном тексте следующие слова непоследовательно поставлены через дефис: folk-mote, folkmote; Lud-gate, Ludgate; pack-horse, packhorse; river-side, riverside].